Рѣдѣть

Русскіе поэты для дѣтей

Составилъ

Саша Черной

РАДУГА

ДѢТСКАЯ БИБЛІОТЕКА «СЛОВА»

РАДУГА

РУССКІЕ ПОЭТЫ
ДЛЯ ДѢТЕЙ

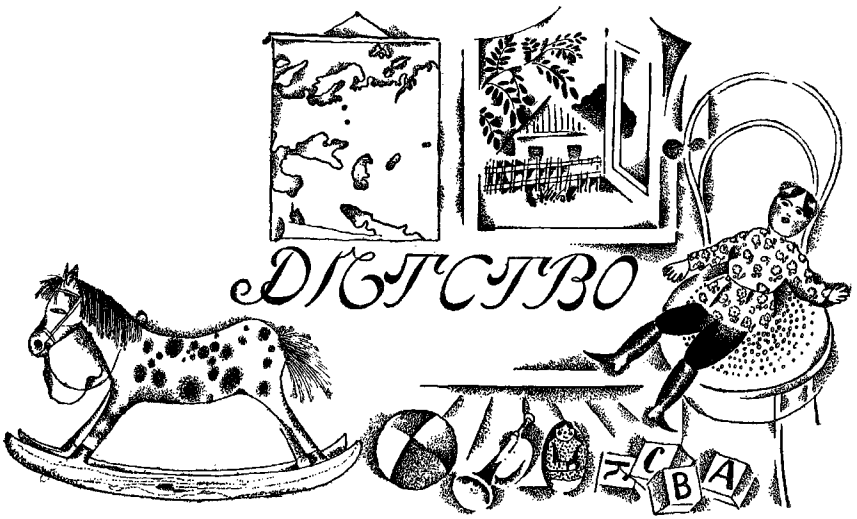
СОСТАВИЛЪ

САША ЧЕРНЫЙ

ОБЛОЖКА И РИСУНКИ К. Л. БОГУСЛАВСКОЙ

1922

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «СЛОВО»


ДІТСТВО
В
А

* *
*

Помню: долгій зимній вечеръ,
Полумракъ и тишина...
Тускло льется свѣтъ лампады,
Буря плачетъ у окна.

Я лежу въ своей кроваткѣ,
Истомленный и больной.
Мать съ безмолвной, тайной грустью
Наклонилась надо мной.

«Дорогой мой, — шепчетъ тихо, —
Если хочешь задремать,
Чтобы бодрымъ и веселымъ
Завтра утромъ быть опять,

«Позабудь, что воетъ вьюга,
Позабудь, что ты со мной, —
Вспомни тихій шопотъ лѣса
И полдневный лѣтній зной.

«Вспомни, какъ шумятъ березы,
А за лѣсомъ, у межи,
Ходятъ медленно и плавно
Золотыя волны ржи.»

И знакомому совѣту
Я довѣрчиво внималъ,
И, обвѣянный мечтами,
Забываться начиналъ.

Вмѣстѣ съ тихимъ сномъ сливалось
Убаюкиванье грезъ:
Шопотъ зрѣющихъ колосьевъ
И невнятный шумъ березъ...

Ив. Бунинъ

ВО́РОТЪ

— «Спать пора! Свѣча сгорѣла,
Да и ты, моя краса,
Голова отяжелѣла,
Кудри лѣзутъ на глаза...
Стань вотъ тутъ передъ иконы, —
Я постельку стану стлать.
Не спѣши же класть поклоны,
Богородицу читать!
Видишь, глазки-то, бѣдняжки,
Такъ и просятся уснуть!
Только воротъ у рубашки
Надо прежде разстегнуть.»
— Отчего же, няня, надо?
— «Надо, другъ мой, чтобъ тобой,
Не сводя святого взгляда,
Любовался ангелъ твой.
Твой хранитель, ангелъ Божій,
Прилетаетъ по ночамъ, —
Какъ и ты, дитя пригожій,
Только крылья по плечамъ.
Коль твою онъ видитъ душку, —
Воротъ вскрытъ, — и тихъ твой сонъ:
Тихо справа на подушку,
Улыбаясь, сядетъ онъ.

А закрыта душка, — спрячетъ
Душку воротъ, — мутны сны:
Ангелъ взглянетъ и заплачетъ,
Сядетъ съ лѣвой стороны.
Надъ тобой Господня сила!
Дай, я воротъ распущу...
Ужъ подушки я крестила —
И тебя перекрещу.»

А. Фетъ

КОЛЫБЕЛЬНЫЯ ПѢСНИ

I

Спи, дитя мое, усни!
Сладкій сонъ къ себѣ мани!
Въ няньки я тебѣ взяла
Вѣтеръ, солнце и орла.

Улетѣлъ орелъ домой,
Солнце скрылось подъ горой;
Вѣтеръ послѣ трехъ ночей
Мчится къ матери своей.

Вѣтра спрашиваетъ мать:
«Гдѣ изволилъ пропадать?
Али звѣзды воевалъ?
Али волны все гонялъ?» —

«Не гонялъ я волнъ морскихъ,
Звѣздъ не трогалъ золотыхъ:
Я дитя оберегалъ,
Колыбелечку качалъ».

А. Майковъ

II

Баю — баюшки — баю,
Баю Оленьку мою!
Что на зорькѣ — на зарѣ,
О весенней о порѣ,
Пташки Божіи поютъ,
Въ темномъ лѣсѣ гнѣзда вьютъ.
Соловейка-соловей,
Ты гнѣзда себѣ не вей:
Прилетай ты въ нашъ садокъ, —
Подъ высокій теремокъ,
По кусточкамъ попорхать,
Спѣлыхъ ягодъ поклевать,
Солнцемъ крылышки пригрѣть,
Олѣ пѣсенку пропѣть;
Баю — баюшки — баю,
Баю Оленьку мою!

Л. Мей

III

Я не знаю многихъ пѣсенъ, знаю пѣсенку одну,
Я спою ее младенцу, отходящему ко сну,
Колыбельку я рукою осторожною качну,
Пѣсенку спою младенцу, отходящему ко сну.
Тихій ангелъ встрепенется, улыбнется, погрозится шалуну,
И шалунъ ему отвѣтитъ: «Ты не бойся, ты не дуйся, — я засну».
Ангелъ сядетъ къ изголовью, улыбаясь шалуну,
Сказки тихія разскажетъ отходящему ко сну.
Онъ про звѣздочки разскажетъ, онъ разскажетъ про луну,
Про цвѣты въ раю высокомъ, про небесную весну.

...Я не знаю много пѣсенъ, знаю пѣсенку одну,
Я спою ее младенцу, отходящему ко сну,
Я на ротикъ розъ раскрытыхъ росы тихія стряхну,
Глазки-цвѣтики-цвѣточки пѣсней тихою сомкну.

Ѳ. Сологубъ

IV

Ужъ ты галочка,
Трепыхалочка,
Голохвосточка,
Бѣлокосточка,
Помоги какъ-нибудь
Ты Никитушкѣ уснуть...
Ужъ ты ельничекъ,
Можжевельничекъ,
Весь въ иголочкахъ,
Остроколочкахъ,
Не шуми, не гуди,
Ты Никиту не буди...
Ужъ ты вѣтеръ-вѣтерокъ,
Прилетай на нашъ порогъ,
Ты свернись клубкомъ,
Укачай нашъ домъ.
Баю-бай, — запѣвай,
Сонъ да дрему навѣвай.

Н. Крандіевская

* *
*

Мнѣ снится: карликъ я. Меня скрываютъ травы;
Такъ страшно: кротъ — медвѣдь, оса — крылатый тигръ.
Вотъ жукъ, огромный жукъ, лоснящійся, лукавый;
Вотъ лягушатъ семья; боюсь ихъ сонныхъ игръ...

Кто приметъ странника, кто сердце успокоитъ?
Тамъ, гдѣ вчера упалъ березовый листокъ,
Тамъ въ кельѣ молится мохнатый червячокъ;
Я постучусь къ нему: онъ добрый, онъ откроетъ...

В. Сиринъ

БЯШКИНЪ СОНЪ

Кудри темныя разсыпавъ
На подушкѣ бѣлоснѣжной,
Кроткимъ сномъ забылся Бяшка.
Спитъ мой крошка, спитъ мой нѣжный.

Сны надъ мальчикомъ летаютъ,
Лугъ зеленый снится Бяшкѣ,
На лугу пасется стадо,
Все овечки да барашки.

Вслѣдъ за ними съ палкой длинной
Бродитъ малый человѣчекъ,
Палкой длинной погоняетъ
И барашковъ и овечекъ.

Такъ и хлещетъ, такъ и машетъ.
Самъ точь въ точь похожъ на Бяшку,
По травѣ бѣжитъ ребенокъ,
Топчетъ бѣлую ромашку.

Вдругъ — откуда ни возьмися,
Злой Буканъ — глаза, что свѣчки!
Трахъ! — въ мѣшокъ къ нему попались
И барашки и овечки.

Но Букану, видно, мало,
Обернувшись тараканомъ,
Онъ ползетъ... да прямо къ Бяшкѣ!
Струсилъ Бяшка предъ Буканомъ.

Вздрогнулъ, вскрикнулъ и... проснулся.
Тихо въ комнатѣ у Бяшки,
Къ мамѣ въ шкапъ ушли буканы
И овечки, и барашки.

М. Лохвицкая

СОНЪ ДРЕМОВИЧЪ

Если мальчикъ разоспится
На зарѣ —
Сонъ Дремовичъ загостится
На дворѣ.
Подъ окошками у дѣтской
Сонъ стучитъ,
Ходитъ поступью турецкой
И ворчитъ:
— Ты на зорькѣ первый встань-ка!
Полно спать:
Сонъ Дремовичъ я, не нянька,
Чтобъ качать!
Ишь ты, къ утру разоспался!
Я усталъ:
Въ колыбелькѣ не качался —
Самъ качалъ.
Я хоть Сонъ, да все вѣдь надо
Мнѣ поспать.
Не великая отрада
Здѣсь шагать.
Старъ я, Сонъ. Усталъ, нѣтъ мочи...
Ой, уйду!
Разсержуся — да и къ ночи
Не приду.
Тукъ-тукъ-тукъ! Живѣе встань-ка!
Полно спать.

Я тебѣ, ей-ей, не нянька,
Чтобъ качать! —
И сердито сонъ стучится
Подъ окномъ,
Если мальчикъ разоспится
Долгимъ сномъ.

С. Сѣверный

* *
*

Котъ поетъ, глаза прищуря;
Мальчикъ дремлетъ на ковръ.
На дворѣ играетъ буря,
Вѣтеръ свищетъ на дворѣ...

— «Полно тутъ тебѣ валяться, —
Спрячь игрушки, да вставай!
Подойди ко мнѣ прощаться,
Да и спать себѣ ступай.»

Мальчикъ всталъ. А котъ глазами
Поводилъ, и все поетъ;
Въ окна снѣгъ валитъ клоками,
Буря свищетъ у воротъ.

А. Фетъ

МАТЬ И ДИТЯ

Комнату лампада
Кротко озаряла;
Мать, надъ колыбелью
Наклонясь, стояла.
А въ саду сердито
Выла буря злая,
Надъ окномъ деревья
Темныя качая;
И колючей вѣткой
Ель въ стекло стучала,
Какъ стучитъ порою
Путникъ запоздалый.
Дождь шумѣлъ; раскаты
Слышалися грома;
И гремѣлъ, казалось,
Онъ надъ крышей дома.
На малютку-сына
Нѣжно мать глядѣла;
Колыбель качая,
Тихо пѣсню пѣла:
«Ахъ, уймись ты, буря!
Не шумите, ели!
Мой малютка дремлетъ
Сладко въ колыбели.
Ты, гроза Господня,

Не буди ребенка;
Пронеситесь, тучи
Черныя сторонкой!
Спи, дитя, спокойно...
Вотъ гроза стихаетъ;
Матери молитва
Сонъ твой охраняетъ.
Завтра, какъ проснешься
И откроешь глазки,
Снова встрѣтишь солнце
И любовь и ласки!»

А. Плещеевъ

НЯНЯ

Помню я: бывало няня,
Долго сидя за чулкомъ,
Молвитъ: «баловень ты, Ваня,
Все дурачишься съ котомъ.

Встань, подай мою шубейку:
Что-то холодно... дрожу...
Да присядь вотъ на скамейку,
Сказку длинную скажу».

И старушка съ разстановкой
До полночи говоритъ.
Съ приподнятою головкой
Я сижу. Свѣча горитъ.

Пѣтухи давно пропѣли.
Поздно. Тянется ко сну...
Гдѣ-то дрожки прогремѣли...
И подъ говоръ я засну.

Сонъ покоенъ. Утромъ встанешь
Прямо въ садикъ... Рай земной!
Пѣсни, говоръ... А какъ глянешь
На росинки, — самъ не свой!

Чуть сорока прострекочетъ, —
Понимаешь, хоть молчишь,
Упрекнуть она, молъ, хочетъ:
«Здравствуй, Ваня!.. долго спишь!»

И. Никитинъ

ДѢВОЧКА

Что же ты плачешь,
Дѣвочка, — во снѣ?
Голову прячешь
На грудь ко мнѣ?

Ангелъ Божій
Любитъ, если смѣются.
На него похожи,
Дѣти, когда проснутся.

Ты меня не узнала?
Прижмись ко мнѣ.
А что̀ тебя испугало,
Это было во снѣ.

В. Брюсовъ

* *
*

Мама, глянь-ка изъ окошка, —
Знать, вчера недаромъ кошка
Умывала носъ:
Грязи нѣтъ, весь дворъ одѣло,
Посвѣтлѣло, побѣлѣло, —
Видно, есть морозъ.

Неколючій, свѣтло-синій
По вѣтвямъ развѣшанъ иней, —
Погляди хоть ты!
Словно кто-то тароватый
Свѣжей, бѣлой, пухлой ватой
Всѣ убралъ кусты.

Ужъ теперь не будетъ спору;
За салазки, да и въ гору
Весело бѣжать!
Правда, мама? Не откажешь,
А сама навѣрно скажешь:
— «Ну, скорѣй гулять!»

А. Фетъ

МАТЬ

«Бѣдный мальчикъ! весь въ огнѣ,
Все ему неловко! —
Лягъ на плечико ко мнѣ,
Прислонись головкой!

Я съ тобою похожу...
Подремли, мой мальчикъ,
Хочешь, сказочку скажу:
Жилъ-былъ мальчикъ съ пальчикъ...

Нѣтъ! Не хочешь?.. Сказки — вздоръ!
Пѣсня лучше будетъ...
Зашумѣлъ сыръ-теменъ боръ,
Лисъ лисичку будитъ;

Во сыромъ-темнòмъ бору...
Задремалъ мой крошка!
Я малинки наберу
Полное лукошко...

Во сыромъ-темнòмъ бору...
Тише! засыпаетъ...
Словно птенчикъ, все въ жару
Губки открываетъ...

«Во сыромъ бору» поетъ
Мать, и ходитъ, ходитъ...
Тихо, долго ночь идетъ...
Ночь ужъ день выводитъ —

Мать поетъ, рука у ней
Затекла, устала,
И не разъ слезу съ очей
Бѣдная роняла...

И едва дитя въ жару,
Вздрогнувъ, встрепенется —
«Во темнòмъ-сыромъ бору»
Снова раздается...

Отклони ударъ, уйди,
Смерть съ своей косою!
Мать дитя съ своей груди
Не отдастъ безъ бою!

Заслонитъ, средь всѣхъ тревогъ,
Всей душой своею,
Жизни чудный огонекъ,
Что затепленъ ею!

И едва онъ засвѣтилъ, —
Вдругъ ей ясно стало,
Что̀ любви, что̀ чудныхъ силъ
Сердце въ ней скрывало!..

А. Майковъ

ИЗЪ ЖИЗНИ

Дѣдъ, поднявшись спозаранку,
Къ внучкамъ въ комнату спѣшитъ.
«Доброй вѣсточкой утѣшить
Васъ пришелъ я, — говоритъ.

«Все зимы вы ждали, дѣти!
Надоѣла вамъ давно
Осень хмурая съ дождями;
Посмотрите же въ окно!

«За ночь выпалъ снѣгъ глубокій,
И морозъ, какъ въ декабрѣ;
Ужъ впрягли въ салазки Жучку
Ребятишки во дворѣ.

«Ну, вставайте же, лѣнтяи!
Я ужъ кучеру сказалъ,
Чтобъ ковромъ покрылъ онъ сани
И Савраску запрягалъ.

«Гостью-зимушку покатимъ
Мы встрѣчать на хуторокъ;
Побѣгутъ за нами слѣдомъ
И Барбоска, и Дружокъ.

«Вашихъ кроликовъ любимыхъ
Тамъ покормимъ мы, друзья,
И шагающаго важно
Съ умнымъ видомъ журавля;

«Посмѣемся надъ сердитымъ
И ворчливымъ индюкомъ;
Всѣхъ коровушекъ мы съ вами,
Птичій дворъ весь обойдемъ.

«А покамѣстъ мы гуляемъ
Самоварчикъ закипитъ...
И яичницу, пожалуй,
Дѣдъ потомъ вамъ смастеритъ.»

Дѣду ждать пришлось недолго:
Не успѣлъ умолкнуть онъ,
На ногахъ ужъ были дѣти,
Позабывъ и лѣнь, и сонъ.

Вотъ умылись и одѣлись,
И смотрѣть бѣгутъ скорѣй,
Запрягаетъ ли Савраску
Кучеръ дѣдушкинъ, Матвѣй.

Солнце яркое сіяетъ
Въ зимнемъ небѣ голубомъ,
И равниной снѣжной мчатся
Сани, крытыя ковромъ.

Визгъ и крикъ! Всему хохочутъ
Дѣти рѣзвыя до слезъ;
Обдаетъ ихъ снѣжной пылью,
Лица щиплетъ имъ морозъ...

Двое — въ санкахъ, рядомъ съ дѣдомъ,
А одинъ — на облучкѣ...
«Ну! — кричитъ, — пошелъ, Савраска!
Скоро будемъ въ хуторкѣ!»

Какъ ни счастливы малютки,
Но еще счастливѣй дѣдъ,
Словно съ плечъ его свалилось
Цѣлыхъ пять десятковъ лѣтъ!

А. Плещеевъ

ДѢТСТВО

Вотъ моя деревня,
Вотъ мой домъ родной;
Вотъ качусь я въ санкахъ
По горѣ крутой...

Вотъ свернулись санки,
И я на бокъ хлопъ!
Кубаремъ качуся
Подъ гору въ сугробъ.

И друзья-мальчишки,
Стоя надо мной,
Весело хохочутъ
Надъ моей бѣдой.

Все лицо и руки
Залѣпилъ мнѣ снѣгъ...
Мнѣ въ сугробѣ — горе,
А ребятамъ — смѣхъ.

И. Суриковъ

ДѢВОЧКА ВЪ ЛѢСУ

— О чемъ ты плачешь, дѣвочка,
Въ задумчивой глуши,
У озера, гдѣ зыблятся
Сѣдые камыши?

Зачѣмъ слезинки вспыхнули
И льются на траву?
— Я жду къ себѣ русалочку,
Зову ее, зову!

Никто не откликается —
И скучно мнѣ одной!
Вокругъ все непривѣтливо
И лѣсъ — такой пустой.

— Забудь про слезы, дѣвочка,
Взгляни повеселѣй:
Хоть нѣтъ въ лѣсу русалочки,
Но много есть друзей!

Вонъ — пташка заливается,
Вонъ бабочки летятъ,
Стрекозы золотистыя
На солнышкѣ блестятъ.

Букашка пестрокрылая
По вѣточкѣ ползетъ,
И каждый ландышъ шепчется,
И каждый листъ — живетъ.

Вглядись, подумай, вслушайся:
Ты больше не одна!
Друзей даритъ безчисленныхъ
Лѣсная глубина.

М. Пожарова

ЛѢСНИКЪ И ЕГО ВНУКЪ

«Дѣдушка, дѣдушка! Вотъ я чудесъ то когда насмотрѣлся!
Пѣсней наслышался всякихъ!.. и вспомню, такъ сердце забьется.
Утромъ я сѣлъ на полянѣ подъ дубомъ и сталъ дожидаться,
Скоро ли солнышко встанетъ. Въ лѣсу было тихо, такъ тихо,
Словно все замерло... Вижу я, тучки на небѣ алѣютъ —
Больше да больше, — и солнышко встало! Какъ будто пожаромъ
Лѣсъ освѣтило! Цвѣты на полянѣ, листы на деревьяхъ,
Ожило все, засіяло... ну, точно смѣется сквозь слезы
Божьей росы!.. Сквозь просѣку увидѣлъ я чистое поле:
Яркимъ румянцемъ покрылось оно, а пары поднимались
Выше и выше, и золотомъ тучи отъ солнца горѣли.
Богъ вѣсть, кто строилъ изъ тучекъ мосты, колокольни, хоромы,
Горы какія-то съ мѣдными шапками... Диво и только!

Глянулъ я вверхъ: надо мною на вѣткахъ была паутина, —
Мнѣ показалось, серебряной сѣти я вижу узоры.
Самъ то паукъ длинноногій, какъ умный хозяинъ, поутру
Вышелъ, работу свою осмотрѣлъ и двѣ ниточки новыхъ
Бойко провелъ, да и скрылся подъ листикомъ, — вотъ ужъ лукавый!..
Вдругъ на сухую березу сѣлъ дятелъ и носикомъ длиннымъ
Началъ стучать, будто вымолвить хочетъ: «проснитеся, сони!»
Слышу, малиновка гдѣ-то запѣла, за нею другая,
И раздалися въ кустахъ голоса, будто праздникъ великій
Вольныя птички встрѣчали... такъ весело!.. Вѣтеръ прохладный
Что-то шепнулъ потихоньку осинѣ, — она встрепенулась,
Съ листьевъ посыпались свѣтлыя капли, какъ дождикъ, на травку;
Вдругъ зашумѣли березы, орѣшникъ, и лепетъ, и говоръ
По лѣсу всюду пошелъ, словно гости пришли на бесѣду...»
— «Охъ, ты, кудрявый шалунъ, наяву начинаешь ты грезить!
Вѣтеръ въ лѣсу зашумѣлъ — у него это чудо большое.
Любишь ты сказки-то слушать и самъ ихъ разсказывать мастеръ.
Вишь, вчера вечеромъ сѣлъ у ручья да глазѣетъ на звѣзды.

Невидаль точно какая! Кололъ бы ты лучше лучину!
Что, и ручей, чай, вчера разсказалъ тебѣ новаго много? —
«Какъ же, разсказывалъ, дѣдушка! Я любовался сначала,
Какъ потухала заря, и на небѣ, одна за другою,
Звѣздочки стали выглядывать; мнѣ показалось въ ту пору:
Ангеловъ свѣтлыя очи глядятъ къ намъ оттуда на землю;
Видѣлъ я, какъ поднимался и мѣсяцъ надъ лѣсомъ; не знаю,
Что онъ не смотритъ, какъ солнышко? все будто думаетъ что-то.
Любо мнѣ было. Прилегъ я на травку подъ ивой зеленой, —
Слышу, ручей говоритъ: «хорошо мнѣ журчать въ темномъ лѣсѣ:
Въ полночь тутъ дивы приходятъ ко мнѣ, поютъ пѣсни и пляшутъ;
Только раздолья здѣсь нѣтъ. Будетъ время, я выйду на волю,
Выйду изъ темнаго лѣса, увижу я синее море;
Въ морѣ дворцы изъ стекла и сады съ золотыми плодами;
Есть тамъ русалки, бѣлѣй молока ихъ открытыя плечи;
Очи, какъ звѣзды, горятъ; въ волосахъ дорогіе каменья.
Есть тамъ старикъ-чародѣй; разсыпаетъ онъ вѣтры по волѣ;
Слушаютъ рыбы его; вѣсти чудныя рѣки приносятъ...»

— Вотъ, погоди, — подрастешь, позабудешь ты эти разсказы;
Люди за нихъ не дадутъ тебѣ хлѣба и скажутъ: трудися!
Вонъ нашъ пастухъ съ раннихъ лѣтъ обучился играть на свирѣли,
Такъ и состарился нищимъ, все новыя пѣсни слагаетъ! —
«Развѣ не плакалъ ты дѣдушка самъ, когда вечеромъ позднимъ
Брался пастухъ за свирѣль, и по темному лѣсу далеко
Пѣснь соловьиная вдругъ разливалась, — и все замолкало,
Словно и лѣсъ ее слушалъ, и синее небо, и звѣзды?
Нѣтъ, не брани меня, дѣдушка! Выросту, буду трудиться,
Буду и пѣсни я пѣть, какъ поетъ вѣтерокъ перелетный,
Вольныя птицы по днямъ, по ночамъ темный лѣсъ подъ грозою,
Буду пѣть радость и горе и улыбаться сквозь слезы!»

И. Никитинъ

ВУРДАЛАКЪ

Трусоватъ былъ Ваня бѣдный:
Разъ онъ позднею порою
Весь въ поту, отъ страха блѣдный,
Чрезъ кладбище шелъ домой.
Бѣдный Ваня еле дышитъ;
Спотыкаясь, чуть бредетъ
По могиламъ; вдругъ онъ слышитъ —
Кто-то кость ворча грызетъ.
Ваня сталъ, шагнуть не можетъ.
«Боже! — думаетъ бѣднякъ —
Это, вѣрно, кости гложетъ
Красногубый вурдалакъ.
Горе! малый я несильный;
Съѣстъ упырь меня совсѣмъ,
Если самъ земли могильной
Я съ молитвою не съѣмъ».
Что же? вмѣсто вурдалака
(Вы представьте Вани злость!) —
Въ темнотѣ предъ нимъ собака
На могилѣ гложетъ кость.

А. Пушкинъ

КРЕСТЬЯНСКІЯ ДѢТИ

I

...Счастливый народъ! Ни науки, ни нѣги
Не вѣдаютъ въ дѣтствѣ они.
Я дѣлывалъ съ ними грибные набѣги:
Раскапывалъ листья, обшаривалъ пни,
Старался примѣтить грибное мѣстечко,
А утромъ не могъ ни за что отыскать.
«Взгляни-ка, Савося, какое колечко!»
Мы оба нагнулись, да разомъ и хвать
Змѣю! Я подпрыгнулъ: ужалила больно!
Савося хохочетъ: «Попался спроста!»
Зато мы потомъ ихъ губили довольно
И клали рядкомъ на перила моста.
Должно быть, за подвиги славы мы ждали.
У насъ же дорога большая была;
Рабочаго званія люди сновали
По ней безъ числа;

Копатель канавъ, вологжанинъ.
Лудильщикъ, портной, шерстобитъ,
А то въ монастырь горожанинъ
Подъ праздникъ молиться катитъ.

Подъ наши густые, старинные вязы
На отдыхъ тянуло усталыхъ людей.
Ребята обступятъ: начнутся разсказы

Про Кіевъ, про турку, про чудныхъ звѣрей.
Иной подгуляетъ, такъ только держися —
Начнетъ съ Волочка, до Казани дойдетъ!
Чухну передразнитъ, мордву, черемиса,
И сказкой потѣшитъ, и притчу ввернетъ.

. . . . . .

Рабочій разставитъ, разложитъ снаряды —
Рубанки, подпилки, долота, ножи:
«Гляди, чертенята!» А дѣти и рады:
Какъ пилишь, какъ лудишь — имъ все покажи.
Прохожій заснетъ подъ свои прибаутки,
Ребята за дѣло — пилить и строгать!
Иступятъ пилу — не наточишь и въ сутки,
Сломаютъ буравъ — и съ испугу бѣжать.
Случалось, тутъ цѣлые дни пролетали,
Что новый прохожій, то новый разсказъ...
Ухъ, жарко!.. До полдня грибы собирали.
Вотъ изъ лѣсу вышли — навстрѣчу, какъ разъ
Синѣющей лентой, извилистой, длинной,
Рѣка луговая: спрыгнули гурьбой,
И русыхъ головокъ надъ рѣчкой пустынной
Что бѣлыхъ грибовъ на полянкѣ лѣсной!
Рѣка огласилась и смѣхомъ и воемъ:
Тутъ драка — не драка, игра — не игра...
А солнце палитъ ихъ полуденнымъ зноемъ.
Домой, ребятишки! Обѣдать пора!
Вернулись. У каждаго полно лукошко.
А сколько разсказовъ! Попался косой,
Поймали ежа... Заблудились немножко
И видѣли волка... у, страшный какой!
Ежу предлагаютъ и мухъ, и козявокъ,
Корнѣй молочко ему отдалъ свое —
Не пьетъ! — Отступились...

Кто ловитъ піявокъ

На лавѣ, гдѣ матка колотитъ бѣлье,
Кто нянчитъ сестренку, двухлѣтнюю Глашку,
Кто тащитъ на пожню ведерко кваску;
А тотъ, подвязавши подъ горло рубашку,
Таинственно что-то чертитъ по песку.
Та въ лужу забилась, а эта съ обновой:
Сплела себѣ славный вѣнокъ, —
Все бѣленькій, желтенькій, блѣдно лиловый,
Да изрѣдка красный цвѣтокъ.
Тѣ спятъ на припекѣ, тѣ пляшутъ въ присядку.
Вотъ дѣвочка ловитъ лукошкомъ лошадку:
Поймала, вскочила и ѣдетъ на ней.
И ей ли, подъ солнечнымъ зноемъ рожденной
И въ фартукѣ съ поля домой принесенной,
Бояться смиренной лошадки своей?..

Грибная пора отойти не успѣла,
Гляди: ужъ чернехоньки губы у всѣхъ,
Набили оскому: черника поспѣла!
А тамъ и малина, брусника, орѣхъ!
Ребяческій крикъ, повторяемый эхомъ,
Съ утра и до ночи гремитъ по лѣсамъ.
Испугана пѣньемъ, ауканьемъ, смѣхомъ,
Взлетитъ ли тетеря, закокавъ птенцамъ,
Зайченокъ ли вскочитъ — содомъ, суматоха!
Вотъ старый глухарь съ облинялымъ крыломъ
Въ кусту завозился... ну, бѣдному плохо!
Живого въ деревню тащатъ съ торжествомъ...

II

Однажды, въ студеную зимнюю пору
Я изъ лѣсу вышелъ. Былъ сильный морозъ.
Гляжу: поднимается медленно въ гору

Лошадка, везущая хворосту возъ.
И, шествуя важно, въ спокойствіи чинномъ,
Лошадку ведетъ подъ уздцы мужичокъ
Въ большихъ сапогахъ, въ полушубкѣ овчинномъ,
Въ большихъ рукавицахъ... а самъ съ ноготокъ!
— Здорово парнище! — Ступай себѣ мимо!
— Ужъ больно ты грозенъ, какъ я погляжу!
Откуда дровишки? — Изъ лѣсу, вѣстимо;
Отецъ, слышишь, рубитъ, а я отвожу
(Въ лѣсу раздавался топоръ дровосѣка).
— А что, у отца-то большая семья?
— Семья-то большая, да два человѣка
Всего мужиковъ-то: отецъ мой, да я...
— Такъ вотъ оно что! А какъ звать тебя? — Власомъ.
— А кой тебѣ годикъ? — Шестой миновалъ...
Ну, мертвая! крикнулъ малюточка басомъ,
Рванулъ подъ уздцы и быстрѣй зашагалъ.

Н. Некрасовъ

КУПАЛЬЩИКИ

Сижу себѣ на кочкѣ,
Синички веселѣй.
Купается въ песочкѣ
Сѣрый воробей.
Ай-люлиньки-люли,
Ай-люлиньки-люли, —
Купается, ныряетъ, полощется въ пыли!

*

Купался бы я тоже,
Да мамки боюсь:
Разскажутъ ей прохожіе —
Измазался Петрусь...
Ай-люлиньки-люли,
Ай-люлиньки-люли, —
Какъ хочется ворочаться въ тепленькой пыли!

*

Смѣются ребятишки, —
Ай-люлиньки-люли,
Разорваны штанишки
И волосы въ пыли!
Ай-люлиньки-люли,
Ай-люлиньки-люли, —
Разорваны штанишки и волосы въ пыли.

М. Моравская

ДѢТСКАЯ ПѢСНЯ

Палочка-выручалочка
Вечерняя игра,
Небо тѣни свѣсило,
Разшумимся весело,
Бѣгать намъ пора.

Разъ, два, три, четыре, пять —
Бѣгомъ тѣни не догнать...
Слово скажешь, въ траву ляжешь,
Черной цѣпи не развяжешь,
Снизу яма, сверху высь —
Между нихъ вертись, вертись...

Кто подъ нами, подъ цвѣтами,
Подъ желѣзными столбами?
Кто на тронѣ? Кто въ коронѣ?
Вѣтеръ высью листья гонитъ
И уронитъ съ высоты...
Я-ли первый или ты?

Палочка-выручалочка,
То-то ты хитра!
Небо тучи свѣсило,
Постучи-ка весело
Посреди двора.

В. Брюсовъ

КУКЛЫ

Зима въ окно стучится,
И время къ вечерку.
Пора чайку напиться,
Пожалуйте къ чайку!

Усѣлись куклы чинно
За кругленькимъ столомъ.
«Головка безпричинно
Болитъ», сказала Момъ.

— «У Момъ всегда капризы;»
Отвѣтилъ кучеръ Тпру:
«Зачѣмъ вы бокъ у Лизы
Вспороли поутру?»

— «Мнѣ нужно было тряпку,
Стереть одеколонъ.»
— «А кто вчера Арапку
Засунулъ въ граммофонъ?»

— «Ахъ, кучеръ неприличный,
— Уйдите вонъ скорѣй!
Чтобъ были въ часъ обычный
Мнѣ сани у дверей.»

С. Городецкій

СНѢГЪ ДА СНѢГЪ

Снѣгъ да снѣгъ. Всю избу занесло.
Снѣгъ бѣлѣетъ кругомъ по колѣно.
Такъ морозно, свѣтло и бѣло!
Только черныя, черныя стѣны...

И дыханье выходитъ изъ губъ
Застывающимъ въ воздухѣ паромъ.
Вонъ дымокъ выползаетъ изъ трубъ;
Вонъ въ окошкѣ сидятъ съ самоваромъ;

Старый дѣдушка сѣлъ у стола,
Наклонился и дуетъ на блюдце;
Вонъ и бабушка съ печи сползла,
И кругомъ ребятишки смѣются.

Притаились ребята, глядятъ,
Какъ играетъ съ котятами кошка...
Вдругъ ребята пискливыхъ котятъ
Побросали обратно въ лукошко...

Прочь отъ дома на снѣжный просторъ
На салазкахъ они покатили.
Оглашается криками дворъ —
Великана изъ снѣга слѣпили!

Палку въ носъ, провертѣли глаза
И надѣли лохматую шапку.
И стоитъ онъ, ребячья гроза, —
Вотъ возьметъ, вотъ ухватитъ въ охапку!

И хохочутъ ребята, кричатъ,
Великанъ у нихъ вышелъ на славу!
А старуха глядитъ на внучатъ,
Не перечитъ ребячьему нраву.

А. Блокъ

БУКА

(Отрывокъ)

Какъ-то Юрикъ, спать ложась,
Вздумалъ размечтаться:
— «Хорошо-бы, братецъ Вась,
Съ Букой повстрѣчаться.
Только чтобы не во снѣ,
А на самомъ дѣлѣ.
Толстый Васикъ ротъ открылъ
И привсталъ съ постели.
— Буку?
— Да.
— А если онъ
Въ шапкѣ невидимкѣ?
Въ шапкѣ... Шапку можно сбить
Даже хворостинкой!
— А потомъ? А если онъ
Вдругъ полѣзетъ драться?
— Мы втроемъ, а онъ одинъ,
Гдѣ-жъ ему тягаться?»

Поднялась на локоткахъ
Попрыгунья Зоя, —
Загорѣлися глаза,
Стали шире вдвое:
— Тише, Юрикъ! Тише, Вась!

Онъ еще услышитъ...
А сердечко тукъ-тукъ-тукъ,
А сама чуть дышитъ.
Расхрабрился юркій Юръ:
— Мы его разыщемъ!
Можетъ, бродитъ онъ козломъ,
Или... грязнымъ нищимъ...
Бука — няня говоритъ —
Вродѣ оборотня!
Обернется, да и шмыгъ
Кошкой въ подворотню.
Тутъ-то ты его за хвостъ
И лови скорѣе!
Надо только «чуръ меня!»
Крикнуть посильнѣе. —

Долго Юрикъ рѣчь держалъ
И рѣшили дѣти,
Что не такъ ужъ страшно имъ
Жить на бѣломъ свѣтѣ.
Ну, а если попадутъ
Злому Букѣ въ лапы,
Можно будетъ попросить
Помощи у папы.
Папа справится и съ нимъ, —
Сдѣлаетъ, что хочетъ!
И отъ радости такой
Юрочка хохочетъ...
Улыбается и Вась,
И, въ кроваткѣ стоя,
Бьетъ въ ладоши и визжитъ
Попрыгунья Зоя.

Г. Вяткинъ

ДѢВОЧКА

Я претепло одѣта:
Подъ капоромъ коса.
Гулять — теперь не лѣто —
Иду на полчаса.

Погода-то какая!
Снѣжокъ хруститъ, хруститъ,
Далеко бы ушла я,
А няня не велитъ.

Схватиться бы за сани,
Скатиться бы съ горы,
Да я съ Феклистой няней,
А съ ней не до игры.

Противная Феклиста!
Не хочетъ ничего.
Вотъ Ваню гимназиста
Пускаютъ одного.

Твердятъ: «Ты не мальчишка,
Тебѣ нельзя одной,
А братъ приготовишка
Гуляетъ, какъ большой.

Башлыкъ надѣнетъ рыжій,
Коньки несетъ, звеня,
А самъ и ростомъ ниже,
Да и глупѣй меня.

Смѣется: «я направо,
Не надо мнѣ Феклистъ.»
Ахъ, какъ досадно, право,
Что я не гимназистъ!

З. Гиппіусъ

НА ПЛЯЖѢ

Что мнѣ милѣй тебя, мой мальчикъ тоненькій,
Милѣе рукъ твоихъ въ смѣшныхъ царапинкахъ!
На пляжѣ радостномъ совсѣмъ ты голенькій,
Несешь мнѣ ракушку въ красивыхъ крапинкахъ.

Обоимъ намъ съ тобой находка нравится,
Обоимъ намъ съ тобой свѣтло и весело.
Барашки по морю бѣгутъ, курчавятся,
Надъ нами тѣнь свою кабинка свѣсила.

На грудь раскрытую ко мнѣ ты валишься
Тепломъ разнѣженный, свѣтло-усталенькій,
И засыпаешь вдругъ, и забываешь все,
Такой безпомощный, комочекъ маленькій!

Н. Крандіевская

ПЛѢННЫЙ ОХОТНИКЪ

Я — полковникъ краснокожихъ.
Развѣ я стрѣлялъ въ прохожихъ?
Я вѣдь въ буйвола стрѣлялъ!..
Ну, и въ барышню попалъ.
Въ дѣтской заперли меня,
Одного и безъ огня.
Вѣрно, выпустятъ не скоро...
А потомъ еще укоры:
«Ахъ, какъ стыдно, ахъ, какъ гадко!..
И зачѣмъ тебѣ рогатка?»
Тихо скину моккасины,
Обвяжусь веревкой длинной
И спущусь съ окошка въ садъ, —
Пусть бранятъ...

М. Моравская

БѢГЛЕЦЪ

Утромъ Гришка удралъ въ Америку,
Боже мой, какъ его искали!
Мама съ бабушкой впали въ истерику,
Мнѣ забыли на платье снять мѣрку,
И не звали играть на рояли...
Гришку цѣлыя сутки искали —
И нашли на Приморскомъ вокзалѣ.
Папа долго его ругалъ,
Путешествія звалъ ерундой...
Гриша ногти кусалъ и молчалъ, —
Гриша очень неловокъ и малъ,
Но я знаю, что онъ — герой.
И въ подарокъ безстрашному Гришкѣ
Вышиваю закладку для книжки,
Краснымъ шелкомъ по синему полю:
«Герою, попавшему въ неволю.»

М. Моравская

МЕЧТЫ

Ахъ,
Обижаютъ меня постоянно...
Убѣгу въ африканскія страны,
Гдѣ пахучіе зрѣютъ бананы,
Гдѣ катаютъ дѣтей на слонахъ.
Доберусь я до мыса Нордкапа,
Превращусь непремѣнно въ арапа,
Заведу себѣ лукъ и верблюда,
И уже не пріѣду оттуда,
И домой никогда не вернусь!
Пусть!
Ну, а какъ же я буду въ апрѣлѣ,
Безъ базара на вербной недѣлѣ?
Жалко также и новыхъ коньковъ.
Тамъ, пожалуй, не будетъ катковъ...
Жалко маму, котенка и братца...
Нѣтъ, ужъ лучше остаться...

М. Моравская

ПРИМИРЕНІЕ

Ты сердишься снова? Я тоже сержусь.
А сердце сердиться не хочетъ.
И знаю, что скоро шалунья моя
Сама надъ собой захохочетъ,
И будетъ такъ нѣженъ ея поцѣлуй,
Какъ будто бы мы не сердились.
А мама заглянетъ въ открытую дверь
И спроситъ: — Ну, что? помирились?
И весело мы засмѣемся въ отвѣтъ,
И выбѣжимъ въ садикъ весенній
Возиться съ котенкомъ, пугать воробьевъ,
Смотрѣть, какъ шевелятся тѣни.
А тучи на небѣ? Ну, что за бѣда,
Коль дождикъ немножко помочитъ.
Вотъ только не ссориться... Сердце у насъ,
Ей-Богу, сердиться не хочетъ.

Г. Вяткинъ

БАБУШКА И ВНУЧКА

Колдуетъ надъ полянами веселая весна,
А бабушка молитвенникъ читаетъ у окна.
И незабудки чистыя, въ тѣни зеленыхъ ивъ,
Смѣются, глазки синіе надъ озеромъ склонивъ.
Земля подъ маргаритками, какъ въ розовомъ снѣгу,
А дѣвочка веселая играетъ на лугу.
Вся — маленькая, легкая, лазоревый глазокъ.
Заговоритъ и кажется: воркуетъ голубокъ.
Бѣжитъ изъ лѣсу къ дѣвочкѣ знакомая семья:
«Ахъ, здравствуйте, голубчики, любимые друзья!
Лисичка-вертихвосточка, ты все еще жива!
А вы какъ зиму прожили, синичка и сова?
Ты, рыбка красноперая, не любящая зимъ,
Какъ весело ты хвостикомъ сверкаешь золотымъ!
Плыви скорѣе къ берегу и жди у тростника,
Тебѣ я въ грядкахъ вырою большого червяка.»
А бабушка молитвенникъ читаетъ сквозь очки,
Каштанъ склонилъ надъ окнами зеленые сучки.
Синичка, рыбка, совушка, примите мой поклонъ!
Должно быть въ дѣтствѣ радостномъ я видѣлъ этотъ сонъ.

С. Соловьевъ

ПРО ДѢВОЧКУ, КОТОРАЯ НАШЛА СВОЕГО МИШКУ

— Мишка, Мишка, какъ не стыдно!
Вылѣзай изъ подъ комода...
Ты меня не любишь видно?
Это что̀ еще за мода...
Какъ ты смѣлъ удрать безъ спроса?
На кого ты сталъ похожъ?
На несчастнаго барбоса,
За которымъ гнался ежъ...
Весь въ пылинкахъ, въ паутинкахъ,
Со скорлупкой на носу...
Такъ рисуютъ на картинкахъ
Только чертика въ лѣсу.
Цѣлый день тебя искала:
Въ дѣтской, въ кухнѣ, въ кладовой,
Слезы локтемъ вытирала
И качала головой...
Въ корридорѣ полетѣла, —
Вотъ — царапка на губѣ...
Хочешь супу? Я не ѣла;
Все оставила тебѣ.
Мишка-Мишъ, мохнатый Мишка,
Мой лохматенькій малышъ!
Жили-были котъ да мышка...
Не шалили! Слышишь, Мишъ?

Извинись. Скажи: не буду
Подъ комоды залѣзать.
Я куплю тебѣ верблюда
И зеленую кровать.
Самый мой любимый бантикъ
Повяжу тебѣ на грудь:
Будешь милый, будешь франтикъ, —
Только ты послушнымъ будь...
Что̀, молчишь? Возьмемъ-ка щетку, —
Надо всѣ соринки снять,
Чтобъ скорѣй тебя, уродку,
Я могла расцѣловать.

Саша Черный

ВЪ ПОЛЯХЪ

Алымъ вечеромъ въ поляхъ,
Снѣжно-бѣлыхъ отъ ромашки,
Мы играли въ догоняшки,
Въ длинныхъ путаясь стебляхъ.
Запыхавшись, ты смѣялась:
— «Не догнать вамъ, не догнать!» —
И, какъ легкій вѣтеръ, мчалась.
— Люся! Люсь! — кричала мать.
Ты не слышала. Твой Франтикъ
Между мною и тобою
Съ лаемъ прыгалъ по травѣ.
Ты махала мнѣ рукою,
И плясалъ твой красный бантикъ
На кудрявой головѣ.
А когда въ поляхъ стемнѣло,
Возвращались мы домой.
Мама шла и тихо пѣла.
Утомленная игрой,
Сонно-сонно ты глядѣла.
Ночь вставала надъ землей.

Г. Вяткинъ

БѢДНЫЙ МАЛЬЧИКЪ

На дворѣ не слышно вьюги,
Надъ землей туманный паръ.
Ужъ давно вода остыла,
Смолкъ шумливый самоваръ.

Няня старая не видитъ
И не слышитъ — все прядетъ:
Мочку лѣвою пощиплетъ,
Правой нитку отведетъ.

А ребенокъ все играетъ.
Какъ хорошъ онъ при огнѣ!
И кудрявая головка
Отразилась на стѣнѣ...

Вотъ задумалася няня,
Со свѣчи нагаръ сняла
И прекраснаго малютку
Ближе къ свѣчкѣ подвела.

— «Дай-ка ручки!» Няня хочетъ
Посмотрѣть на ихъ черты.
«Что̀, на пальчикахъ дорожки
Не кружками-ль завиты?

Ахъ, послѣдній даже пальчикъ
Безъ кружка, дитя мое!..»
Вотъ заплакала, и плачетъ
Мальчикъ, глядя на нее...

А. Фетъ

СУСАЛЬНЫЙ АНГЕЛЪ

На разукрашенную елку
И на играющихъ дѣтей
Сусальный ангелъ смотритъ въ щелку
Закрытыхъ наглухо дверей.

А няня топитъ печку въ дѣтской,
Огонь трещитъ, горитъ свѣтло...
Но ангелъ таетъ. Онъ — нѣмецкій.
Ему не больно и тепло.

Сначала таютъ крылья крошки,
Головка падаетъ назадъ,
Сломались сахарныя ножки
И въ сладкой лужицѣ лежатъ...

Потомъ и лужица засохла.
Хозяйка ищетъ — нѣтъ его...
А няня старая оглохла,
Ворчитъ, не помнитъ ничего...

А. Блокъ

БОЛЬНОЙ

Въ жару, безпомощный, больной,
Онъ долго плакалъ — мальчикъ мой.
Потомъ зѣвнулъ и улыбнулся
И, приподнявшись, потянулся
Къ столу за книжкой.
— Спи, родной,
Читать ужъ поздно.
«— Я не стану,
А книжку мнѣ въ кроватку дай,
Я посмотрю... А какъ устану,
Такъ буду съ книжкою бай-бай.»
И я дала. Ну, что же, пусть...
Въ его глазахъ стояла грусть
И стыли теплыя слезинки:
— «Я, мамочка, — сказалъ онъ мнѣ, —
Увижу Боженьку во снѣ
И покажу ему картинки.» —
И успокоился, затихъ.
И спитъ, обнявъ рученкой книжку,
Гдѣ жирный котъ, хитеръ и тихъ,
Стащилъ у Павлика коврижку.

Г. Вяткинъ

ОЖИДАНІЯ

Дѣдъ-старикъ въ избушкѣ бѣдной
Чинитъ ветхій неводъ свой;
На постелькѣ, рядомъ, внучекъ
Весь въ жару лежитъ больной.

«Все ненастье да ненастье,
Скоро-ль кончатся дожди?» —
Говоритъ ребенокъ дѣду.
— «Скоро, скоро, — подожди!»

«Скоро-ль солнышко засвѣтитъ,
Зашумитъ трава въ степи,
Зашумятъ въ лѣсу деревья?»
— «Скоро, скоро, — потерпи!»

«Скоро-ль съ удочкой, какъ прежде,
Буду я сидѣть всѣ дни
Надъ прудомъ, подъ тополями?»
— «Скоро, другъ, повремени!»

«Да когда-же? Вотъ и маму,
Говорилъ ты тоже, дѣдъ,
Скоро къ намъ отпустятъ съ неба,
А ее все нѣтъ, какъ нѣтъ!»

И малютка недовольный
Замолчалъ... А дѣдъ-старикъ
Надъ разодранною сѣтью
Головой сѣдой поникъ.

И по старческимъ морщинамъ
Тихо катится слеза...
Горе дѣда разглядѣли
Внука зоркіе глаза.

И звучитъ ребенка слабый
Голосокъ еще грустнѣй:
«Не дождусь я, видно, мамы,
Не дождусь и теплыхъ дней!»

А. Плещеевъ

КУКЛА И КОТИКЪ

Кукла Таня въ сарафанѣ
Спитъ больная на диванѣ:
Рано утромъ за игрой
Расколола носикъ свой.
Котикъ, котикъ бѣленькій,
Котикъ, котикъ маленькій,
Не ходи,
Не гляди,
Куклу Таню не буди!

Докторъ Шурикъ озабоченъ:
«Кренделекъ въ водѣ размоченъ, —
Хоть микстура невкусна,
Ты ее принять должна.
Брось капризы, все готово:
Пей лекарство, будь здорова.
Вмѣсто хины — молоко,
Проглотить его легко!»
Котикъ, котикъ бѣленькій,
Котикъ, котикъ маленькій,
Подоспѣлъ,
Подглядѣлъ,
И тайкомъ лекарство съѣлъ.

М. Пожарова

КРЕСЛО

На дѣдушкиномъ креслѣ —
Вблизи посмотришь если —
Такія небылицы!
На спинкѣ деревянной
Два карлика сцѣпились,
Кругомъ цвѣты завились —
Узоръ на заглядѣнье. —
А на цвѣтахъ то птицы
Съ хвостами до сидѣнья.

Сидѣнье вышивное,
Соломой набивное! —
Я краюшекъ задрала.
А вышита прогулка —
Мнѣ няня разсказала:
Двѣ дамы кавалеру
Киваютъ: погуляемъ
По садику, къ примѣру.
Внизу стоитъ шкатулка
И клѣтка съ попугаемъ.
На ручкахъ двѣ собаки
Съ разинутыми ртами
И черными зубами,
Укусятъ — это враки.
Засунешь палецъ — пыльно,
А вкусъ какой-то мыльный.

На ножкахъ птичьи лапки,
У нихъ змѣя въ охапкѣ.

Умру съ тоски по креслѣ,
Уѣду замужъ если.

С. Городецкій

ВНУЧКА

Бабушка, ты тоже
Маленькой была?
И любила бѣгать,
И цвѣты рвала?

И играла въ куклы
Ты, бабуся, да?
Цвѣтъ волосъ какой былъ
У тебя тогда?

Значитъ, буду также
Бабушкой и я, —
Развѣ оставаться
Маленькой нельзя?

А. Плещеевъ

УТРО НА БЕРЕГУ ОЗЕРА

Ясно утро. Тихо вѣетъ
Теплый вѣтерокъ;
Лугъ, какъ бархатъ, зеленѣетъ,
Въ заревѣ востокъ.

Окаймленное кустами
Молодыхъ ракитъ,
Разноцвѣтными огнями
Озеро блеститъ.

Тишинѣ и солнцу радо,
По равнинѣ водъ
Лебедей ручное стадо
Медленно плыветъ;

Вотъ одинъ взмахнулъ лѣниво
Крыльями, — и вдругъ
Влага брызнула игриво
Жемчугомъ вокругъ.

Привязавъ къ ракитамъ лодку
Мужички, вдвоемъ,
Близъ осоки, втихомолку
Тянутъ сѣть съ трудомъ.

По травѣ, въ рубашкахъ бѣлыхъ,
Скачутъ босикомъ
Два мальчишка загорѣлыхъ
На прутахъ верхомъ.

Крупный потъ съ нихъ градомъ льется
И лицо горитъ;
Звучно смѣхъ ихъ раздается,
Голосокъ звенитъ.

«Ну, катай на-перегонки!..»
А на шалуновъ
Съ тайной завистью дѣвчонка
Смотритъ изъ кустовъ.

«Тянутъ, тянутъ!» закричали
Ребятишки вдругъ:
«Вдоволь, чай, теперь поймали
И линей, и щукъ.»

Вотъ на берегѣ отлогомъ
Показалась сѣть.
«Ну, вытряхивай-ка, съ Богомъ,
Нечего глядѣть!»

Такъ сказалъ старикъ высокій,
Весь, какъ лунь, сѣдой,
Съ грудью выпукло-широкой,
Съ длинной бородой.

Сѣть намокшую подняли
Дружно рыбаки;
На пескѣ затрепетали
Окуни, линьки.

Дѣти весело шумѣли:
«Будетъ на денекъ!»
И на корточки присѣли
Рыбу класть въ мѣшокъ.

И. Никитинъ

ВОЙНА

Говорятъ: война! война! —
Рѣзвый мальчикъ Ваня
Лепеталъ: — да гдѣ-жъ она?
Разскажи-ка, няня. —
«Тамъ, далеко... Подрастешь —
Послѣ растолкуютъ.»
— Нѣтъ, теперь скажи: за что-жъ,
Какъ же тамъ воюютъ? —
«Ну, сойдутся, станутъ въ рядъ
По срединѣ луга,
Да изъ пушки и палятъ,
Да и бьютъ другъ друга.
Дымъ-то такъ валитъ тогда,
Что ни зги не видно.»
— Такъ они дерутся? — «Да.»
— Да вѣдь драться стыдно?
Мнѣ сказалъ папаша самъ:
Заниматься этимъ
Только пьянымъ мужикамъ,
А не умнымъ дѣтямъ!
Помнишь: какъ-то съ Мишей я
За игрушку спорилъ;
Онъ давай толкать меня,
Да и раззадорилъ.
Я прибилъ его. Вотъ на!

Побѣдили наши!
«Это что у васъ? Война?»
Слышимъ крикъ папаши:
«Розгу!» — Съ Мишей тутъ у насъ
Было слезъ довольно.
Насъ папаша въ этотъ разъ
Высѣкъ очень больно...
«Стыдно драться, говоритъ,
Ссорятся лишь злые.»
Вишь! и маленькимъ-то стыдъ,
А вѣдь тамъ большіе?
Самъ я видѣлъ сколько разъ
Мимо шли солдаты:
У! большущіе! Я глазъ
Не спускалъ — все хваты!
Шапки мѣдныя съ хвостомъ,
Ружей много-много...
Барабаны — тромъ-томъ-томъ!
Вся гремитъ дорога!
Тромъ-томъ-томъ! —
И весь горитъ
Отъ восторга Ваня.
Но, подумавъ, говоритъ:
— А вѣдь, вѣрно, няня,
На войну шло столько ихъ,
Гдѣ палятъ изъ пушки?
Вѣрно, вышла и у нихъ
Ссора за игрушки!

В. Бенедиктовъ

МОЯ ДѢВОЧКА

(Жаннѣ)

Мы повѣсимъ нашу писанку
Рядомъ съ папинымъ ружьемъ.
Мы съ собой уложимъ кисаньку,
Будетъ намъ тепло втроемъ.

Чижъ долбитъ сердито жердочку,
Точно клѣтка коротка.
Кошка высунула мордочку
Изъ подъ теплаго платка.

«Завтра, значитъ, будетъ праздниться?»
— Праздникъ, Жанна, говорятъ.
«Все равно, какая разница?
Лишь-бы дали шоколадъ.»

— Будетъ все, мой мальчикъ маленькій,
Будетъ даже дѣтскій балъ.
Знаешь, поваръ въ старой валенкѣ
Утромъ мышку увидалъ!

«Мама, ты всегда проказница,
Я не мальчикъ. Я-же дочь!»
— Все равно, какая разница?
Спи, мой мальчикъ, скоро ночь.

Вѣра Инберъ

* * *

Мурка, не ходи -- тамъ сычъ
На подушкѣ вышитъ,
Мурка сѣрый, не мурлычь,
Дѣдушка услышитъ.

Няня, не горитъ свѣча,
И скребутся мыши.
Я боюсь того сыча,
Для чего онъ вышитъ?

А. Ахматова

ПРИ ЛУННОМЪ СВѢТѢ

При лунномъ свѣтѣ
Въ ночной морозъ,
Въ бумажной маскѣ
И чуть не босъ,
Къ Пьеро въ окошко
Стучитъ одинъ
Пріятель мальчикъ,
Нашъ Арлекинъ.
И голоситъ онъ:
«Мой другъ Пьеро!
Дай мнѣ на время
Свое перо!..
Хочу писать я,
Но нѣтъ огня...
О, ради Бога,
Впусти меня!..»
При лунномъ свѣтѣ
Пьеро въ отвѣтъ:
«Что тутъ за перья!?
Покоя нѣтъ...
Ужъ я въ постели
Давнымъ давно...
Ступай къ сосѣду,
Стучись въ окно...»
При лунномъ свѣтѣ —

Пьеро все вралъ —
Утенка жарилъ
И хохоталъ:
«Пускай де зябнетъ
Нашъ Арлекинъ!
Мое жаркое
Я съѣмъ одинъ...»
При лунномъ свѣтѣ
Нашъ бѣдный другъ
Пошелъ къ сосѣду,
И стукъ, стукъ, стукъ.
И голоситъ онъ:
«Впусти меня!
Озябъ я страшно
И нѣтъ огня...»
При лунномъ свѣтѣ
Сосѣдъ вскочилъ
И Арлекину
Дверь отворилъ:
«Войди, пріятель,
Садись рядкомъ,
Утри свой носикъ
Моимъ платкомъ.»
При лунномъ свѣтѣ
Тутъ гость запѣлъ:
«Спасибо, милый,
Что отогрѣлъ.
А вотъ принесъ я, —
Смотри, дружокъ, —
Винца въ бутылкѣ,
Да пирожокъ...»
При лунномъ свѣтѣ
Они поютъ,
Накрыли столикъ,
Ѣдятъ и пьютъ,

И, рюмкой въ рюмку
Звеня — чокъ, чокъ! —
Хохочутъ: «Спитъ ли
Пьеро, дружокъ?»
При лунномъ свѣтѣ,
Пьеро не спитъ,
Все это слышитъ
И въ щель глядитъ...
А въ это время
Котъ не зѣвалъ:
Укралъ утенка
Да и удралъ...
При лунномъ свѣтѣ
Предъ очагомъ
Пьеро заплакалъ
И подѣломъ!
Пропалъ утенокъ
И нѣтъ сластей...
Но намъ не жалко
Скупыхъ дѣтей.

Я. Полонскій

ВСЕ ЖИВОЕ

СКАЗКА О МЕДВѢДИХѢ

Какъ весенней теплою порою
Изъ-подъ утренней бѣлой зорюшки,
Что изъ лѣсу, изъ лѣсу дремучаго —
Выходила медвѣдиха
Съ малыми дѣтушками-медвѣжатами
Погулять, посмотрѣть, себя показать.
Сѣла медвѣдиха подъ березкой;
Стали медвѣжата промежъ собой играти,
Обниматися, боротися,
Боротися да кувыркатися.
Отколь ни возьмись, мужикъ идетъ:
Онъ въ рукахъ несетъ рогатину,
А ножъ-то у него за поясомъ,
А мѣшокъ-то у него за плечами.
Какъ завидѣла медвѣдиха
Мужика съ рогатиной,
Заревѣла медвѣдиха,
Стала кликать дѣтушекъ,
Глупыхъ медвѣжатъ своихъ:
«Ахъ, вы, дѣтушки, медвѣжатушки!
Перестаньте валятися,
Обниматися, кувыркатися!
Остановитесь, хоронитесь за меня,
Ужъ я васъ мужику не выдамъ,

Я сама мужику брюхо выѣмъ!»
Медвѣжатушки испужалися,
За медвѣдиху побросалися,
А медвѣдиха осержалася —
На дыбы поднималася.
А мужикъ-отъ, онъ догадливъ былъ,
Онъ пускался на медвѣдиху,
Онъ сажалъ въ нее рогатину,
Что повыше пупа, пониже печени.
Грянулась медвѣдиха о сыру землю;
А мужикъ-то ей брюхо поролъ,
Брюхо поролъ, да шкуру снималъ,
Малыхъ медвѣжатъ въ мѣшокъ поклалъ,
А поклавши-то домой пошелъ:
— «Вотъ тебѣ, жена, подарочекъ,
Что медвѣжья шуба въ пятьдесятъ рублевъ;
А что вотъ тебѣ подарочекъ
Трои медвѣжатъ по пяти рублевъ».

Не звоны пошли по городу,
Пошли вѣсти по всему по лѣсу.
Дошли вѣсти до медвѣдя чернобурова,
Что убилъ мужикъ его медвѣдиху,
Распоролъ ей брюхо бѣлое,
Медвѣжатушекъ въ мѣшокъ поклалъ.
Въ ту пору медвѣдь запечалился,
Голову повѣсилъ, голосомъ завылъ
По свою ли сударышку
Чернобурую медвѣдиху:
— «Ахъ ты, свѣтъ, моя медвѣдиха!
На кого меня покинула,
Вдовца несчастнаго,
Вдовца горемычнаго?
Ужъ какъ мнѣ съ тобой, моей боярыней,
Веселой игры не игрывати,

Милыхъ дѣтушекъ не родити,
Медвѣжатушекъ не качати,
Не качати, не баюкати!»

Въ ту пору звѣри собираются
Къ тому ли медвѣдю ко боярину,
Прибѣгали звѣри большіе,
Прибѣгали тутъ звѣришки меньшіе.
Прибѣгалъ тутъ волкъ-дворянинъ;
У него-то зубы закусливые,
У него-то глаза завистливые.
Приходилъ тутъ бобръ торговый гость,
У него-то бобра жирный хвостъ.
Приходила ласочка-дворяночка,
Приходила бѣлочка-княгинечка,
Приходила лисица-подъячиха —
Подъячиха, казначеиха.
Приходилъ скоморохъ-горностаюшка,
Прибѣгалъ тутъ зайка-смердъ,
Зайка бѣдненькій, зайка сѣренькій!
Приходилъ байбакъ тутъ глумянъ,
Живетъ онъ, байбакъ, позади гумянъ;
Приходилъ цѣловальникъ-ежъ:
Все-то онъ ежъ ежится,
Все-то онъ щетинится . . .

А. Пушкинъ

МИШЕНЬКА

Съ Мишенькой я былъ знакомъ
Будучи ребенкомъ,
И тогда на видъ онъ былъ
Сущимъ медвѣженкомъ.
Помню я, какъ онъ сидѣлъ
Около крылечка,
Какъ привязанъ былъ къ столбу
За одно колечко.

Мишенька мой былъ смѣшной,
Какъ собака тявкалъ,
Пилъ изъ плошки молоко
И губами чавкалъ.
И когда онъ отъ побой,
Какъ ребенокъ хныкалъ,
Каждый Мишеньку дразнилъ
И надъ нимъ хихикалъ.

Я. Полонскій

ГЕНЕРАЛЪ ТОПТЫГИНЪ

Дѣло подъ вечеръ, зимой,
И морозецъ знатный.
По дорогѣ столбовой
Ѣдетъ парень молодой
Ямщичокъ обратный, —
Не спѣшитъ, труситъ слегка;
Лошади не слабы,
Да дорога не гладка —
Рытвины, ухабы.
Нагоняетъ ямщичокъ
Вожака съ медвѣдемъ.
«Посади насъ, паренекъ,
Веселѣй доѣдемъ!»
— Что ты, съ Мишкой? — «Ничего!
Онъ у насъ смиренный,
Лишній шкаликъ за него
Поднесу, почтенный!»
— Ну садитесь! — Посадилъ
Бородачъ медвѣдя,
Сѣлъ и самъ — и потрусилъ
Полегоньку Ѳедя...
Видитъ Трифонъ кабачокъ,
Приглашаетъ Ѳедю.
«Подожди ты насъ часокъ!»
Говоритъ медвѣдю.
И пошли. Медвѣдь смиренъ,
Видно, старъ годами,

Только лапу лижетъ онъ
Да звенитъ цѣпями...

Часъ проходитъ, — нѣтъ ребятъ,
То-то выпьютъ лихо!
Но привычныя стоятъ
Лошаденки тихо.

Свечерѣло. Дрожь въ коняхъ,
Стужа злѣе на ночь!
Заворочался въ саняхъ
Михайло Иванычъ;
Кони дернули; стряслась
Тутъ бѣда большая —
Рявкнулъ Мишка! — понеслась
Тройка, какъ шальная!
Колокольчикъ услыхалъ,
Выбѣжалъ Ѳедюха,
Да напрасно — не догналъ!
Экая поруха!

Быстро, бѣшено неслась
Тройка — и не диво:
На ухабѣ всякій разъ
Звѣрь рычалъ ретиво:
Только стонъ кругомъ стоялъ:
«Очищай дорогу!
Самъ Топтыгинъ генералъ
Ѣдетъ на берлогу!»
Вздрогнетъ встрѣчный мужичекъ,
Жутко станетъ бабѣ,
Какъ мохнатый сѣдочокъ,
Рявкнетъ на ухабѣ.
А конямъ подавно страхъ —
Не передохнули!

Верстъ пятнадцать во весь махъ,
Бѣдные, отдули!

Прямо къ станціи летитъ
Тройка удалая;
Проѣзжающій сидитъ,
Головой мотая:
Ладитъ вывернуть кольцо.
Вотъ и стала тройка;
Самъ смотритель на крыльцо
Выбѣгаетъ бойко.
Видитъ — ноги въ сапогахъ
И медвѣжья шуба,
Не замѣтилъ впопыхахъ,
Что съ желѣзомъ губа,
Не подумалъ: гдѣ ямщикъ
Отъ коней гуляетъ!
Видитъ — баринъ — материкъ,
«Генералъ» — смекаетъ,
Поспѣшилъ фуражку снять:
«Здравія желаю!
Что̀ угодно приказать, —
Водки или чаю?..»
Хочетъ барину помочь
Юркій старичишка;
Тутъ во всю медвѣжью мочь
Заревѣлъ нашъ Мишка!
И смотритель отскочилъ:
«Господи, помилуй!
Сорокъ лѣтъ я прослужилъ
Вѣрой, правдой, силой;
Много видѣлъ на тракту
Генераловъ строгихъ,
Нѣтъ ребра, зубовъ ѣо рту
Не хватаетъ многихъ,

А такого не видалъ, —
Господи Исусе!
Небывалый генералъ,
Видно, въ новомъ вкусѣ!..»

Прибѣжали ямщики
Подивились тоже;
Видятъ — дѣло не съ руки,
Что-то тутъ не гоже!
Собрался честной народъ,
Все село въ тревогѣ:
«Генералъ въ саняхъ реветъ,
Какъ медвѣдь въ берлогѣ!»
Трусъ бѣжитъ, а кто смѣлѣй
Тѣ — потѣхи ради,
Жмутся около саней,
А смотритель сзади.
Струсилъ, издали кричитъ:
«Въ избу не хотите-ль?»
Мишка вновь какъ зарычитъ...
Убѣжалъ смотритель!
Оробѣлъ и убѣжалъ
И со всею свитой...

Два часа въ саняхъ лежалъ
Генералъ сердитый.
Прибѣжали той порой
Ямщикъ и вожатый,
Вразумилъ народъ честной
Трифонъ бородатый
И Топтыгина прогналъ
Изъ саней дубиной...
А смотритель обругалъ
Ямщика скотиной...

Н. Некрасовъ

КОНЬ

Жадно, весело онъ дышетъ
Свѣжимъ воздухомъ полей:
Сизый паръ кипитъ и пышетъ
Изъ пылающихъ ноздрей;
Полонъ силъ, удалъ на волѣ,
Громкимъ голосомъ заржалъ,
Встрепенулся конь — и въ поле
Бурноногій поскакалъ!
Скачетъ блещущій глазами,
Дико голову склонилъ;
Вдоль по вѣтру онъ волнами
Черну гриву распустилъ.
Самъ онъ — вѣтеръ: круть ли встанетъ
На пути — отважный прянетъ,
И на ней ужъ! Ляжетъ ровъ,
И потокъ клубится? — Мигомъ
Онъ широкимъ перепрыгомъ
Черезъ нихъ и былъ таковъ!

Н. Языковъ

* *
*

Для малюсенькаго Гришки
Всѣ мышата и мартышки
Одинаково милы:
«Милый моржикъ,
Хочешь коржикъ?
Хочешь ломтикъ пастилы?»
Всѣ Гришуткѣ очень рады,
Пискъ и лай со всѣхъ сторонъ,
Только грустенъ у ограды
Старый, сѣрый, толстый слонъ.
Но лишь хлѣбца ему дали
И спросили о печали,
Онъ Гришуткѣ далъ отвѣтъ:
«Не хочу, чтобъ рисовали
На резинкахъ мой портретъ».

М. Моравская

ТЕЛЕНОКЪ СОСЕТЪ

Пришла во дворъ корова:
— «Му! Я здорова,
Раздуты бока, —
Кому молока?»
Прибѣжалъ теленокъ,
Совсѣмъ ребенокъ:
Лбомъ впередъ,
Мордой въ животъ,
Ножками пляшетъ...
Хвостикомъ машетъ.
Сосетъ!
То мимо, то въ ротъ.
Недовольна корова,
Обернулась къ нему
И смотритъ сурово:
— «Му-у!
Куда ты спѣшишь?
Глупышъ...»

Саша Черный

АРАПКИНА МОЛИТВА

Мохнатый песъ,
Шершавый Арапка,
Подыми носъ,
Сложи лапки.
Стой!
Повторяй за мной:

Милый Богъ! Хозяинъ людей и звѣрей!
Ты всѣхъ добрѣй!
Ты все понимаешь,
Ты всѣхъ защищаешь...
Прости меня, собаку,
Вора и забіяку.
Прости, что я стянулъ у кухарки
Поросячьи шкварки.
Всего ложекъ шесть —
Очень хотѣлось ѣсть...
Спѣшилъ и разбилъ посуду.
Больше не буду!
Прости меня, добрый Богъ!
Чтобъ сосѣдній не грызъ меня догъ,
Чтобъ блохи меня не кусали,
Чтобъ люди меня не толкали,
Чтобъ завтра утромъ съ восхода
Была хорошая погода...

Чтобъ собаки всѣ были сыты
И не были биты.
Чтобъ я нашелъ на помойкѣ
У старой постройки
Хорошую кость.
Я тоже буду хорошій,
Буду слушаться только Антоши,
Уйму свою злость,
Не буду рычать
И визжать —
Пусть только въ домѣ не воютъ на флейтѣ,
Бейте, не бейте, —
А я не могу — самъ буду выть,
Не могу выносить!
И еще, если можно, пусти меня въ рай
Вмѣстѣ съ Антошей —
Хоть въ какой-нибудь старый сарай —
Ты вѣдь хорошій...
Помилуй меня, не забудь, не покинь!
Спокойной ночи! Аминь.

Саша Черный

ОСЛЕНОКЪ ВЪ ЗВѢРИНЦѢ

Пухлый, глупый и лохматый
Онъ родился лишь на дняхъ,
Удивлялся лось сохатый
И газель вздыхала: «Ахъ!»
Ахъ, какой онъ безобразный,
Сѣрый весь, должно быть грязный...
Что за хвостъ, что за копытца! —
Станетъ страшно, коль приснится».
Всѣ съ мычаньемъ, съ ревомъ звонкимъ
Насмѣхались надъ осленкомъ.
Лишь бизонъ одинъ рѣшилъ:
«Некрасивъ, но очень милъ».
И хоть фыркаютъ всѣ звѣри,
Рѣзвъ и радъ осленокъ сѣрый:
Отъ звѣриныхъ злыхъ повадокъ,
Отъ насмѣшекъ и нападокъ,
Отъ пинковъ со всѣхъ сторонъ
Бережетъ его бизонъ.

М. Моравская

ЗАЙКА

Заинька у елочки попрыгиваетъ,
Лапочкой объ лапочку поколачиваетъ:

«Экіе морозцы, прости Господи, стоятъ!»
Елочки отъ холоду подъ инеемъ трещатъ;

Елочки отъ холода потрескиваютъ;
Лапочки отъ холода совсѣмъ свело.

«Вотъ кабы мнѣ, зайкѣ, мужиченкомъ быть,
Вотъ кабы мнѣ, зайкѣ, да въ лапоткахъ ходить.

Жить-бы мнѣ, да грѣться въ избушечкѣ
Со своей хозяюшкой сѣренькой!..

Пироги-бы мнѣ ѣсть, да все съ капусткою,
Пироги-бы со сладкою морковкою.

На полатяхъ зимушку пролеживать,
По морозцу въ саночкахъ покатывать».

О. Бергъ

ДѢДУШКА МАЗАЙ И ЗАЙЦЫ

Старый Мазай разболтался въ сараѣ:
«Въ нашемъ болотистомъ, низменномъ краѣ
Впятеро больше бы дичи велось,
Кабы сѣтями ея не ловили,
Кабы силками ея не давили;
Зайцы вотъ тоже, — ихъ жалко до слезъ!
Только весеннія воды нахлынутъ,
И безъ того они сотнями гибнутъ, —
Нѣтъ! еще мало! бѣгутъ мужики,
Ловятъ и топятъ и бьютъ ихъ баграми.
Гдѣ у нихъ совѣсть?.. Я разъ за дровами
Въ лодкѣ поѣхалъ — ихъ много съ рѣки
Къ намъ въ половодье весной нагоняетъ —
Ѣду, ловлю ихъ. Вода прибываетъ.
Вижу одинъ островокъ небольшой —
Зайцы на немъ собралися гурьбой.
Съ каждой минутой вода подбиралась
Къ бѣднымъ звѣркамъ; ужъ подъ ними осталось
Меньше аршина земли въ ширину,
Меньше сажени въ длину.
Тутъ я подъѣхалъ: лопочутъ ушами,
Сами ни съ мѣста; я взялъ одного,
Прочимъ скомандовалъ: прыгайте сами!
Прыгнули зайцы мои, — ничего!
Только усѣлась команда косая,

Весь островочекъ пропалъ подъ водой:
«То-то!» сказалъ я: «не спорьте со мной!
Слушайтесь, зайчики, дѣда Мазая!»
Этакъ гуторя, плывемъ въ тишинѣ.
Столбикъ — не столбикъ, зайчишко на пнѣ,
Лапки скрестивши, стоитъ, горемыка:
Взялъ и его — тягота невелика!
Только что началъ работать весломъ,
Глядь — у куста копошится зайчиха —
Еле жива, а толста какъ купчиха!
Я ее, дуру, накрылъ зипуномъ —
Сильно дрожала... Не рано ужъ было.
Мимо бревно суковатое плыло:
Сидя и стоя и лежа пласто́мъ,
Зайцевъ съ десятокъ спасалось на немъ.
«Взялъ бы я васъ — да потопите лодку!»
Жаль ихъ, однако, да жаль и находку —
Я зацѣпился багромъ за сучокъ
И за собою бревно поволокъ...
Было потѣхи у бабъ, ребятишекъ,
Какъ прокатилъ я деревней зайчишекъ:
«Глянь-ко, что дѣлаетъ старый Мазай!»
Ладно, любуйся, а намъ не мѣшай!
Мы за деревней въ рѣкѣ очутились.
Тутъ мои зайчики точно сбѣсились:
Смотрятъ, на заднія лапы встаютъ,
Лодку качаютъ, грести не даютъ:
Берегъ завидѣли плуты косые,
Озимь, и рощу, и ку́сты густые!..
Къ берегу плотно бревно я пригналъ,
Лодку причалилъ — и «съ Богомъ!» сказалъ...

И во весь духъ
Пошли зайчишки.
А я имъ : у-ухъ!
Живѣй, звѣришки!

Смотри, косой,
Теперь спасайся,
А чуръ зимой
Не попадайся!
Прицѣлюсь — бухъ!
И ляжешь... Ууу-ухъ!..
Мигомъ команда моя разбѣжалась,
Только на лодкѣ двѣ пары осталось —
Сильно измокли, ослабли; въ мѣшокъ
Я ихъ поклалъ — и домой приволокъ.
За ночь больные мои отогрѣлись,
Высохли, выспались, плотно наѣлись;
Вынесъ я ихъ на лужокъ, изъ мѣшка
Вытряхнулъ, ухнулъ — и дали стречка!
Я проводилъ ихъ все тѣмъ же совѣтомъ:
«Не попадайтесь зимой!»
Я ихъ не бью ни весною, ни лѣтомъ:
Шкура плохая, — линяетъ косой...

Н. Некрасовъ

ЗАЙЧИКЪ

Маленькому зайчику
На сырой ложбинкѣ
Прежде глазки тѣшили
Бѣлые цвѣточки...

Осенью расплакались
Тонкія былинки,
Лапки наступаютъ
На желтые листочки.

Хмурая, дождливая
Наступила осень,
Всю капусту сняли,
Нечего украсть.

Бѣдный зайчикъ прыгаетъ
Возлѣ мокрыхъ сосенъ,
Страшно въ лапы волку
Сѣрому попасть...

Думаетъ о лѣтѣ,
Прижимаетъ уши,
На небо косится —
Неба не видать...

Только-бъ потеплѣе,
Только бы посуше...
Очень непріятно
По водѣ ступать.

А. Блокъ

МАРТЫШКА

Отчего ты, мартышка, грустна
И прижала къ рѣшеткѣ головку?
Можетъ быть, ты больна?
Хочешь сладкую скушать морковку?..

— Я грустна оттого,
Что сижу я, какъ плѣнница, въ клѣткѣ.
Ни подругъ, ни родныхъ — никого,
Ни зеленой развѣсистой вѣтки...
Въ африканскихъ лѣсахъ я жила,
Въ теплыхъ солнечныхъ странахъ,
Цѣлый день, какъ юла,
Я качалась на гибкихъ ліанахъ...
И подруги мои, —
Стаи вѣчно веселыхъ мартышекъ,
Коротали безпечные дни
Средь раскидистыхъ пальмовыхъ вышекъ.
Каждый камень мнѣ былъ тамъ знакомъ.
Мы ходили гурьбой къ водопою,
Въ бегемотовъ бросали пескомъ
И слоновъ обливали водою...

Здѣсь и холодъ и грязь,
Злые люди и крѣпкія дверцы...
Цѣлый день, и тоскуя, и злясь,
Свой тюфякъ прижимаю я къ сердцу.

Люди въ ноздри пускаютъ мнѣ дымъ,
Тычутъ палкой, хохочутъ нахально...
Что я сдѣлала имъ?
Я — кротка и печальна.
Ты добрѣй ихъ, ты далъ мнѣ морковь,
Далъ мнѣ свѣжую воду, —
Отодвинь у рѣшетки засовъ,
Отпусти на свободу!.. —

— Бѣдный звѣрь мой, куда ты уйдешь?
Тамъ на улицѣ вѣтеръ и вьюга.
Въ переулкѣ въ сугробѣ заснешь,
Не увидѣвъ горячаго юга...
Потерпи до весны лишь, — я самъ
Выкупъ дамъ за тебя, и уѣдемъ
Къ африканскимъ лѣсамъ,
Къ чернокожимъ сосѣдямъ.

. . . . . .

А пока ты укройся теплѣй
И усни. Пусть во снѣ хоть приснится
Ширь родныхъ кукурузныхъ полей
И мартышекъ веселыя лица.

Саша Черный

* *

*

Ахъ, осень безпріютная!
Катится рѣчка мутная,
Плюются облака.
Ахъ, тяжкая годинушка,
Ахъ, горькая судьбинушка,
Для дачнаго щенка!
Всѣ кустики измочены,
Всѣ дачи заколочены,
Куда я ни взгляну.
И вотъ сижу на мостикѣ,
Съ росинками на хвостикѣ,
И вою на луну
У-у-у!

М. Моравская

ДВА ДРУГА

Ночь. Морозъ. Бушуетъ вьюга,
Буря съ крышъ солому рветъ...
На печи лежатъ два друга:
Старый дѣдъ и старый котъ.

Оба дряхлы, еле дышатъ,
Еле ходятъ, чуть живутъ,
Плохо видятъ, плохо слышатъ, —
Но одинъ къ другому льнутъ.

Ихъ безмолвная бесѣда
Задушевна и проста...
Жить не можетъ котъ безъ дѣда,
Дѣдъ пропалъ бы безъ кота.

Д. Михаловскій

КОТИКЪ И КОЗЛИКЪ

Тамъ, котикъ усатый
По садику бродитъ,
А козликъ рогатый
За котикомъ ходитъ;
И лапочкой котикъ
Погладитъ свой ротикъ;
А козликъ сѣдою
Трясетъ бородою.

В. Жуковскій

КОШКИНЪ ДОМЪ

Мышка спичками играла,
Загорѣлся кошкинъ домъ.
Нѣтъ, давай начну сначала:
Мышка спичками играла
Передъ Васькой, предъ котомъ.

Промяукнулъ онъ на мышку, —
А она ему: «Кисъ-кисъ».
«Нѣтъ, — сказалъ онъ, — это-лишку»,
И за хвостикъ хвать плутишку.
Вдругъ усы его зажглись...

Котъ мяукать, котъ метаться...
Загорѣлся кошкинъ домъ.
Тутъ бы кошкѣ догадаться,
А она давай считаться:
Все поставила вверхъ дномъ.

К. Бальмонтъ

ГНОМЫ

На лугу большія кучи
Свѣже-вырытой земли.
Лѣто. Жарко. Полдень жгучій.
Дымъ стоитъ вдали.

Кто здѣсь рылся? Можетъ, гномы,
Всей смѣшной толпой своей,
Строятъ нижнія хоромы
Для своихъ царей?

Города во тьмѣ возводятъ,
Строятъ замки подъ землей,
И, уродливые, ходятъ
Подъ моей ногой?

Зажигаютъ вырѣзныя
Лампы въ царствѣ темноты?
Нѣтъ ошибся. То — слѣпые
Черные кроты.

К. Бальмонтъ

МЫШИ

Въ нашемъ домѣ мыши поселились,
И живутъ, живутъ!
Къ намъ привыкли, ходятъ, расхрабрились,
Видны тамъ и тутъ.
То клубкомъ катаются предъ нами,
То сидятъ, глядятъ;
Возятся безжалостно ночами,
По угламъ пищатъ.
Утромъ выйдешь въ залъ, свѣчу объѣли,
Масло въ кладовой,
Что поменьше утащили въ щели...
Караулъ! Разбой!
Свалятъ банку, слѣдъ оставятъ въ тѣстѣ,
Ихъ проказъ не счесть...
Но какъ мило знать, что съ нами вмѣстѣ
Жизнь другая есть.

В. Брюсовъ

ВРАГИ

Комаръ одинъ по рощицѣ,
Задумавшись летѣлъ,
А воробей близехонько
На кустикѣ сидѣлъ.

Воробушекъ былъ голоденъ
И мошку поджидалъ,
Погнался за комарикомъ
И вмигъ его поймалъ.

Высоко ястребъ въ о́блакахъ
Надъ птичкою летѣлъ,
Онъ на землю посматривалъ
И крыльями шумѣлъ.

Былъ ястребъ очень голоденъ
Онъ пташку увидалъ,
Погнался за воробышкомъ
И вмигъ его поймалъ.

Съ ружьемъ въ рукахъ охотничекъ
По полю проходилъ,
Онъ въ ястреба прицѣлился —
Пифъ-пафъ... и застрѣлилъ.

Мамонтовъ

* *
*

Птичка Божія не знаетъ
Ни заботы, ни труда;
Хлопотливо не свиваетъ
Долговѣчнаго гнѣзда.

Въ долгу ночь на вѣткѣ дремлетъ...
Солнце красное взойдетъ —
Птичка гласу Бога внемлетъ,
Встрепенется и поетъ.

За весной, красой природы,
Лѣто знойное пройдетъ —
И туманъ, и непогоды
Осень поздняя несетъ.

Людямъ скучно, людямъ горе...
Птичка въ дальнія страны,
Въ теплый край, за сине море,
Улетаетъ до весны...

А. Пушкинъ

МАЛЬЧИКЪ И ПТИЧКА

«Лети ко мнѣ, пѣвунья-птичка,
Съ зеленой вѣтки! Безъ заботъ
Ты будешь жить въ нарядной клѣткѣ
И зерна кушать круглый годъ.
Какъ буду я тебя лелѣять,
Какъ буду я тебя любить! —
Водицы свѣжей не забуду
Я по утрамъ тебѣ носить.
И сколько бѣлаго песочку,
Тебѣ я, птичка, припасу!
Повѣрь, здѣсь лѣтомъ безопаснѣй,
Зимой теплѣе, чѣмъ въ лѣсу.
Тебя охотникъ не подстрѣлитъ,
Не можетъ ястребъ заклевать;
Съ утра до вечера спокойно
Ты будешь въ клѣткѣ распѣвать!»
— «Нѣтъ, нѣтъ! за клѣтку расписную
Я не отдамъ лѣсовъ своихъ,
Хотя бы каждое мгновенье
Мнѣ угрожала гибель въ нихъ;
И не покину я простора
Цвѣтами убранныхъ полей...
Дитя! твои мнѣ ласки милы,
Но воля мнѣ еще милѣй!» —
«Ты любишь, птичка, лѣсъ и поле,
И я люблю ихъ! Но куда

Скажи — ты спрячешься, бѣдняжка,
Когда настанутъ холода?»
— «Я полечу въ края иные,
Гдѣ вѣчно зелены луга,
И къ вамъ вернусь, когда растаютъ
Подъ вешнимъ солнышкомъ снѣга». —
«А какъ собьешься ты съ дороги,
Да и замерзнешь гдѣ-нибудь?» —
«Не бойся, другъ мой! Вольной птичкѣ
Господь указываетъ путь!»

А. Плещеевъ

ПѢСНЯ ПТИЦЪ

Чикъ-чирикъ, прочистивъ клювъ,
Солнце мы встрѣчаемъ пѣсней...
За горами отдохнувъ,
Къ намъ встаетъ оно чудеснѣй...
Золотой потокъ огня
Заливаетъ лѣсъ и нивы,
И дрожатъ вверху звеня,
Нашей пѣсни переливы.
Прямо къ солнцу звонкій крикъ...
Прямо къ солнцу. Чикъ-чирикъ...
Клювомъ вычистивши грудь,
Отъ воды встряхнувши крылья,
Нашъ воздушный легкій путь
Начинаемъ безъ усилья...
Ширь небесъ и солнца свѣтъ,
Что еще для сердца краше?
Всѣмъ, кто слышитъ нашъ привѣтъ,
Свѣтлой жизни — пѣсни наши...
Прямо къ солнцу звонкій крикъ...
Прямо къ солнцу... Чикъ-чирикъ...

Ада Чумаченко

ПТИЧКА

Птичка летаетъ,
Птичка играетъ,
Птичка поетъ;
Птичка летала,
Птичка играла,
Птички ужъ нѣтъ!
Гдѣ же ты птичка?
Гдѣ ты, пѣвичка?
Въ дальнемъ краю
Гнѣздышко вьешь ты;
Тамъ и поешь ты
Пѣсню свою.

В. Жуковскій

СОЛОВЕЙ

— Что ты, соловеюшко,
Корму не клюешь,
Вѣшаешь головушку,
Пѣсенъ не поешь?

— «Пѣлося соловьюшку
Въ рощицѣ весной...
Вѣшаю головушку
Въ клѣткѣ золотой!»

«На зеленой вѣточкѣ
Весело я жилъ...
Въ золотой же клѣточкѣ
Буду вѣкъ унылъ!..»

«Зеленой-то вѣточкѣ
Къ пѣснямъ пріучать;
Въ золотой же клѣточкѣ
Соловью молчать!»

«Зеленая вѣточка
Сердце веселитъ;
Золотая-жъ клѣточка
Умереть велитъ!..»

«Подружка на вѣточкѣ
Тужитъ обо мнѣ, —
Стонутъ малы дѣточки...
До пѣнья ли мнѣ?»

— Отперто окошечко
Къ рощицѣ твоей, —
Будь счастливъ, мой крошечка,
Улетай скорѣй!..

Н. Цыгановъ

ЖАВОРОНОКЪ

На солнцѣ темный лѣсъ зардѣлъ;
Въ долинѣ паръ бѣлѣетъ тонкій,
И пѣсню раннюю запѣлъ
Въ лазури жаворонокъ звонкій.

Онъ голосисто съ вышины
Поетъ, на солнышкѣ сверкая:
«Весна пришла къ намъ молодая!
Я здѣсь пою приходъ весны.

Здѣсь такъ легко мнѣ, такъ радушно,
Такъ безпредѣльно, такъ воздушно,
Весь Божій міръ здѣсь вижу я,
И славитъ Бога пѣснь моя».

В. Жуковскій

* *
*

Какъ у насъ ли на кровелькѣ,
Какъ у насъ ли на крашеной,
Собиралися пташечки,
Мелки пташечки, ласточки, —
Щебетали, чиликали,
Несобравшихся кликали:
«Вы слетайтесь, не медлите,
Въ путь-дороженьку пустимся!
Красны дни миновалися,
Вдоволь мы наигралися;
Здѣсь не ждать же вамъ гибели
Отъ мороза трескучаго!»

А. Дельвигъ

ЛАСТОЧКА

О, домовитая ласточка,
О, милосизая птичка!
Грудь краснобѣла, касаточка,
Лѣтняя гостья пѣвичка!
Ты часто по кровлямъ щебечешь
Надъ гнѣздышкомъ сидя, поешь,
Крылышками движешь, трепещешь,
Колокольчикомъ въ горлышкѣ бьешь.
Ты часто по воздуху вьешься,
Въ немъ смѣлые круги даешь,
Иль стелешься долу, несешься,
Иль въ небѣ, простряся, плывешь.
Ты часто въ зеркалѣ водномъ
Подъ рдяной играешь зарей,
На зыбкой лазури бездонной
Тѣнью мелькаешь своей...

Г. Державинъ.

ГНѢЗДО ЛАСТОЧКИ

Кипитъ вода, реветъ ручьемъ,
На мельницѣ и стукъ и громъ;
Колеса-то въ водѣ шумятъ,
А брызги вверхъ огнемъ летятъ;
Отъ пѣны-то бугоръ стоитъ,
Что мостъ живой весь полъ дрожитъ.

Шумитъ вода, рукавъ трясетъ,
На камни рожь дождемъ течетъ,
Подъ жерновомъ муку родитъ,
Идетъ мука, въ глаза пылитъ.

Одна пѣвунья-ласточка
Подъ крышей обжилась,
Свила, слѣпила гнѣздышко,
Дѣтьми обзавелась.

Поетъ, пока не выгнали.
Чужой-то кровъ — не свой;
Хоть не любо, не весело,
Да свыкнешься съ нуждой.

Въ ночь темную подъ крылышко
Головку подогнетъ
И спитъ себѣ подъ громъ и стукъ,
Носкомъ не шевельнетъ.

И. Никитинъ

ЛАСТОЧКИ

Мой садъ съ каждымъ днемъ увядаетъ;
Помятъ онъ, поломанъ и пустъ,
Хоть пышно еще доцвѣтаетъ
Настурцій въ немъ огненный кустъ...

Мнѣ грустно! меня раздражаетъ
И солнца осенняго блескъ,
И листъ, что съ березы спадаетъ,
И позднихъ кузнечиковъ трескъ.

Взгляну-ль по привычкѣ подъ крышу —
Пустое гнѣздо надъ окномъ;
Въ немъ ласточекъ рѣчи не слышу;
Солома обвѣтрилась въ немъ...

А помню я, какъ хлопотали
Двѣ ласточки, строя его!
Какъ прутики глиной скрѣпляли,
И пуху таскали въ него!

Какъ веселъ былъ трудъ ихъ, какъ ловокъ!
Какъ любо имъ было, когда
Пять маленькихъ, быстрыхъ головокъ
Выглядывать стали съ гнѣзда!

И цѣлый-то день, говоруньи,
Какъ дѣти, вели разговоръ...
Потомъ полетѣли, летуньи!
Я мало ихъ видѣлъ съ тѣхъ поръ!

И вотъ — ихъ гнѣздо одиноко!
Онѣ ужъ въ иной сторонѣ —
Далеко, далеко, далеко...
О, если бы крылья и мнѣ!

А. Майковъ

МАЛИНОВКѢ

Да! ты клѣтку ненавидишь;
Ты съ тоской глядишь въ окно;
Воли просишь... только, видишь,
Правда, рано: холоднó!
Пережди снѣга и вьюгу:
Вотъ олиствятся лѣса,
Вотъ разсыплется по лугу
Влажнымъ бисеромъ роса!
Клѣтку я тогда открою
Раннимъ-рано поутру —
И порхай, Господь съ тобою,
Въ крупно-ягодномъ бору...
Не тужи: весною вѣетъ;
Пахнетъ въ воздухѣ гнѣздомъ;
Алый гребень такъ и рдѣетъ
Надъ крикливымъ пѣтухомъ;
Ужъ летятъ твои сестрицы
Къ намъ изъ-за моря сюда:
Жди же, жди весны-царицы,
Теплой ночи и гнѣзда.

Л. Мей

ГАЛЧАТА

На заборѣ снѣгъ мохнатый толстой грядочкой
лежитъ.
Налетѣли вмигъ галчата... Ухъ, какой серьезный
видъ!

Ходятъ бокомъ вдоль забора, головенки изо-
гнувъ,
И другъ дружку скоро-скоро клювомъ цапаютъ
за клювъ.

Что вы ссоритесь, пичужки? Мало-ль мѣста вамъ
кругомъ —
На березовой макушкѣ, на крыльцѣ и подъ
крыльцомъ.

Эхъ, когда-бъ я самъ былъ галкой, — черезъ
форточку-бъ махнулъ
И веселою нырялкой въ синемъ небѣ пото-
нулъ...

Саша Черный

ОСВОБОЖДЕННЫЙ СКВОРЕЦЪ

Скворушка, скворушка! Глянь-ко, какъ пышно
Дерево гибкія вѣтви развѣсило!
Солнце сверкаетъ на листьяхъ и слышно,
Какъ межъ собой они шепчутся весело.

Что-жъ ты сидишь такой чопорный, чинный?
Что не летаешь, не рѣзвишься, скворушка?
Хвостикъ коротенькій, носъ за то длинный,
Ножки высокія, пестрое перышко.

Вскочишь на вѣтку, соскочишь обратно;
Смотришь лѣниво на листья зеленые;
Пѣть не поешь, а бормочешь невнятно,
Будто спросонья, слова заученыя.

Ты удивленія, птица, достойна;
Этакихъ птицъ на свободѣ не видано;
Очень ужъ что-то смирна и пристойна —
Въ клѣткѣ, знать, вскормлена, въ клѣткѣ воспитана.

Скворушка, скворушка, ты съ непривычки
Чуешь на волѣ тоску и лишенія;
Ты вѣдь не то, что всѣ прочія птички,
Дружныя съ волею прямо съ рожденія.

Вонъ какъ играютъ! Высоко, высоко
Въ небѣ ихъ стая нестройная носится;
Въ полѣ, въ лѣсу, за рѣкою далеко
Слышится звонкая разноголосица.

А. Жемчужниковъ

ДЯТЕЛЪ

Тукъ-тукъ! Тукъ-тукъ-тукъ!
Раздается гулкій стукъ.
То подъ вѣткой дятелъ пестрый.
Клювъ проворный, крѣпкій, острый
Бьетъ козявокъ и букашекъ,
И жучковъ и таракашекъ.
Тукъ-тукъ! Тукъ-тукъ-тукъ!
Гдѣ тутъ самый вкусный жукъ?

Кальма

КУРЫ

Пять курочекъ, пять дурочекъ и Петя-
пѣтушокъ
Стараются, копаются — найдется-ль червячокъ?
А выйдетъ Таня съ зернами — сейчасъ за ней
бѣгутъ,
Кидаются, толкаются — всѣ зернышки склюютъ.
Потомъ уходитъ курочка подъ черное крыльцо:
«Куда, куда? Сюда, сюда! Вотъ здѣсь лежитъ
яйцо!»

Кальма

ВОРОНА

Вотъ ворона на крышѣ покатой
Такъ съ зимы и осталась лохматой...

А ужъ въ воздухѣ — вешніе звоны.
Даже духъ занялся у вороны...

Вдругъ запрыгала въ бокъ глупымъ скокомъ,
Внизъ на землю глядитъ она бокомъ,

Что бѣлѣетъ подъ нѣжною травкой?
Вонъ желтѣютъ подъ сѣрою лавкой

Прошлогоднія мокрыя стружки...
Это все у вороны — игрушки,

И ужъ такъ-то ворона довольна,
Что весна, и дышать ей привольно!..

А. Блокъ

ИНДЮКЪ

Ф-фухъ!
Я индѣйскій пѣтухъ!..
Самый важный!
Носъ трехъэтажный...
Грудь кораблемъ,
Хвостъ рѣшетомъ...
Ф-фухъ!

Ты балда-разбалда, оболтусъ-мальчишка,
Ты балда, ты болтунъ, ты буянъ, ты глупышка!..
Ф-фухъ!
Ты что меня дразнишь?

Я индѣйскій пѣтухъ!
Ф-фухъ!
Самый важный...
Носъ трехъэтажный,
Подъ носомъ сережки
И сизыя брошки.
Грудь кораблемъ,
Хвостъ рѣшетомъ,
Персидскія ноги —
Прочь съ дороги!..
Ф-фухъ!

Саша Черный

ПИНГВИНЪ

Карликъ безрукій во фракѣ
Глупый, неловкій пингвинъ...
Помнишь сіянье во мракѣ,
Синіе выступы льдинъ?

Помнишь зарницы ночныя,
Кольца и складки огня?
Помнишь туманы сѣдые
Длиннаго, длиннаго дня?

Грустная птица, смѣшная,
Глядя на насъ, на людей,
Плачешь-ли ты, вспоминая
Ласковыхъ, черныхъ моржей?

Помнишь ли птицу-подругу,
Встрѣчи на высшей скалѣ,
Вьюгу, волшебную вьюгу,
Снѣжные вихри во мглѣ?..

Ахъ, эти встрѣчи! А нынѣ!
Душный, искусственный гротъ,
Имя твое по-латыни,
Пятиалтынный за входъ...

В. Сиринъ

ЖУРАВЛИ

По небеснымъ пространствамъ спѣша голубымъ,
Гдѣ насъ видѣть едва можетъ око,
Ко знакомымъ мѣстамъ мы летимъ и кричимъ,
Длинной цѣпью віясь издалека.
Видимъ сверху мы праздникъ веселый земли,
Здѣсь кончается наша дорога, —
И мы кружимся вкругъ, журавли, журавли,
Хвалимъ криками Господа Бога!

Гр. А. К. Толстой

УМИРАЮЩІЙ ЛЕБЕДЬ

День ужъ къ вечеру склонялся,
Дряхлый лебедь умиралъ.
Онъ въ тѣни деревъ лежалъ,
Тихо съ жизнію прощался
И при смерти сладко пѣлъ.
И надъ нимъ сидѣлъ уныло
Голубочекъ сизокрылый,
Слушалъ пѣніе, смотрѣлъ,
Какъ покойно онъ кончался,
И грустилъ и восхищался.
«Что глядишь на старика?»
Такъ спросила голубка,
Легкомысленная утка.
«Ахъ! для сердца и разсудка
Смерть его святой урокъ!»
Отвѣчалъ ей голубокъ.
«Слышишь, какъ онъ сладкогласно
При концѣ своемъ поетъ!
Кто на свѣтѣ жилъ прекрасно,
Тотъ прекрасно и умретъ!»

В. Жуковскій

РЫБКА

Тепло на солнышкѣ. Весна
Беретъ свои права.
Въ рѣкѣ мѣстами глубь ясна;
На днѣ видна трава.

Чиста холодная струя.
Слѣжу за поплавкомъ:
Шалунья-рыбка, вижу я,
Играетъ съ червякомъ.

Голубоватая спина,
Сама — какъ серебро,
Глаза — бурмитскихъ два зерна,
Багряное перо.

Идетъ — не дрогнетъ подъ водой...
Пора! — червякъ во рту.
Увы! блестящей полосой
Юркнула въ темноту.

Но вотъ опять лукавый глазъ
Сверкнулъ невдалекѣ.
Постой! авось на этотъ разъ
Повиснешь на крючкѣ!

А. Фетъ

ЛЯГУШКИ

Мы — лягушки кваксы.
Ночь чернѣе ваксы...
Шелеститъ трава.
Ква!

Раззѣвайте пасти, —
Больше, больше страсти!
Громче! Разъ и два!
Ква!

Краснымъ помидоромъ
Мѣсяцъ всталъ надъ боромъ.
Гукаетъ сова...
Ква!

Подъ ногами кочки.
У пруда — цвѣточки.
Въ небѣ — синева.
Ква!

Мѣсяцъ лѣзетъ выше.
Тише-тише-тише,
Чуть-чуть-чуть-едва:
Ква!..

Саша Черный

ЗМѢЯ

Покуда мартъ гудитъ въ лѣсу по голымъ
Снастямъ вѣтвей, — безцвѣтна и плоска,
Я сплю въ дуплѣ. Я сплю въ листвѣ тяжелымъ,
Холоднымъ сномъ — и жду: весна близка.

Ужъ въ облакахъ, какъ синія оконца
Сквозитъ лазурь... Подсохло у корней,
И мотылекъ въ горячемъ свѣтѣ солнца
Припалъ къ листвѣ... Я шевелюсь подъ ней,

Я развиваю кольца, опьяняюсь
Тепломъ лучей... Я медленно ползу —
И вновь цвѣту, горю, мѣняюсь,
Ряжусь то въ мѣдь, то въ сталь, то въ бирюзу.

Гдѣ суше лѣсъ, гдѣ много пестрыхъ листьевъ
И желтыхъ мухъ, тамъ пестрый жгутъ — змѣя.
Чѣмъ жарче день, чѣмъ мухи золотистѣй —
Тѣмъ ядовитѣй я.

Ив. Бунинъ

ПЧЕЛКА

Только что на проталинахъ весеннихъ
Показались ранніе цвѣточки,
Какъ изъ царства воскового,
Изъ душистой келейки медовой
Вылетаетъ первая пчелка.
Полетѣла по раннимъ цвѣточкамъ
О красной веснѣ развѣдать:
Скоро-ль будетъ гостья дорогая,
Скоро ли луга зазеленѣютъ,
Распустятся клейкіе листочки,
Зацвѣтетъ черемуха душиста?..

А. Пушкинъ

ПЧЕЛЫ

«Натко медку! Съ короваемъ покушай,
Притчу про пчелокъ послушай!
Нынче не въ мѣру вода разлилась,
Думали — просто идетъ наводненіе;
Только и сухо, что наше селеніе
По огороды, гдѣ ульи у насъ.
Пчелка осталась водой окруженная,
Видитъ и лѣсъ и луга вдалекѣ,
Ну, и летитъ, — ничего, налегкѣ;
А какъ назадъ полетитъ нагруженная,
Силъ не хватаетъ у милой. Бѣда!
Пчелами вся запестрѣла вода.
Тонутъ работницы, тонутъ, сердечныя!
Горю помочь мы не чаяли, грѣшные,
Не догадаться самимъ бы вовѣкъ!
Да нанесло человѣка хорошаго, —
Подъ Благовѣщенье, помнишь, прохожаго?
Онъ надоумилъ, Христовъ человѣкъ!
Слушай, сынокъ, какъ мы пчелокъ избавили.
Я при прохожемъ тужилъ-тосковалъ.
— «Вы-бъ имъ дѳ суши вѣхи поставили», —
Это онъ слово сказалъ!
Вѣришь: чуть первую вѣху зеленую
На воду вывезли, стали втыкать, —
Поняли пчелки сноровку мудреную:
Такъ и валятъ и валятъ отдыхать!»

Медъ съ короваемъ парнишка докушалъ,
Тятину притчу тѣмъ часомъ прослушалъ
И за прохожаго низкій поклонъ
Господу Богу отвѣсилъ и онъ.

Н. Некрасовъ

МАЛЬЧИКЪ И МОТЫЛЕКЪ

«Разскажи, мотылекъ,
Чѣмъ живешь ты, дружокъ?
Какъ тебѣ не устать
День-деньской все порхать?»
— Я живу средь луговъ
Въ блескѣ лѣтняго дня,
Пыль съ душистыхъ цвѣтовъ —
Вотъ вся пища моя.
Но коротокъ мой вѣкъ:
Онъ не долѣе дня;
Будь же добръ, человѣкъ,
И не трогай меня.

Л. Модзалевскій

ВЕСЕЛЫЯ КАЧЕЛИ

На скрипучія качели
Сѣли шустрые шмели.
Повертѣлись, загудѣли,
На веревки налегли:

«Поддавай! живѣе братцы...
Ухъ, какъ весело качаться!
Выше, выше, посмѣлѣе,
Разъ — впередъ! два — назадъ!»
Плохо кончились затѣи:
Лопнулъ старенькій канатъ,
Всѣ упали вверхъ тормашками
И вздыхали подъ ромашками:
«Охъ, какъ лапочки болятъ!..»

До луны въ травѣ лежали,
Ножки къ брюшку прижимали,
Молча мокли подъ росой.
Только ночью запищали,
Подыскали костыли
И тихонько побрели
Домой...

М. Моравская

* *
*

Гдѣ гнутся надъ омутомъ лозы,
Гдѣ лѣтнее солнце печетъ,
Летаютъ и пляшутъ стрекозы,
Веселый ведутъ хороводъ:

«Дитя, подойди къ намъ поближе;
«Тебя мы научимъ летать!
«Дитя, подойди, подойди же,
«Пока не проснулася мать!

«Подъ нами терепещутъ былинки,
«Намъ такъ хорошо и тепло,
«У насъ бирюзовыя спинки,
«А крылышки точно стекло.

«Мы пѣсенокъ знаемъ такъ много,
«Мы такъ тебя любимъ давно...
«Смотри, какой берегъ, отлогій,
«Какое песочное дно!»

Гр. А. К. Толстой

ЗЕЛЕНЫЙ ЧЕРВЯЧОКЪ

Какъ завидна въ часъ унынiй
Жизнь зеленыхъ червячковъ,
Что̀ на легкой паутинѣ
Тихо падаютъ съ дубовъ!

Вѣтеръ ласково колышетъ
Нашу вѣющую нить;
Лугъ цвѣтами пестро вышитъ,
Зноя солнца не избыть.

Опускаясь, подымаясь
Надъ цвѣтами мы одни,
Въ солнцѣ нѣжимся, купаясь,
Быстро мечемся въ тѣни.

Вихрь иль буря насъ погубятъ,
Смоетъ каждая гроза,
И на насъ охоту трубятъ
Птицъ пролетныхъ голоса.

Но, клонясь подъ дуновеньемъ,
Всѣ мы жаждемъ вѣтерка;
Мы живемъ однимъ мгновеньемъ,
Жизнь — свободна, смерть — легка.

Нынче — зноенъ полдень синiй,
Глубь небесъ безъ облаковъ.
Мы на легкой паутинѣ
Тихо падаемъ съ дубовъ.

В. Брюсовъ

БАБОЧКА

Не спрашивай, — откуда появилась,
Куда спѣшу;
Здѣсь на цвѣтокъ я легкій опустилась,
И вотъ — дышу.
Надолго ли, безъ цѣли, безъ усилья,
Дышать хочу?
Вотъ-вотъ, сейчасъ, сверкнувъ, раскину крылья —
И улечу!

А. Фетъ

МОШКИ

«То налѣво, то направо,
Вверхъ и внизъ, туда-сюда,
Мы летать имѣли право,
Но пришла на насъ бѣда:
Съ каждымъ днемъ все холоднѣе
Вѣтеръ дуетъ, дождь идетъ,
И становится грустнѣе
Нашъ веселый хороводъ». —
На спинѣ, задравши ножки
Надъ поникшей головой,
Засыпаютъ тихо мошки
На листахъ и подъ травой.
Буря мертвый листъ вздымая,
Пѣснь осеннюю поетъ...
Снится мошкамъ вечеръ мая
И веселый хороводъ.

П. Соловьева

ЛУКОМОРЬЕ

* *
*

У лукоморья дубъ зеленый;
Златая цѣпь на дубѣ томъ;
И днемъ и ночью котъ ученый
Все ходитъ по цѣпи кругомъ:
Идетъ направо — пѣснь заводитъ,
Налѣво — сказку говоритъ.
Тамъ чудеса: тамъ лѣшій бродитъ,
Русалка на вѣтвяхъ сидитъ;
Тамъ, на невѣдомыхъ дорожкахъ
Слѣды невиданныхъ звѣрей;
Избушка тамъ на курьихъ ножкахъ
Стоитъ безъ оконъ, безъ дверей;
Тамъ лѣсъ и долъ видѣній полны;
Тамъ о зарѣ прихлынутъ волны
На брегъ песчаный и пустой,
И тридцать витязей прекрасныхъ
Чредой изъ водъ выходятъ ясныхъ,
И съ ними дядька ихъ морской;
Тамъ королевичъ мимоходомъ
Плѣняетъ грознаго царя;
Тамъ въ облакахъ, передъ народомъ,
Черезъ лѣса, черезъ моря
Колдунъ несетъ богатыря;
Въ темницѣ тамъ царевна тужитъ,
А бурый волкъ ей вѣрно служитъ;

Тамъ ступа съ Бабою-Ягой
Идетъ-бредетъ сама собой:
Тамъ царь Кощей надъ златомъ чахнетъ,
Тамъ русскій духъ... тамъ Русью пахнетъ!
И я тамъ былъ, и медъ я пилъ,
У моря видѣлъ дубъ зеленый,
Подъ нимъ сидѣлъ, и котъ ученый
Свои мнѣ сказки говорилъ.

А. Пушкинъ

САДКО̀

Сидитъ у царя водяного Садко̀
И съ думою смотритъ печальной,
Какъ моря пучина надъ нимъ высоко
Синѣетъ сквозь теремъ хрустальный;

Тамъ ходятъ, какъ тѣни, надъ нимъ корабли,
Товарищи тамъ его ищутъ,
Тамъ берегъ остался цвѣтущей земли,
Тамъ птицы порхаютъ и свищутъ;

А здѣсь на него любопытно глядитъ
Бѣлуга, глазами моргая,
Иль мелкими искрами мимо бѣжитъ
Снетковъ серебристая стая.

Куда онъ ни взглянетъ — все синяя гладь,
Все воду лишь видитъ да воду,
И пѣсни усталъ онъ на гусляхъ играть
Царю водяному въ угоду.

А царь, улыбаясь, ему говоритъ:
— «Садко̀, мое милое чадо,
Повѣдай, зачѣмъ такъ печаленъ твой видъ?
Скажи мнѣ, чего тебѣ надо?

Кутья-ли съ шафраномъ моя не вкусна?
Блины съ инбиремъ не жирны ли?
Аль въ чемъ непривѣтна царица-жена?
Аль дочери чѣмъ досадили?

Смотри, какъ алмазы здѣсь ярко горятъ!
Какъ много здѣсь яхонтовъ алыхъ!
Сокровищъ ты столько нашелъ бы наврядъ
Въ хваленыхъ софійскихъ подвалахъ!»

— Ты, гой-еси, царь-государь водяной,
Морское пресвѣтлое чудо!
Я много доволенъ твоею женой
И мнѣ отъ царевенъ не худо;

Вкусны и кутья и блины съ инбиремъ,
Одно, государь, мнѣ обидно:
Куда ни посмотришь, все мокро кругомъ,
Сухого мѣстечка не видно!

Что̀ пользы мнѣ въ томъ, что сокровищъ полны
Подводныя эти хоромы!
Увидѣть бы мнѣ хотя-бъ зелень сосны,
Прилечь хоть на ворохъ соломы!

Богатствомъ своимъ ты меня не держи;
Всѣ роскоши эти и нѣги
Я-бъ отдалъ за крикъ перепелки во ржи,
За скрипъ новгородской телѣги!

Давно такъ не видно мнѣ божьяго дня,
Мнѣ запаху здѣсь — только тина;
Хоть дегтемъ повѣяло-бъ разъ на меня,
Хоть дымомъ курного овина!

Когда же я вспомню, что этой порой
Весна на землѣ расцвѣтаетъ,
И самъ ужъ не знаю, что станетъ со мной:
За сердце вотъ такъ и хватаетъ!

Теперь у насъ пляски въ лѣсу молодомъ,
Забыты и стужа и слякоть —
Когда я подумаю только о томъ,
Отъ грусти мнѣ хочется плакать!

Теперь, чай, и птица и всякая звѣрь
У насъ на землѣ веселится;
Сквозь листъ прошлогодній пробившись теперь,
Синѣетъ въ лѣсу медуница!

Во свѣжемъ, въ зеленомъ лѣсу молодомъ
Березой душистою пахнетъ —
И сердце во мнѣ, лишь помыслю о томъ,
Съ тоски изнываетъ и чахнетъ!

— «Садко̀, мое чадо, городишь ты вздоръ,
Земля нестерпима отъ зною;
Я въ этомъ сошлюся на цѣлый мой дворъ, —
Всегда онъ согласенъ со мною.

Мой теремъ есть моря великаго пупъ,
Твой жеребій, стало быть, свѣтелъ;
А ты непонятливъ, несвѣдущъ и глупъ,
Я это давно ужъ замѣтилъ.

Ты въ думѣ пригоденъ моей засѣдать,
Твою возвеличу я долю
И санъ водяного совѣтника дать
Тебѣ непремѣнно изволю!..»

Ударилъ Садкò по струнамъ трепака,
Самъ къ чорту шлетъ царскую ласку,
А царь, ухмыляясь, уперся въ бока,
Готовится, дрыгая, въ пляску:

Сперва лишь на мѣстѣ поводитъ усòмъ,
Щетинистой бровью киваетъ;
Но вотъ запыхтѣлъ и надулся, какъ сомъ,
Все болѣ его разбираетъ.

Похаживать началъ, плечьми шевеля,
Подпрыгивать мимо царицы,
Да вдругъ какъ пойдетъ выводить вензеля,
Такъ всѣ затряслись половицы.

— «Ну, мыслитъ Садкò, я тебя заморю!»
Съ досады быстрѣй онъ играетъ,
Но, какъ ни частитъ, водяному царю
Все болѣе силъ прибываетъ.

Пустился навывертъ пятами мѣсить,
Закидывать ногу за ногу,
Откуда взялася, подумаешь, прыть?
Глядѣть индо страшно, ей Богу!

Бояре въ испугѣ ползутъ окарачь,
Царица присѣла ажъ на полъ,
Пищатъ — инъ царевны, а царь себѣ вскачь.
Знай чешетъ ногами оба-полъ.

То, выпятя грудь, на придворныхъ онъ претъ,
То, скорчившись, пятится бокомъ,
Ломаетъ колѣнца и взадъ и впередъ,
Виляетъ загребомъ и скокомъ.

И все веселѣй и привольнѣй ему,
Колѣнца выходятъ все круче —
Темнѣе становится все въ терему,
Надъ моремъ сбираются тучи...

Но шибче играетъ Садкò, осерча,
Сжавъ зубы и брови нахмуря,
Онъ злится, онъ дергаетъ струны сплеча —
Вверху подымается буря...

Вотъ дальними грянулъ раскатами громъ,
Сверкнуло въ пучинномъ просторѣ,
И огненнымъ свѣтомъ зардѣла кругомъ
Глубокая празелень моря.

Вотъ крики послышались тамъ высоко,
То гибнутъ пловцы съ кораблями...
Отчаянный бьетъ пятернями Садкò,
Царь бѣшенный мѣситъ ногами!

Въ присядку понесъ его чортъ ходуномъ,
Онъ фыркаетъ, пышетъ и дуетъ,
Гремитъ плясовая, колеблется домъ,
И море реветъ и бушуетъ...

И вотъ пузыри отъ подстѣнья пошли,
Садкò уже видитъ сквозь стѣны:
Разбитые кò-дну летятъ корабли,
Крутятся средь ила и пѣны;

Онъ видитъ: морякъ не одинъ потонулъ,
Въ немъ сердце исполнилось жали,
Онъ сильною хваткой за струны рванулъ —
И, лопнувъ, онѣ завизжали.

Споткнувшись на мѣстѣ, сталъ царь водяной,
Ногою подъятой болтая:
— «Никакъ подшутилъ ты, Садко̀, надо мной?
Противна мнѣ шутка такая!

Не въ пору, невѣжа, ты струны порвалъ,
Какъ разъ, когда я расплясался!
Такого колѣна никто не видалъ,
Какое я дать собирался!

Зачѣмъ здоровѣе ты струнъ не припасъ?
Какъ буду теперь безъ музыки?
Аль ты, неумытый, плясать въ сухоплясъ
Велишь мнѣ, царю и владыкѣ?»

И плесомъ чешуйнымъ въ потылицу царь
Хватилъ его, ярости полный,
И вотъ завертѣлся Садко̀, какъ кубарь,
И вверхъ понесли его волны...

Гр. А. К. Толстой

МОРСКАЯ ЦАРЕВНА

Въ морѣ царевичъ купаетъ коня,
Слышитъ: «Царевичъ, взгляни на меня!»
Фыркаетъ конь и ушами прядетъ,
Брызжетъ и плещетъ, и далѣ плыветъ.
Слышитъ царевичъ: «Я царская дочь;
Хочешь провесть ты съ царевною ночь?»
Вотъ показалась рука изъ воды,
Ловитъ за кисти шелкòвой узды.
Вышла младая потомъ голова:
Въ косу вплелася морская трава,
Синія очи любовью горятъ,
Брызги на шеѣ, какъ жемчугъ, дрожатъ.
Мыслитъ царевичъ: «Добро же, постой!»
За косу ловко схватилъ онъ рукой.
Держитъ. Рука боевая сильна:
Плачетъ, и молитъ и бьется она.
Къ берегу витязь отважно плыветъ;
Выплылъ, товарищей громко зоветъ:
«Эй, вы! Сходитесь, лихіе друзья!
Гляньте, какъ бьется добыча моя...
Что-жъ вы стоите смущенной толпой?
Али красы не видали такой?»
Вотъ оглянулся царевичъ назадъ,
Ахнулъ! — померкъ торжествующій взглядъ...
Видитъ: лежитъ на пескѣ золотомъ

Чудо морское съ зеленымъ хвостомъ.
Хвостъ чешуею змѣиной покрытъ,
Весь замирая, свиваясь, дрожитъ.
Пѣна струями сбѣгаетъ съ чела,
Очи одѣла смертельная мгла;
Блѣдныя руки хватаютъ песокъ,
Шепчутъ уста непонятный упрекъ...
Ѣдетъ царевичъ задумчиво прочь...
Будетъ онъ помнить про царскую дочь!..

М. Лермонтовъ

ЛѢШІЙ

Двойнымъ, зеленымъ строемъ,
Вдоль узкаго проселка,
Подъ снѣжной шапкой дремлетъ
И сосенка и елка;

Осина коченѣетъ
И дрогнетъ отъ мороза,
И вся въ слезахъ алмазныхъ
Плакучая береза; —

Ихъ предки — въ три обхвата,
Поодаль отъ опушки
Взнесли надъ молодежью
Маститыя макушки;

Вдали дубнякъ; да лѣшій
Всѣхъ выше головою:
Рога торчатъ сквозь космы;
Копыта подъ землею...

А лѣтомъ провожаетъ
Убогую калику;
За дѣвицей, охочей
Ходить по землянику,

По ягоду малину
Съ смородиною черной,
Слѣдитъ онъ втихомолку
Промежъ листвы дозорной;

И если бойкій парень
Гдѣ пѣсенку затянетъ, —
Проказникъ-лѣшій кличемъ
Красавицу обманетъ,

А парня обойдетъ онъ...
И, если гдѣ калику,
Позарясь на поневу,
Котомочку и кику —

Съ зашитымъ подаяньемъ,
Бродяга ждетъ, — дѣдъ стукнетъ
На цѣлый лѣсъ дубинкой,
Конемъ заржетъ, аукнетъ;

И стаѣ гончихъ, звѣря
Въ трущобѣ укрываетъ...
А къ осени деревья
Онъ холитъ — сберегаетъ:

Подъ корень ихъ валежникъ
И палый листъ, вязанкой,
Кряхтя, валитъ съ плеча онъ
Надъ бѣлою бѣлянкой,

Надъ рыжикомъ и груздемъ,
Надъ тонкою опенкой:
Укроетъ; проберется
Къ грибовницамъ сторонкой,

И филиномъ прогукнетъ,
И въ чащѣ, за кустами,
Засвѣтитъ, что волчиха,
Зелеными глазами.

Въ орѣшникѣ змѣею
Шипитъ онъ для потѣхи,
Чтобъ дѣвушки у бѣлокъ
Не сняли всѣ орѣхи.

То всѣхъ деревьевъ выше,
То ниже мелкой травки,
Что̀ топчутъ чуткой ножкой
Букашки и козявки, —

Владыка полновластный
Зеленаго народа,
Онъ всей лѣсной державы
Судья и воевода.

Зимою онъ сугробы
Въ овраги заметаетъ,
А тропки и лисицамъ
И зайцамъ прочищаетъ;

И снѣгомъ онъ обноситъ
Берлогу медвѣжонка,
И вьетъ мохнатой лапой
Гнѣздо для вороненка.

И волку-сыромахѣ
Онъ кажетъ путь-дорогу,
И, на смѣхъ доѣзжачимъ
И звучному ихъ рогу,

Грозой и буйнымъ вихремъ
Вдоль по лѣсу застонетъ, —
И въ самую трущобу
Недобраго загонитъ;

Тамъ будетъ сытъ бродяга
До третьяго до Спаса:
У яблонь и у пчелокъ
Накоплено запаса...

А въ лѣсъ зайдетъ охотникъ —
Опять стучитъ дубинка,
И прячется въ трущобѣ
Вся дичь и вся дичинка...

Всего любезнѣй вёсны
Для дѣда: припадаетъ
Къ сырой землѣ онъ ухомъ
И слышитъ: — все копаетъ,

Все роется подъ склепомъ
Своей темницы тѣсной,
Все дышитъ жаждой жизни
И силою воскресной:

И травка и муравка,
И первые цвѣточки,
И первыя на волю
Пробившіяся почки.

Вотъ все зазеленѣло;
Летучими цвѣтками
И бабочки и мушки
Порхаютъ надъ лугами;

Жужжа, роятся пчелы;
Поютъ на гнѣздахъ птицы,
И на небѣ играютъ
Весеннія зарницы.

Дѣдъ долго и любовно
По лѣсу ходитъ — ходитъ,
Порой съ былинки малой
По часу глазъ не сводитъ.

И все онъ на-сторожѣ —
Съ зари до полуночи,
Пока ужъ напослѣдокъ
Не выбьется изъ мочи...

Устанетъ, притомится,
И спать придетъ охота —
Уйдетъ въ дубовый островъ,
Въ любимое болото:

Тамъ тина — что̀ перина,
Тамъ дѣду, ночью тихой,
Зыбучая постеля
Съ русалкой-лѣшачихой.

Для ней-то онъ осоку
Въ зеленый пологъ рядитъ;
Для ней медвѣжьи ушки,
Вороньи глазки садитъ;

Для ней и незабудки —
Ковромъ узорно-шитымъ;
Для ней и соловейки
По ветламъ и ракитамъ.

Для ней-то подъ Купалу,
Полуночью росистой,
И папортникъ безъ цвѣта
Цвѣтетъ звѣздой лучистой.

Сюда ужъ не добраться
Ни вершникамъ, ни пѣшимъ...
И спитъ онъ... Да летаетъ
Недобрый сонъ надъ лѣшимъ...

И снится дѣду, будто
По всей его дубровѣ
Чудно̀е что̀ творится.
И все какъ будто вновѣ...

Что мчится издалека
Невѣдомая сила
И старую трущобу
Всю лоскомъ положила:

Подсѣченъ, срубленъ, сваленъ
И сгубленъ топорами,
Кругомъ весь островъ стонетъ
Дрожащими вѣтвями;

Что про̀сѣка съ полверсту
Идетъ поверхъ болота,
И вдалекѣ сверкаетъ
Зловѣщимъ окомъ что-то,

И мчится-мчится-мчится,
И ближе подлетаетъ:
Паръ изъ ноздрей и искры;
Слѣдъ полымя сметаетъ.

Шипитъ-шипитъ и свищетъ.
И, словно змѣй крылатый,
Грозитъ чугунной грудью
Груди его косматой...

Проснулся, глянулъ, — видитъ:
Не островъ, а площадка.
Дубовъ — какъ не бывало:
Все срублено, все гладко...

Засыпано болото
Пескомъ, дресвой и щебнемъ,
И мостъ надъ нимъ поднялся
Гранитнымъ сѣрымъ гребнемъ,

И, разсыпая искры,
Далеко, въ полѣ чистомъ,
Летитъ змѣя-чугунка
Съ шипѣніемъ и свистомъ.

Л. Мей

ДОМОВОЙ

Снѣжную пыль подымаетъ
Вѣтеръ надъ крышей гнилой,
По двору ходитъ — гуляетъ
Дѣдушка самъ домовой;

Въ инеѣ шапка большая,
И до колѣнъ борода...
Смотритъ на дѣда, мерцая,
Съ темнаго неба звѣзда...

Горе... Крестьянинъ лишился
Въ зиму лошадки гнѣдой,
Вспомнивъ о ней разгрустился
Дѣдушка самъ домовой.

Какъ же не вспомнить родную,
Онъ сосункомъ ее зналъ, —
Часто бывало густую
Гриву сплеталъ — расплеталъ,

Гладилъ мохнатой рукою,
Вдоволь поилъ и кормилъ,
Чтобы лошадкѣ весною
Больше прибавилось силъ.

Съ кѣмъ теперь пахарь угрюмый
Вспашетъ землицу сохой?
Думаетъ горькую думу
Дѣдушка самъ домовой.

Вѣтеръ въ прогнившія щели
Съ свистомъ влетаетъ, какъ воръ,
Снѣгомъ разгульной мятели
Кутаетъ плотно заборъ.

А на дворѣ запустѣнье, —
Все посмело какъ метлой...
Ходитъ одинъ въ озлобленьи
Дѣдушка самъ домовой.

С. Дрожжинъ

ПѢСНЯ РУСАЛОКЪ

Веселой толпою
Съ глубокаго дна,
Мы ночью всплываемъ;
Насъ грѣетъ луна!..
Любо намъ порой ночною
Дно рѣчное покидать,
Любо вольной головою
Высь рѣчную разрѣзать,
Подавать другъ дружкѣ голосъ,
Воздухъ звонкій раздражать,
И зеленый, влажный волосъ
Въ немъ сушить и отряхать
Тише! Птичка подъ кустами
Встрепенулася во мглѣ.
Между мѣсяцемъ и нами
Кто-то ходитъ по землѣ.

«Что сестрицы: въ полѣ чистомъ
Не догнать ли ихъ скорѣй?
Плескомъ, хохотомъ и свистомъ
Не пугнуть ли ихъ коней?»
Поздно. Волны охладѣли
Пѣтухи вдали пропѣли,
Высь небесная темна,
Закатилася луна.
— «Подождемъ еще, сестрица».
— Нѣтъ, пора, пора, пора!
Ожидаетъ насъ царица,
Наша строгая сестра.

А. Пушкинъ

БАБА-ЯГА

Гулкій шумъ въ лѣсу нагоняетъ сонъ —
Къ ночи на море палъ сырой туманъ.
Окруженъ со всѣхъ съ четырехъ сторонъ
Темной осенью островокъ Буянъ.

А еще темнѣй — мой холодный срубъ,
Гдѣ ни вздуть огня, ни топить не смѣй.
А въ окно глядитъ только бурый дубъ,
Подъ которымъ смерть закопалъ Кощей.

Я состарилась, изболѣлась вся —
Десять сотъ годовъ берегу ларецъ.
Будь огонь въ свѣтцѣ — я-бъ погрѣлася,
Будь дрова въ печи — похлебала-бъ щецъ.

Да огонь — въ моряхъ мореходу вѣсть,
Да на много верстъ слышенъ дымъ отъ лыкъ...
Чортъ тебѣ велѣлъ къ чорту въ слуги лѣзть,
Дура старая, неразумный шлыкъ!

Ив. Бунинъ

СНѢГУРКА

...Потянулъ весенній вѣтеръ, —
Призадумалась, замолкла
И головкою поникла
Русокудрая Снѣгурка...
Разъ — зарей вечерней было —
Все кругомъ лилось и плыло;
Вышелъ дѣдъ, присѣлъ у двери
И старухѣ тихо молвилъ:
— «Посмотри, какою павой
Выступаетъ наша дочка!»
А красавица Снѣгурка
Отъ рѣки, промежъ заборовъ,
Коромысло взявъ на плечи,
Шла, былинкой изгибаясь
И былинкой колыхаясь,
Вся въ дукатахъ, вся въ гранатахъ,
Шла по улицѣ широкой;
Только вдругъ остановилась,
Пошатнулась, оступилась —
И тихонько стала таять:
Стала таять, словно свѣчка,
Заклубилась легкимъ паромъ,
Тихо въ облачко свернулась
И въ лучахъ зари исчезла...
Прибѣжали дѣдъ и баба,
Громко ахнули — и долго,
Долго слѣдъ ея теряя,
Въ небо темное глядѣли.

Г. Данилевскій

БОЛОТНЫЙ ПОПИКЪ

На весенней проталинкѣ
За вечерней молитвою — маленькій
Попикъ болотный виднѣется.
Ветхая ряска надъ кочкой
Чернѣется
Чуть замѣтною точкой...
...Тихонько онъ молится,
Улыбается, клонится,
Приподнявъ свою шляпу.
И лягушкѣ хромой, ковыляющей,
Травой исцѣляющей,
Перевяжетъ болящую лапу.
Перекреститъ и пуститъ гулять:
— Вотъ, ступай въ родимую гать...
— Душа моя рада
— Всякому гаду
— И всякому звѣрю
— И о всякой вѣрѣ.
И тихонько молится,
Приподнявъ свою шляпу,
За стебель, что клонится,
За больную звѣриную лапу.
И за римскаго папу. —
Не бойся пучины тряской, —
Спасетъ тебя черная ряска.

А. Блокъ

ЧУДЕСНАЯ БѢЛКА

...Островъ на морѣ лежитъ,
Градъ на островѣ стоитъ
Съ златоглавыми церквами
Съ теремами да съ садами;
Ель растетъ передъ дворцомъ,
А подъ ней хрустальный домъ,
Бѣлка тамъ живетъ ручная,
Да затѣйница какая!
Бѣлка пѣсенки поетъ
Да орѣшки все грызетъ,
А орѣшки не простые, —
Все скорлупки золотыя,
Ядра — чистый изумрудъ;
Слуги бѣлку стерегутъ,
Служатъ ей прислугой разной —
И приставленъ дьякъ приказный
Строгій счетъ орѣхамъ весть.
Отдаетъ ей войско честь;
Изъ скорлупокъ льютъ монету,
Да пускаютъ въ ходъ по свѣту.
Дѣвки сыплютъ изумрудъ
Въ кладовыя да подъ спудъ.
Всѣ въ томъ островѣ богаты —
Изобъ нѣтъ, вездѣ палаты.

А. Пушкинъ

СУДЪ МИНОСА

Предъ судилище Миноса
Собралися для допроса,
Подлѣ Стиксовыхъ береговъ
Души блѣдныя скотовъ.

Воронъ, моська, котъ, телушка,
Попугай, пѣтухъ, индюшка,
Соловей, баранъ съ свиньей,
Стали предъ Миносомъ въ строй.

«Говорите, какъ вы жили?
Много-ль въ свѣтѣ вы грѣшили?»
Такъ сказалъ имъ судія.
«Начинай хоть ты, свинья».

«Я нисколько не грѣшила;
Не жалѣя морды, рыла
Я на свѣтѣ томъ навозъ;
Въ этомъ нѣтъ грѣха, Миносъ!»

«Я баранъ, жилъ тихомолкомъ,
Но на грѣхъ столкнулся съ волкомъ:
Волкъ меня и задавилъ,
Тѣмъ лишь я и согрѣшилъ».

«Я смиренная корова;
Нраву я была простова;
Грѣхъ мой, право, не великъ:
Ободралъ меня мясникъ».

«Хоть слыву я попугаемъ,
Но на свѣтѣ былъ считаемъ
Съ человѣкомъ наравнѣ;
Этотъ грѣхъ прости ты мнѣ!»

«Я котомъ служилъ на свѣтѣ,
И имѣлъ одно въ предметѣ:
Билъ мышей и сыръ таскалъ;
Этотъ грѣхъ по чести малъ».

«Я пичужка вѣчно пѣла;
По эллински филомела,
А по русски соловей;
Не грѣшна ни въ чемъ, ей-ей!»

«Я курносая собака,
Моська, родомъ забіяка,
И зовутъ меня Барбосъ;
Пощади меня, Миносъ!»

«Я пѣтухъ, будильникъ ночи,
Съ крику выбился изъ мочи,
И принесъ на Стиксъ-рѣку
Я свое кукареку».

«Я индюшка, хлопотунья,
Пустомеля и болтунья,
У меня махровый носъ;
Не покинь меня, Миносъ!»

«Воронъ я, вѣщунъ и плакса,
Былъ я черенъ, такъ какъ вакса,
Каркалъ часто на бѣду;
Радъ я каркать и въ аду».

Царь Миносъ сердитымъ взглядомъ
На скотовъ, стоящихъ рядомъ,
Разъяренный засверкалъ...
И — ни слова не сказалъ.

В. Жуковскій

ПОХОРОНЫ БАБОЧКИ

(Изъ поэмы «Кузнечикъ-музыкантъ»)

Тамъ неподалеку спѣющей брусники,
Подъ корнями красной полевой гвоздики,
Одинокимъ трупомъ бабочка лежала:
Ножки протянула, крылья распластала
И, казалось, лежа, небесамъ молилась, —
Вся окоченѣла, но не измѣнилась:
Тотъ-же сохранился очеркъ милый, нѣжный,
Тою же сіяли бѣлизною снѣжной
Матовыя крылья... Черная косынка
На груди раскрылась; крупная слезинка,
Какъ алмазъ, блестѣла около рѣсницы,
И, какъ бархатъ, были темныя косицы...
Мертвая казалась сонной; но чернѣла
Маленькая ранка... Молча возлѣ тѣла
Постоялъ кузнечикъ, сердцемъ надрываясь.
Молча съ огонечкомъ къ трупу наклоняясь,
Свѣтлячекъ, какъ будто сильно пораженный
Небывалымъ чудомъ, жмурился, какъ сонный...
Сдѣлали носилки, положили тѣло,
Подняли — и долго поступью несмѣлой
Шли они по травкамъ, шли они по кочкамъ...
...Комары проснувшись и поднявшись роемъ,
Затрубили въ трубы, точно передъ боемъ,
Но, слетѣвшись кучей и увидѣвъ тѣло,

Взяли тономъ ниже (поняли въ чемъ дѣло)
И, трубя плачевно, въ разстояньи дальнемъ,
Огласили воздухъ маршемъ погребальнымъ.
Къ свѣтляку другіе свѣтляки пристали:
Свѣчи ихъ то гасли, то опять мелькали.
Съ жалобнымъ жужжаньемъ поднимались мухи
И, жужжа, другъ другу повѣряли слухи...
...Предразсвѣтный вѣтеръ, невидимкой вѣя,
Думалъ, что воскреснетъ молодая фея:
Шевелилъ у мертвой легкими крылами
И дышалъ въ лицо ей влажными устами,
И потомъ далекимъ проносился стономъ
И по всѣмъ тропинкамъ отдавался звономъ,
Чашечки лиловыхъ цвѣтиковъ качая...
И роса, какъ слезы, холодно сверкая,
Медленно стекала съ усиковъ цвѣтущей
Повилики, робко по стволамъ ползущей.
И благоухали тысячи растеній;
И сквозь дымъ деревья въ видѣ привидѣній
Головой качали. Тихо раздвигая
Облака, вставала зорька золотая,
И когда все стало ясно отъ улыбки
Пламенной богини, принесли подъ Липки
Мертвую Сильфиду: тамъ ее сложили,
Вырыли могилу — и похоронили...

Я. Полонскій

ФЕИНА ДОЧЬ

Феина дочь утонула въ росинкѣ,
Ночью, играя съ влюбленнымъ жучкомъ.
Поздно спасли... На сквозной паутинкѣ
Тихо лежитъ; голубымъ лепесткомъ
Божьи коровки ей ножки покрыли,
Пять свѣтляковъ засіяли кругомъ,
Дымкой жемчужной ей звѣзды кадили,
Плакала мать, заслонившись крыломъ.
А на зарѣ пробудилась поляна,
Бабочка скорбную вѣсть разнесла...
Что ей до смерти? Бѣла и румяна,
Пляшетъ въ лучѣ, и совсѣмъ весела...
Всѣ оживляются... «Вѣрьте, не вѣрьте»;
Шепчутъ друзьямъ два нескромныхъ цвѣтка —
«Феина дочь за мгновенье до смерти,
Здѣсь, при лунѣ, цѣловала жучка!»
Мимо идетъ муравей дѣловитый.
Мошки не поняли, — думаютъ — балъ.
Глупый кузнечикъ, подъ лютикомъ скрытый,
Звонко твердитъ: «такъ и зналъ, такъ и зналъ...»
Каждый спѣшитъ, кто безпечно, кто мрачно...
Два паука, всѣхъ пугая, бѣгутъ.
Феина дочь холодна и прозрачна
И на челѣ чуть горитъ изумрудъ.
Какъ хороша! Этотъ тоненькій локонъ,

Плечики эти, кто-бъ могъ описать?
Чуткій червякъ, ужъ закутанный въ кóконъ,
Просто не вытерпѣлъ, — вылѣзъ опять.
Смотрятъ, толкаются... Блѣдная фея
Плачетъ, склонившись на вѣнчикъ цвѣтка.
День разгорается, ясно алѣя...
Вдругъ спохватились: «не видно жучка!»
Феина дочь утонула въ росинкѣ,
А на зарѣ, незамѣтенъ и тихъ,
Красному блику на мокрой былинкѣ
Молится маленькій, черный женихъ.

В. Сиринъ

НАХОДКА ФЕИ

Фея сдѣлала находку:
Листикъ плавалъ по водѣ.
Изъ листка построивъ лодку,
Фея плаваетъ вездѣ.

Подъ стѣной рѣчного срыва
Показался ей налимъ,
Онъ мелькнулъ предъ ней красиво
И исчезъ, неуловимъ.

Дальше, больше. Дышутъ травы, —
Въ свѣтломъ зеркалѣ рѣки:
Цѣлымъ островомъ — купавы,
Цѣлымъ лѣсомъ — тростники.

Ей тритоны удивлялись,
Проползая бережкомъ,
И, смѣшные, похвалялись
Ей оранжевымъ брюшкомъ.

Плавунцы въ водѣ чернѣли
И пускали пузыри,
Обѣщались — въ самомъ дѣлѣ
Быть ей свитой до зари.

Все бы, все бы было складно,
Да внезапно съ вѣтеркомъ
Стало сумрачно, прохладно,
Громыхнулъ далекій громъ.

Лодку феи, вѣтеръ, вѣя,
Опрокинулъ, — не со зла,
Но однако-жъ вправду фея
Утонуть въ рѣкѣ могла.

Но она лишь усмѣхнулась,
Мигъ, — и въ замокъ до грозы,
Фея весело вернулась
На спинѣ у стрекозы.

К. Бальмонтъ

ФЕЯ ЗА ДѢЛОМЪ

Къ феѣ въ замокъ собрались
Мошки и букашки,
Передъ этимъ напились
Капелекъ съ ромашки.
И давай жужжать, галдѣть,
Въ залѣ паутинной,
Точно выискали клѣть,
А не замокъ чинный.
Стали жаловаться всѣ,
Съ самаго начала,
Что ромашка имъ въ росѣ
Яду подмѣшала.
А потомъ на комара
Жаловалась муха,
Говоритъ, молъ, я стара,
Плакалась старуха.
Фея слушала ихъ вздоръ,
И сказала: Вѣрьте,
Мнѣ вашъ гамъ и этотъ соръ
Надоѣлъ до смерти.
И велѣла пауку, —
Вставъ съ воздушныхъ креселъ, —
Чтобы тотчасъ на суку
Сѣти онъ развѣсилъ.
И немедля сталъ паукъ
Вѣшать паутинки,
А она пошла на лугъ
Провѣрять росинки.

К. Бальмонтъ

ЭЛЬФЫ

Лунной ночью, на полянѣ,
Тамъ, гдѣ ландыши звенятъ,
Въ голубѣющемъ туманѣ
Эльфы легкіе скользятъ.

Крылья — радуги чудеснѣй,
Въ смѣхѣ — шелесты весны...
Отвѣчаютъ нѣжной пѣсней
Вздохомъ вѣтра и волны.

Какъ роса, блестятъ ихъ взоры
Переливомъ огоньковъ.
Ихъ сквозистые уборы
Сплетены изъ лепестковъ.

Шепчутъ радостныя сказки
Надъ мерцающей травой,
И несутся въ рѣзвой пляскѣ,
Осребренные луной.

М. Пожарова

ПРИНЦЕССА МАЯ

Я живу въ кустахъ черемухъ,
Я зовусь принцессой мая;
Мнѣ покорны эльфы лѣса,
Мнѣ покорны грезы рая.
Я качаюсь въ сладкой дремѣ
Въ бѣломъ ландышѣ, смотря,
Какъ сквозитъ въ росинкахъ свѣтлыхъ
Переливная заря.

Въ золотой, душистый полдень,
Утомясь душой и тѣломъ,
Отдыхаю, точно жница,
Я подъ колосомъ незрѣлымъ;
Надо мной, раскрывши зонтикъ,
Звѣздноокій василекъ
Шепчетъ сказки и цѣлуетъ,
Наклоняясь мой вѣнокъ...

К. Фофановъ

МАЛЬЧИКЪ СЪ ПАЛЬЧИКЪ

(Сказочка)

Жилъ маленькій мальчикъ:
Былъ ростомъ онъ съ пальчикъ,
Лицомъ былъ красавчикъ, —
Какъ искры глазенки,
Какъ пухъ волосенки...
Онъ жилъ межъ цвѣточковъ;
Въ тѣни ихъ листочковъ
Въ жары отдыхалъ онъ,
И ночью тамъ спалъ онъ.
Съ зарей просыпался,
Живой умывался
Росой, наряжался
Въ листочекъ атласный
Лилеи прекрасной;
Проворную пчелку
Въ свою одноколку
Изъ легкой скорлупки
Потомъ запрягалъ онъ,
И съ пчелкой леталъ онъ,
И жадныя губки
Съ ней вмѣстѣ впивалъ онъ
Въ цвѣты луговые.
Къ нему золотыя

Цикады слетались
И съ нимъ забавлялись,
Кружась съ мотыльками,
Жужжа и порхая
И ярко сверкая
На солнцѣ крылами.

Ночною-жъ порою,
Когда темнотою
Земля покрывалась,
И въ небѣ съ луною
Одна за другою
Звѣзда зажигалась, —
На лугъ благовонный
Съ лампадой зажженной
Лазурно-блестящій
Къ малюткѣ являлся
Свѣтлякъ; и сбирался
Къ нему въ круговую
На пляску ночную
Рой эльфовъ летучій;
Они, какъ бѣгучій
Источникъ волнами,
Шумѣли крылами,
Сливались, сплетались,
Проворно качались
На тонкихъ былинкахъ,
Въ перловыхъ купались
На травкѣ росинкахъ,
Какъ искры сверкали
И шумно плясали
Предъ нимъ до полночи.
Когда же на очи
Ему усыпленье,
Подъ пляску, подъ пѣнье,

Сходило — смолкали
И вмигъ исчезали
Плясуньи ночныя...
Тогда, подъ живые
Цвѣты угнѣздившись
И въ сонъ погрузившись,
Онъ спалъ подъ защитой
Ихъ кровли омытой
Росой, до восхода
Зари лучезарной
Съ границы янтарной
Небеснаго свода.
Такъ милый красавчикъ
Жилъ мальчикъ нашъ съ пальчикъ.

В. Жуковскій

ДОКТОРЪ КОЗЯВА

Выйди въ лѣсокъ,
Поверни направо,
За пень, за колоду,
За стоячую воду.
Стоитъ бугорокъ,
На бугрѣ домокъ,
Старый, дырявый,
Съ хозяиномъ Козявой.
У Козявы носъ кривой,
У Козявы ротъ пустой,
Золотитъ себѣ онъ рожки,
Чешетъ хвостикъ, скоблитъ ножки.
У Козявы полонъ домъ
Всякимъ-всяческимъ звѣрьемъ:
Вотъ больной навозный жукъ,
Вотъ чахоточный паукъ,
Вонъ кузнечикъ безъ крыла,
Вонъ ослѣпшая пчела.
Всѣмъ лекарство и пріемъ
Утромъ, вечеромъ и днемъ.

С. Городецкій

НЕВИДИМОЧКА

Кто не слышалъ, не видалъ
Невидимочку-красу,
Тотъ, по правдѣ, не бывалъ
Ни въ лѣсочкѣ, ни въ лѣсу.

Шелестъ, шорохъ, тишина.
Тихо, тихо — шумно вдругъ.
Это все шалитъ она,
Всѣхъ шалуній первый другъ.

Если вѣтка захлеснетъ
Ни съ того, да ни съ сего,
Или шишка упадетъ
Вдругъ съ насѣста своего, —

Это значитъ близко тутъ
Невидимочка сидитъ,
Вѣтки сѣтку ей плетутъ,
А она въ нее глядитъ.

И сквозь эту можно сѣть,
Если ростомъ ты высокъ,
Потихоньку подглядѣть
Синій маленькій глазокъ.

А повыше, надъ глазкомъ,
Поправѣй и полѣвѣй,
Кудри русыя тайкомъ
Чуть сверкаютъ межъ вѣтвей.

Если очень ты счастливъ,
То услышишь голосокъ.
Тихъ онъ, звонокъ и смѣшливъ,
Какъ весенній ручеекъ.

Но какъ только вздрогнешь ты,
Иль погромче чуть вздохнешь —
Все пропало. На листы
Набѣгаетъ тихо дрожь.

Кто увидѣлъ только разъ
Невидимочки лѣсной
Кудри русые и глазъ,
Лѣсъ тому на вѣкъ родной.

Кто не слышалъ, не видалъ
Невидимочку-красу,
Тотъ, по правдѣ, не бывалъ
Ни въ лѣсочкѣ, ни въ лѣсу.

С. Городецкій

ЛИЗОЧЕКЪ

Мой Лизочекъ такъ ужъ малъ, такъ ужъ малъ,
Что изъ крыльевъ комаришки
Сдѣлалъ двѣ себѣ манишки,
И въ крахмалъ, и въ крахмалъ!

Мой Лизочекъ такъ ужъ малъ, такъ ужъ малъ,
Что изъ грецкаго орѣха
Сдѣлалъ стулъ, чтобъ слушать эхо,
И кричалъ, и кричалъ.

Мой Лизочекъ такъ ужъ малъ, такъ ужъ малъ,
Что изъ скорлупы яичной
Фаэтонъ себѣ отличный
Заказалъ, заказалъ.

Мой Лизочекъ такъ ужъ малъ, такъ ужъ малъ,
Что изъ скорлупы раченка,
Сшилъ четыре башмаченка,
И на балъ, и на балъ.

Мой Лизочекъ такъ ужъ малъ, такъ ужъ малъ,
Что изъ листика сирени
Сдѣлалъ зонтикъ онъ для тѣни
И гулялъ, и гулялъ!

Мой Лизочекъ такъ ужъ малъ, такъ ужъ малъ,
Что надувши одуванчикъ,
Заказалъ себѣ диванчикъ,
Тутъ и спалъ, тутъ и спалъ.

Мой Лизочекъ такъ ужъ малъ, такъ ужъ малъ,
Что наткать себѣ холстины
Пауку изъ паутины
Заказалъ, заказалъ.

К. Аксаковъ

СКРУТЪ

«Кто живетъ надъ потолкомъ?»
— Гномъ.
«У него есть борода?»
— Да.
«И манишка и жилетъ?»
— Нѣтъ.
«Какъ встаетъ онъ по утрамъ?»
— Самъ.
«Кто съ нимъ утромъ кофе пьетъ?»
— Котъ.
«И давно онъ тамъ живетъ?»
— Годъ.
«Кто съ нимъ бѣгаетъ вдоль крышъ?»
— Мышь.
«Ну, а какъ его зовутъ?»
— Скрутъ.
«Онъ капризничаетъ, да?»
— Ни-ког-да!..

Саша Черный

О ВОЛШЕБНИКѢ МЕРЛИНѢ

У волшебника Мерлина
Былъ огромный злой драконъ,
И послушный господину
Надъ землей носился онъ...
А колдунъ своей рукою
Людямъ сѣмя зла бросалъ
И повсюду за собою
Смерть и горе оставлялъ:
Выростали злыя травы
Вмѣсто хлѣба на поляхъ
И безумною отравой
Зажигали зло въ сердцахъ.
Проливалась кровь рѣкою,
Не смолкалъ печальный стонъ...
Такъ царили надъ землею
Злой волшебникъ и драконъ.
Разъ сказалъ Мерлинъ дракону:
— «Мнѣ наскучила земля...
Къ голубому небосклону
Поскорѣй неси меня!
Я хочу надъ облаками
Власть свою провозгласить!
Я велю тебѣ крылами
Солнце, звѣзды погасить.
Чтобъ все въ мірѣ ночь покрыла,

Чтобы царство тьмы пришло,
Чтобъ и небо побѣдило,
Какъ и землю, только зло!»
И полетомъ крылъ могучихъ
Подымается драконъ
Прямо къ небу, — тамъ, гдѣ тучи...
Вотъ уже у солнца онъ!
— «Выше! — вновь кричитъ дракону
Злой Мерлинъ. — Неси меня!
Я надѣну здѣсь корону,
Буду міромъ править я!»
И дракона дикій хохотъ
Всколыхнулъ небесный сводъ,
Но сквозь тучи страшный грохотъ
Поднимается, растетъ...
И раскрылось небо грозно,
Задрожалъ Мерлинъ: — «Драконъ!
Внизъ, драконъ!» — но поздно, поздно —
Блещетъ молній легіонъ,
И вонзились въ грудь Мерлина
Стрѣлы неба и сожгли
Крылья змѣя-исполина.
И отъ неба до земли
Трубы ангеловъ звучали,
Окружая Бога тронъ...
И безъ жизни внизъ упали
Злой волшебникъ и драконъ.

Г. Галина

ЕЛОЧНЫЕ ГОСТИ

«Стукъ, стукъ, стукъ!» — Кто стучитъ?
— Древній дѣдка-бородачъ
Въ ледяныхъ онучахъ,
На звѣрькахъ пріѣхалъ вскачь
Изъ лѣсовъ дремучихъ.

Дѣдушка-мохнатикъ,
Пуховой халатикъ!
Поглядимъ-ка въ щелку:
Онъ привезъ намъ елку.

Стопъ, зайчата, у крыльца!
Довезли салазки.
Дѣдъ бормочетъ безъ конца
Снѣговыя сказки.

Борода метелкой,
Сѣетъ иней колкій,
Сѣетъ бисеринки,
Вьюжныя снѣжинки.

«Топъ, топъ, топъ!» — Кто бѣжитъ?
— Это Пряникъ чудодѣй,
Вкусный человѣчекъ
Тащитъ ворохи сластей,
Бусъ, орѣховъ, свѣчекъ.

Пряничный болванчикъ
Золотой кафтанчикъ!
Здравствуй гость румяный,
Сахарный медвяный.

«Дзинь, дзинь, дзинь!» — Что звенитъ?
— Весь въ бубенчикахъ возокъ —
Мчится конь ретивый:
Деревянный скакунокъ
Съ расписною гривой.

На возкѣ подарки,
Всѣ пестры и ярки:
Дудки и хлопушки.
Бубны, погремушки.

«Бимъ, бамъ, бомъ!» — Что гудитъ?
— Это бьютъ въ колокола
Стройно, величаво:
Ночь великая пришла.
Слава! Слава! Слава!

М. Пожарова

В САДАХ ПРИРОДЫ

ЗИМА

(изъ романа «Евгеній Онѣгинъ»)

... Проснувшись рано
Въ окно увидѣла Татьяна
По-утру побѣлѣвшій дворъ,
Куртины, кровли и заборъ,
На стеклахъ легкіе узоры,
Деревья въ зимнемъ серебрѣ,
Сорокъ веселыхъ на дворѣ
И мягко устланныя горы
Зимы блистательнымъ ковромъ.
Все ярко, все бѣло́ кругомъ.

Зима... Крестьянинъ торжествуя,
На дровняхъ обновляетъ путь;
Его лошадка, снѣгъ почуя,
Плетется рысью какъ-нибудь;
Бразды пушистыя взрывая,
Летитъ кибитка удалая;
Ямщикъ сидитъ на облучкѣ
Въ тулупѣ, въ красномъ кушакѣ.
Вотъ бѣгаетъ дворовый мальчикъ,
Въ салазки Жучку посадивъ,
Себя въ коня преобразивъ;
Шалунъ ужъ заморозилъ пальчикъ,
Ему и больно, и смѣшно,
А мать грозитъ ему въ окно...

А. Пушкинъ

МОРОЗЪ

Не вѣтеръ бушуетъ надъ боромъ,
Не съ горъ побѣжали ручьи —
Морозъ-воевода дозоромъ
Обходитъ владѣнья свои.
Глядитъ — хорошо ли метели
Лѣсныя тропы замели,
И нѣтъ ли гдѣ сломанной ели,
И нѣтъ ли гдѣ голой земли?
Пушисты ли сосенъ вершины,
Красивъ ли узоръ на дубахъ,
И крѣпко ли скованы льдины
Въ великихъ и малыхъ водахъ.
Идетъ, по деревьямъ шагаетъ,
Трещитъ по замерзлой водѣ,
И яркое солнце играетъ
Въ косматой его бородѣ.
Забравшись на сосну большую,
По вѣткамъ онъ палицей бьетъ,
И самъ про себя удалую,
Хвастливую пѣсню поетъ:
«Метели, снѣга и туманы
Покорны морозу всегда,
Пойду на моря-океаны —
Построю дворцы изо льда.
Задумаю — рѣки большія

Надолго упрячу подъ гнетъ,
Построю мосты ледяные,
Какихъ не построитъ народъ.
Гдѣ быстрыя шумныя воды
Недавно свободно текли,
Сегодня прошли пѣшеходы,
Обозы съ товаромъ прошли.
На горе недоброму вору,
На страхъ сѣдоку и коню,
Люблю я въ вечернюю пору
Затѣять въ лѣсу трескотню.
Безъ мѣлу всю выбѣлю рожу,
А носъ запылаетъ огнемъ,
И бороду такъ приморожу
Къ вожжамъ — хоть руби топоромъ.
Богатъ я, казны не считаю,
А все не скудѣетъ добро;
Я царство мое убираю
Въ алмазы, жемчугъ, серебро».

Н. Некрасовъ

* *
*

Печальная береза
У моего окна,
И прихотью мороза
Разубрана она;
Какъ гроздья винограда,
Вѣтвей концы висятъ,
И радостенъ для взгляда
Весь траурный нарядъ.
Люблю игру денницы
Я замѣчать на ней,
И жаль мнѣ, если птицы
Стряхнутъ красу вѣтвей!

А. Фетъ

СНѢЖИНКИ

I

Свѣтло-пушистая
Снѣжинка бѣлая,
Какая чистая,
Какая смѣлая!

Доро́гой бурною
Легко проносится,
Не въ высь лазурную,
На землю просится.

Лазурь чудесную
Она покинула,
Себя въ безвѣстную
Страну низринула.

Въ лучахъ блистающихъ
Скользитъ умѣлая,
Средь хлопьевъ тающихъ
Сохранно-бѣлая.

Подъ вѣтромъ вѣющимъ
Дрожитъ — взметается
На немъ, лелѣющемъ,
Свѣтло качается.

Его качелями
Она утѣшена,
Съ его метелями
Крутится бѣшено.

Но вотъ кончается
Дорога дальняя,
Земли касается
Звѣзда кристальная.

Лежитъ пушистая
Снѣжинка смѣлая.
Какая чистая,
Какая бѣлая!

II

На дѣтскую руку упали снѣжинки,
На маломъ мизинчикѣ восемь ихъ было числю.
Различную форму являли пушинки,
И все такъ мерцали воздушно-свѣтло.

Вотъ крестики встали, вотъ звѣзды мелькнули,
Какъ мягокъ сквозистый ихъ свѣтъ.
Но дѣтскіе пальчики чуть шевельнули, —
И больше ихъ нѣтъ.

К. Бальмонтъ

ПЕРВОПУТОКЪ

Первый, щедрый, рыхлый снѣгъ
Все засыпалъ, все сравнялъ.
Я скорѣе, безъ помѣхъ,
Сталъ на лыжи. Побѣжалъ.

Тамъ въ лѣсу тропинка есть.
Лѣтомъ я по ней ходилъ.
Чтобъ жука найти и съѣсть,
Дятелъ елку тамъ долбилъ.

Бѣлка тамъ хвостомъ мела.
Пѣли птицы, мохъ шуршалъ.
А изъ теплаго дупла
Темной ночью сычъ кричалъ.

Очень долго я бѣжалъ
По оврагамъ, по горамъ.
Кувыркомъ не разъ леталъ
На смѣхъ зимнимъ воробьямъ.

Ужъ заря на небо шла
Край небесный зажигать...
Вдругъ судьба мнѣ помогла
Ту тропинку отыскать.

Ныли ноги и спина,
Сладко было отдохнуть.
Какъ ласкала тишина!
Какъ синѣлъ мой лыжный путь!

Здравствуй! — тихо я сказалъ.
«Здравствуй!», скрипнулъ снизу снѣгъ:
«Въ эту зиму прибѣжалъ
Ты на лыжахъ раньше всѣхъ».

С. Городецкій

ЗИМНЯЯ ДОРОГА

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальныя поляны
Льетъ печальный свѣтъ она.
По дорогѣ зимней, скучной
Тройка борзая бѣжитъ,
Колокольчикъ однозвучный
Утомительно гремитъ.
Что-то слышится родное
Въ долгихъ пѣсняхъ ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска...
Ни огня, ни черной хаты...
Глушь и снѣгъ... Навстрѣчу мнѣ
Только версты полосаты
Попадаются однѣ...

А. Пушкинъ

БѢСЫ

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна.
Ѣду, ѣду въ чистомъ полѣ,
Колокольчикъ динь-динь-динь...
Страшно, страшно поневолѣ
Средь невѣдомыхъ равнинъ!

— Эй, пошелъ, ямщикъ!.. — «Нѣтъ мóчи.
Конямъ, баринъ, тяжело;
Вьюга мнѣ слипаетъ очи;
Всѣ дороги занесло;
Хоть убей, слѣда не видно;
Сбились мы. Что дѣлать намъ?
Въ полѣ бѣсъ насъ водитъ, видно,
Да кружитъ по сторонамъ.

«Посмотри: вонъ, вонъ играетъ,
Дуетъ, плюетъ на меня;
Вонъ — теперь въ оврагъ толкаетъ
Одичалаго коня;
Тамъ верстою небывалой
Онъ торчалъ передо мной;
Тамъ сверкнулъ онъ искрой малой
И пропалъ во тьмѣ пустой.

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна.

Силъ намъ нѣтъ кружиться долѣ;
Колокольчикъ вдругъ умолкъ,
Кони стали... — Что тамъ въ полѣ?
«Кто ихъ знаетъ: пень иль волкъ?»

Вьюга злится, вьюга плачетъ;
Кони чуткіе храпятъ.
Вонъ ужъ онъ далече скачетъ,
Лишь глаза во мглѣ горятъ!
Кони снова понеслися;
Колокольчикъ динь-динь-динь...
Вижу: духи собралися
Средь бѣлѣющихъ равнинъ.

Безконечны, безобразны,
Въ мутной мѣсяца игрѣ
Закружились бѣсы разны,
Будто листья въ ноябрѣ...
Сколько ихъ! Куда ихъ гонятъ?
Что такъ жалобно поютъ?
Домового ли хоронятъ,
Вѣдьму-ль замужъ выдаютъ?

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна.
Мчатся бѣсы рой за роемъ
Въ безпредѣльной вышинѣ,
Визгомъ жалобнымъ и воемъ
Надрывая сердце мнѣ...

А. Пушкинъ

* *
*

Бѣлѣетъ равнина унылая,
Опушаются вѣтви въ лѣсахъ.
Несется зима снѣжнокрылая
На серебряныхъ грозныхъ коняхъ.

Блеститъ жемчугами, опалами,
Въ небѣ тучи за тучами вьетъ.
Играя съ ея покрывалами
Опьяненная вьюга поетъ.

И буйные кони взвиваются,
И хрустально звенятъ бубенцы,
И въ вихрѣ зыбучемъ качаются
Бѣлыхъ лентъ снѣговые концы.

Колдуетъ владычица грозная
И взметаетъ серебряный прахъ.
И бродитъ улыбка морозная
На ея бездыханныхъ устахъ.

Колдуетъ владычица строгая —
И отъ страха застыла земля,
И съ неба луна златорогая,
Леденѣя, глядитъ на поля.

М. Пожарова

ЕЛЬ И БЕРЕЗА

На снѣжной равнинѣ въ зеленомъ уборѣ
Темнѣла угрюмая ель;
И, какъ горностаями, снѣгомъ пушистымъ
Ей плечи прикрыла метель.

Съ ней рядомъ березку сухую, нагую
Отъ стужи бросало въ ознобъ;
И ель ей скрипѣла: «бѣдняжка попробуй
Прикрыться — заройся въ сугробъ»...

Надъ снѣжной равниной апрѣльское солнце
Затеплилось вешнимъ огнемъ:
Сугробы сбѣжали ручьями; лощины
Зеленымъ покрылись ковромъ.

Очнулась березка и въ свѣжемъ нарядѣ,
Слегка колыхаясь, шумитъ;
И вѣтеръ несетъ ей веселыя вѣсти,
И птичка ей сны говоритъ.

Я. Полонскій

СОСНА

Во сыромъ бору сосна стоитъ, растетъ;
Во чистомъ полѣ метель гудитъ, поетъ;
Надъ землею тучи сѣрыя шатромъ;
На землѣ снѣга пушистые ковромъ;
Вьюга, холодъ, но печальная сосна
Неизмѣнно, какъ весною, зелена.
Возвратится ли веселая весна,
Пробудится ли природа ото сна,
Прояснѣютъ, улыбнутся небеса,
Въ листья нѣжные одѣнутся лѣса,
Заблеститъ сквозь зелень ландышъ серебромъ,
Засинѣютъ незабудки надъ ручьемъ,
Встанетъ солнце съ неба чистаго свѣтлѣй,
И зальется звонкой трелью соловей —
Все попрежнему печальна, зелена,
Думу думаетъ тяжелую сосна.
Грустно, тяжко ей, раскидистой, расти:
Все цвѣтетъ, а ей одной лишь не цвѣсти!
Собирая иглы острыя свои,
Хочетъ въ землю глубоко она уйти,
Иль сорвавшися съ извилистыхъ корней,
Въ небо взвихриться метелью изъ вѣтвей.
Да крѣпка земля, далеки небеса —
И стоитъ она, угрюмая краса,
И весною и зимою зелена,
И зимою и весною холодна...

Л. Мей

СѢВЕРНАЯ БЕРЕЗА

Надъ озеромъ, надъ заводью лѣсной —
Нарядная зеленая береза...
— «О, дѣвушки! Какъ холодно весной:
Я вся дрожу отъ вѣтра и мороза!»

То дождь, то градъ, то снѣгъ, какъ бѣлый пухъ,
То солнце, блескъ, лазурь и водопады...
— «О, дѣвушки! Какъ веселъ лѣсъ и лугъ!
Какъ радостны весенніе наряды!»

Опять, опять нахмурилась, — опять
Мелькаетъ снѣгъ и боръ гудитъ сурово...
— «Я вся дрожу. Но только-бъ не измять
Зеленыхъ лентъ! Вѣдь солнце будетъ снова».

Ив. Бунинъ

СНѢЖОКЪ

На снѣжокъ умирающій
Синія тѣни ложатся,
Холодокъ его тающій
Медлитъ съ землею разстаться.

Снѣжной влагой крещеная,
Тамъ, надъ сырою лощинкой,
Травка остро-зеленая
Нѣжною встала щетинкой.

П. Соловьева

* *
*

Гонимы вешними лучами,
Съ окрестныхъ горъ уже снѣга
Сбѣжали мутными ручьями
На потопленные луга.
Улыбкой ясною природа
Сквозь сонъ встрѣчаетъ утро года;
Синѣя, блещутъ небеса;
Еще прозрачные лѣса
Какъ будто пухомъ зеленѣютъ;
Пчела за данью полевой
Летитъ изъ кельи восковой;
Долины сохнутъ и пестрѣютъ;
Стада шумятъ, и соловей
Ужъ пѣлъ въ безмолвіи ночей.

А. Пушкинъ

ВЕСНА

Зима не даромъ злится:
Прошла ея пора,
Весна въ окно стучится
И гонитъ со двора.

И все засуетилось,
Все гонитъ зиму вонъ,
И жаворонки въ небѣ
Ужъ подняли трезвонъ.

Зима еще хлопочетъ
И на весну ворчитъ,
Та ей въ глаза хохочетъ,
И пуще лишь шумитъ!

Взбѣсилась вѣдьма злая
И, снѣгу захватя,
Пустила, убѣгая,
Въ прекрасное дитя.

Веснѣ и горя мало:
Умылася въ снѣгу,
И лишь румянѣй стала
Наперекоръ врагу.

Ѳ. Тютчевъ

ЗЕЛЕНЫЙ ШУМЪ

Идетъ-гудетъ Зеленый Шумъ,
Зеленый Шумъ, весенній шумъ!

Играючи расходится
Вдругъ вѣтеръ верховой:
Качнетъ кусты ольховые,
Подниметъ пыль цвѣточную,
Какъ облако: все зелено, —
И воздухъ, и вода!

Идетъ-гудетъ Зеленый Шумъ,
Зеленый Шумъ, весенній шумъ!

Какъ молокомъ облитые,
Стоятъ сады вишневые,
Тихохонько шумятъ;
Пригрѣты теплымъ солнышкомъ,
Шумятъ повеселѣлые
Сосновые лѣса,
А рядомъ новой зеленью
Лепечутъ пѣсню новую
И липа блѣднолистая,
И бѣлая березонька
Съ зеленою косой!
Шумитъ тростинка малая,
Шумитъ веселый кленъ...
Шумятъ они по новому,
По новому, весеннему...

Идетъ-гудетъ Зеленый Шумъ,
Зеленый Шумъ, весенній шумъ!

Н. Некрасовъ

ВЕСНА

Уходи, зима сѣдая!
Ужъ красавицы Весны
Колесница золотая
Мчится съ горней вышины!

Старой спорить ли, тщедушной,
Съ ней — царицею цвѣтовъ,
Съ цѣлой арміей воздушной
Благовонныхъ вѣтерковъ!

А что̀ шума, что̀ гудѣнья,
Теплыхъ ливней и лучей,
И чиликанья, и пѣнья!..
Уходи себѣ скорѣй!

У нея не лукъ, не стрѣлы,
Улыбнулась лишь — и ты,
Подобравъ свой саванъ бѣлый,
Поползла въ оврагъ, въ кусты!..

Да найдутъ и по оврагамъ!
Вонъ — ужъ пчелъ рои шумятъ,
И летитъ побѣднымъ флагомъ
Пестрыхъ бабочекъ отрядъ!

А. Майковъ

ВЕСЕННІЙ ДОЖДЬ

Дождикъ сквозь солнце, крупный и теплый,
Шумитъ по травѣ,
По синей рѣкѣ,
И круги да пузырики бѣгутъ по ней,
Легъ тростникъ,
Пушистыя торчатъ початки,
Въ нихъ накрѣпко стрекозы вцѣпились,
Паучки спрятались, поджали лапки,
А дождикъ поливаетъ:

Дождикъ, дождикъ пуще
По зеленой пущѣ;
Чирики, чигирики
По рѣкѣ пузырики;
Пробѣжалъ низенько,
Омочилъ мокренько;
Ой, ладога, ладога,
Золотая радуга.

Рада бѣлая береза:

Обсыпалася почками,
Обвѣсилась листочками...

Обнялъ, осыпалъ дождикъ березу,
Прошумѣлъ по листамъ
Непутевый;
Золотой мостъ черезъ рѣку кинулъ,
И помчался къ синему бору...

Гр. Ал. Н. Толстой

ПОДСНѢЖНИКЪ

Въ лѣсу, гдѣ березки столпились гурьбой,
Подснѣжника глянулъ глазокъ голубой.
Сперва понемножку
Зеленую выставилъ ножку,
Потомъ потянулся изъ всѣхъ своихъ маленькихъ
силъ
И тихо спросилъ:
«Я вижу, погода тепла и ясна,
Скажите, вѣдь правда, что это весна?»

П. Соловьева

ВЕСЕННІЯ ВОДЫ

Еще въ поляхъ бѣлѣетъ снѣгъ,
А воды ужъ весной шумятъ,
Бѣгутъ и будятъ сонный брегъ,
Бѣгутъ, и блещутъ, и гласятъ.

Онѣ гласятъ во всѣ концы:
«Весна идетъ, весна идетъ,
«Мы молодой весны гонцы,
«Она насъ выслала впередъ!»

Весна идетъ, весна идетъ!
И тихихъ, теплыхъ, майскихъ дней
Румяный, свѣтлый хороводъ
Толпится весело за ней!

Ѳ. Тютчевъ

ОБЛАКА

Миновало холодное царство зимы,
И навстрѣчу движенью живому,
Въ юныхъ солнца лучахъ позлатилися мы
И по небу плывемъ голубому.
Миновало холодное царство снѣговъ,
Не гонимы погодою бурной,
Въ парчевой мы одѣтыя снова покровъ,
Хвалимъ Господа въ тверди лазурной!

Гр. Ал. К. Толстой

СТЕПЬ

Полно, степь моя, спать безпробудно!
Зимы-матушки царство прошло,
Сохнетъ скатерть дорожки безлюдной,
Снѣгъ пропалъ, — и тепло и свѣтло!

Пробудись и умойся росою,
Въ ненаглядной красѣ покажись,
Принакрой свою грудь муравою,
Какъ невѣста въ цвѣты нарядись!

Полюбуйся: весна наступаетъ,
Журавли караваномъ летятъ,
Въ яркомъ золотѣ день утопаетъ,
И ручьи по оврагамъ шумятъ.

Бѣлоснѣжныя тучки толпами
Въ синевѣ на просторѣ идутъ,
По груди у тебя полосами
Другъ за дружкою тѣни плывутъ.

Скоро гости къ тебѣ соберутся,
Сколько гнѣздъ понавьютъ — посмотри!
Что за звуки, за пѣсни польются
День деньской отъ зари до зари!

Тамъ ужъ лѣто — ложись подъ косою,
Ковыль бѣлый, въ угоду косцамъ!
Подымайся копна за копною!
Распѣвайте, косцы, по ночамъ!

И тогда — при мерцаньи румяномъ
Ясныхъ зорекъ въ прохладные дни,
Отдохни, моя степь, подъ туманомъ,
Беззаботно и крѣпко усни.

И. Никитинъ

ВЕРБЫ

Вербы овѣяны
Вѣтромъ нагрѣтымъ,
Нѣжно взлелѣяны
Утреннимъ свѣтомъ.

Вѣтви пасхальныя,
Нѣжно-печальныя,
Смотрятъ веселыми,
Шепчутся съ пчелами.

Кладбище мирное
Млѣетъ цвѣтами,
Пѣніе клирное
Льется волнами.

Свѣтло-печальныя,
Пѣсни пасхальныя,
Сердцемъ взлелѣяны,
Вѣчнымъ овѣяны.

К. Бальмонтъ

* *
*

Подъ напѣвъ молитвъ пасхальныхъ
И подъ звонъ колоколовъ,
Къ намъ летитъ весна изъ дальнихъ,
Изъ полуденныхъ краевъ.

Въ зеленѣющемъ уборѣ
Млѣютъ темные лѣса.
Небо блещетъ, точно море,
Море — точно небеса.

Сосны — въ бархатѣ зеленомъ,
И душистая смола
По чешуйчатымъ колоннамъ
Янтарями потекла.

И въ саду у насъ сегодня
Я замѣтилъ, какъ тайкомъ
Похристосовался ландышъ
Съ бѣлокрылымъ мотылькомъ.

К. Фофановъ

АПРѢЛЬ

За зимой пришла весна.
Ярко блещутъ лужи,
Воробьи сошли съ ума...
Что ни день, то хуже:
Соберутся и галдятъ
Цѣлый день на крышѣ:
— Чикъ-чикъ-чикъ! чирикъ-чирикъ! —
Только ихъ и слышишь.
Хороши и пѣтухи:
На заборъ заскочетъ
И оретъ себѣ, дуракъ,
Изо всей-то мочи.
Куричъ — то и дѣло бьетъ,
Сколькимъ ужъ попало,
А по улицѣ идетъ —
Смотритъ генераломъ...

Хороша Весна-Красна,
Ласковъ теплый вѣтеръ,
Говорливы ручейки,
Хлопотливы дѣти:
То имъ надо сбросить снѣгъ,
То прорыть канавку,
Чтобы грязная вода

Не текла подъ лавку;
То взглянуть, куда летѣлъ
Осторожный зябликъ,
То спустить на ручеекъ
Маленькій корабликъ
И смотрѣть какъ онъ плыветъ
Въ яркомъ блескѣ солнца,
Какъ блеститъ веселый лучъ
У него вдоль донца...

Г. Вяткинъ

ПЕРВЫЙ ГРОМЪ

Я услыхалъ сегодня первый громъ —
Онъ въ полдень прогремѣлъ изъ тучки малой;
А черезъ часъ цвѣтокъ гвоздики алой
Ужъ распустился въ цвѣтникѣ моемъ
И весело кивалъ мнѣ головою,
Обрызганный весь влагой дождевою.
Я вышелъ въ садъ: шумя со всѣхъ сторонъ,
По воздуху махая, какъ руками,
Пахучими и мокрыми вѣтвями, —
Безъ умолку болталъ о чемъ-то онъ;
Его перекричать старались птицы,
Свисталъ скворецъ и громко зябликъ пѣлъ.
И вдругъ опять, какъ поѣздъ колесницы
Далекій громъ въ природѣ прогремѣлъ.

Гр. А. Голенищевъ-Кутузовъ

ВЕСЕННЯЯ ГРОЗА

Люблю грозу въ началѣ мая,
Когда весенній первый громъ,
Какъ бы рѣзвяся и играя,
Грохочетъ въ небѣ голубомъ.

Гремятъ раскаты молодые!
Вотъ дождикъ брызнулъ, пыль летитъ,
Повисли перлы дождевые,
И солнце нити золотитъ.

Съ горы бѣжитъ потокъ проворный,
Въ лѣсу не молкнетъ птичій гамъ.
И гамъ лѣсной, и шумъ нагорный —
Все вторитъ весело громамъ.

Ѳ. Тютчевъ

* *
*

Весна, весна! Какъ воздухъ чистъ.
Какъ ясенъ небосклонъ!
Своей лазурію живой
Слѣпитъ мнѣ очи онъ.
Весна, весна! Какъ высоко,
На крыльяхъ вѣтерка,
Ласкаясь къ солнечнымъ лучамъ
Летаютъ облака!
Шумятъ ручьи, блестятъ ручьи...
Взревѣвъ, рѣка несетъ
На торжествующемъ хребтѣ
Поднятый ею ледъ.
Еще лѣса обнажены,
Но въ рощѣ ветхій листъ,
Какъ прежде, подъ моей ногой
И шуменъ и душистъ.
Подъ солнце самое взвился
И въ яркой вышинѣ
Незримый жавронокъ поетъ
Заздравный гимнъ веснѣ.
Что съ нею, что съ моей душой?
Съ ручьемъ она ручей
И съ птичкой птичка! Съ нимъ журчитъ,
Летаетъ въ небѣ съ ней!

Е. Боратынскій

НА ЛУГУ

Лѣса вдали виднѣе,
Синѣе небеса,
Замѣтнѣй и чернѣе
На пашнѣ полоса,
И дѣтскіе звончѣе
Надъ лугомъ голоса.

Весна идетъ сторонкой,
Да гдѣ-жъ сама она?
Чу, слышенъ голосъ звонкій,
Не это ли весна?
Нѣтъ, это звонко, тонко
Въ ручьѣ журчитъ волна...

А. Блокъ

МАЙ

Былъ май, веселый мѣсяцъ май, —
Кому же грустно въ маѣ?
Цвѣтовъ въ поляхъ хоть убавляй,
А лѣсъ? а птичьи стаи?
А небо въ звѣздахъ и лунѣ?
А тучи на закатѣ,
То въ перламутровомъ огнѣ,
То въ пурпурѣ, то въ златѣ?
И такъ былъ май; поля цвѣли,
Въ аллеяхъ пѣли пчелки,
На межникахъ коростели,
А въ просѣ перепелки.
Былъ старый лѣсъ, веселый днемъ,
А ночью тайны полный,
Тамъ пѣлъ ручей, обросшій мхомъ,
И лѣсъ смотрѣлся въ волны...

А. Будищевъ

* *

*

Колокольчики мои,
Цвѣтики степные!
Что̀ глядите на меня,
Темно-голубые?
И о чемъ звените вы
Въ день веселый мая,
Средь некошеной травы
Головой качая?

Конь несетъ меня стрѣлой
На полѣ открытомъ,
Онъ васъ топчетъ подъ собой,
Бьетъ своимъ копытомъ.
Колокольчики мои,
Цвѣтики степные,
Не кляните вы меня,
Темно-голубые!

Гр. А. К. Толстой

МОЙ САДИКЪ

Какъ мой садикъ свѣжъ и зеленъ!
Распустилась въ немъ сирень,
Отъ черемухи душистой
И отъ липъ кудрявыхъ тѣнь...

Правда, нѣтъ въ немъ блѣдныхъ лилій,
Горделивыхъ георгинъ
И лишь пестрыя головки
Возвышаетъ макъ одинъ, —

Да подсолнечникъ у входа,
Словно вѣрный часовой,
Сторожитъ себѣ дорожку,
Всю поросшую травой...

Но люблю я садикъ скромный:
Онъ душѣ моей милѣй
Городскихъ садовъ унылыхъ,
Съ тѣнью правильныхъ аллей.

И весь день въ травѣ высокой
Лежа, слушать бы я радъ,
Какъ заботливыя пчелы
Вкругъ черемухи жужжатъ.

А. Плещеевъ

ЛѢТНІЙ ДОЖДЬ

«Золото, золото падаетъ съ неба!»
Дѣти кричатъ и бѣгутъ за дождемъ...
— Полноте, дѣти, его мы сберемъ,
Только сберемъ золотистымъ зерномъ
Въ полныхъ амбарахъ душистаго хлѣба.

А. Майковъ

ВЕЧЕРЪ ПОСЛѢ ДОЖДЯ

Замерли грома раскаты. Дождемъ окропленное поле,
Послѣ грозы, озарилось улыбкой румянаго солнца.
Заревомъ пышетъ закатъ. Золотисто-румяныя тучи
Ярко горятъ надъ вершиной кудряваго лѣса.
Спятъ неподвижныя ивы, обвѣяны нѣгой вечерней.
О, какъ хорошъ этотъ воздухъ, грозой и дождемъ освѣженный!
Какъ ему рады повсюду, куда онъ проникъ благодатный!
Видѣлъ я въ полдень вотъ этотъ цвѣто́къ темносиній: отъ жару
Грустно свернувъ лепестки, онъ клонился къ землѣ раскаленной.
Вотъ онъ опять развернулся и держится прямо на стеблѣ.
Солнце-художникъ покрыло его золотистою краской,
Свѣтлыя капли, какъ жемчугъ, горятъ на головкѣ махровой;
Крѣпко прильнула къ нему хлопотливо-жужжащая пчелка,
Сокъ ароматный сбирая. А какъ забѣлѣлася ярко

Гречка расцвѣтшая, чистой омытая влагой отъ пыли!
Издали кажется, снѣгъ это бѣлой лежитъ полосою.
Словно воздушный цвѣтокъ, стрекоза опустилась на колосъ;
Бѣдная! долго ждала она капли прозрачной изъ тучки.
Вышелъ сурокъ изъ норы своей темной, кругомъ оглянулся,
Сталъ осторожно на заднія лапки и слушаетъ: тихо...
Только кричитъ гдѣ-то перепелъ, и распѣваетъ овсянка;
Весело свистнулъ и онъ и водицы напился изъ лужи.
Вотъ пожилой мужичокъ показался изъ лѣсу. Подъ мышкой
Держитъ онъ свѣжія лыки. Окинувши поле глазами,
Шляпу онъ снялъ съ головы, сѣдиной серебристой покрытой,
Тайно молитву творя, осѣнился крестомъ и промолвилъ:
«Экую радость послалъ намъ Господь — проливной этотъ дождикъ!
Хлѣбъ-атъ въ недѣлю поправится такъ, что его не узнаешь».

И. Никитинъ

ЗАГАДКА

Не человѣчьими руками
Жемчужный разноцвѣтный мостъ
Изъ водъ построенъ надъ водами.
Чудесный видъ, огромный ростъ!
Раскинувъ паруса шумящи,
Не разъ корабль подъ нимъ проплылъ;
Но на хребетъ его блестящій
Еще никто не восходилъ.
Идешь къ нему — онъ прочь стремится
И въ тоже время недвижимъ;
Съ своимъ потокомъ онъ родится,
И вмѣстѣ исчезаетъ съ нимъ.*

В. Жуковскій

---

* Радуга.

* *

*

По полю, полю чистому,
  По бархатнымъ лужкамъ
Течетъ, струится рѣченька
  Къ безвѣстнымъ бережкамъ.
Взойдетъ гроза, пройдетъ гроза —
  Всегда свѣтла она.
Отъ бури лишь поморщится,
  Не зная, что̀ волна.
Не рощи, не дубравушки
  По бережку ростутъ:
Кусты цвѣтовъ лазоревыхъ,
  Любуясь въ ней, цвѣтутъ!
А рѣчка извивается,
  По травушкѣ скользитъ,
То въ ямкѣ потеряется,
  То снова заблеститъ.
Ей убыли невѣдомы —
  Всегда въ одной красѣ;
За прибыль благодарствуетъ
  Небесной лишь росѣ!
Но долго-ль, долго-ль рѣченькѣ
  Катиться по цвѣтамъ?
Ждутъ бездны моря свѣтлую
  Въ дали туманной, тамъ.

Н. Цыгановъ

* *

*

Какъ веселъ грохотъ лѣтнихъ бурь,
Когда взметая прахъ летучій,
Гроза нахлынувшею тучей
Смутитъ небесную лазурь,
И опрометчиво-безумно
Вдругъ на дубраву набѣжитъ,
И вся дубрава задрожитъ
Широколиственно и шумно!
Какъ подъ незримою пятой
Лѣсные гнутся исполины;
Тревожно ропщутъ ихъ вершины,
Какъ совѣщаясь межъ собой,
И сквозь внезапную тревогу
Немолчно слышенъ птичій свистъ,
И кой-гдѣ первый желтый листъ,
Крутясь, слетаетъ на дорогу...

Ѳ. Тютчевъ

* *

*

Жалко стройныхъ кипарисовъ —
Какъ они зазеленѣли!
Для чего, дитя, къ ихъ вѣткамъ
Привязала ты качели?
Не ломай душистыхъ вѣтокъ,
Отнеси качель къ обрыву,
На акацію густую
И на пыльную оливу:
Тамъ и море будетъ видно;
Чуть доска твоя качнется,
А оно тебѣ сквозь зелень
Въ блескѣ солнца засмѣется,
Съ бѣлымъ парусомъ въ туманѣ,
Съ бѣлой чайкой, въ даль летящей,
Съ бѣлой пѣною, каймою
Вдоль по берегу лежащей.

С. Надсонъ

ВѢНОКЪ ИЗЪ ВАСИЛЬКОВЪ

Любо василечки
Видѣть вдоль межи, —
Синенькія точки
Въ полѣ желтой ржи.

За цвѣткомъ цвѣточекъ
Низко мы сорвемъ,
Синенькій вѣночекъ
Для себя сплетемъ.

Послѣ, вдоль полоски,
Къ рощѣ побѣжимъ.
Шепчутся березки
Съ небомъ голубымъ.

Сядемъ тамъ на кочкѣ...
Зной и тишина...
Въ голубомъ вѣночкѣ
Высь отражена.

Тамъ, внизу, подъ склономъ, —
Нѣжный шумъ рѣки.
Здѣсь, въ шатрѣ зеленомъ,
Рѣютъ мотыльки.

Мы, какъ мотылечки,
Здѣсь укрылись въ тѣнь,
Въ синенькомъ вѣночкѣ,
Въ жаркій лѣтній день.

В. Брюсовъ

УТРО

Ночнымъ дождемъ повалена
Вся въ серебрѣ трава;
Но въ облакахъ проталина,
Живая синева.

Шагамъ песокъ промоченный
Даетъ пѣвучій скрипъ.
Какъ четки, какъ отточены
Верхи дубовъ и липъ!

Цвѣты, въ жару завялые,
Смѣются мнѣ въ глаза,
И съ пѣсней птицы малыя
Летятъ подъ небеса.

В. Брюсовъ

ОРѢХИ

Я недавно видѣлъ самъ,
Какъ въ оврагахъ, по лѣсамъ,
Вамъ, ребятамъ, для потѣхи,
На кустахъ растутъ орѣхи,
Дни ихъ лѣтніе пригрѣли
И орѣхи загорѣли.
Позапрятались комочкомъ
Подъ шершавымъ подъ листочкомъ
По два, по три, по пяти...
Какъ бы намъ ихъ всѣхъ найти!
Подходите ближе, дѣтки,
Я нагну пониже вѣтки,
Вы же шарьте по вѣтвямъ,
Вверхъ, и внизъ, и тамъ, и сямъ.
Да смотрите, не зѣвайте:
Бѣлкамъ меньше оставляйте!
Раздаются крики, смѣхъ:
— Вотъ орѣхъ, еще орѣхъ!..
Ты, малышъ, тянись скорѣе,
Эти рви, что посмуглѣе...
Проглядѣлъ внизу опять:
Видишь, — три, а рядомъ пять.
Затолкали вы дѣвчонку...
Тише, сыпьте въ рубашонку.
Кто корзинъ не захватилъ,

Тотъ за пазуху набилъ,
Тотъ горой насыпалъ въ шапку,
Этотъ маленькій въ охапку
Чуть не цѣлый кустъ схватилъ,
А сорвать то нѣту силъ.
Громче крики, звонче смѣхъ:
— Вотъ еще, еще орѣхъ!..
Будетъ! Много есть у всѣхъ.
Ну, а тѣ, что здѣсь останутся,
Бѣлкамъ рыженькимъ достанутся.

П. Соловьева

БОЛОТО

Я цѣлый часъ болотомъ занялся:
Тамъ бѣлоусъ торчитъ, какъ щетка жесткій;
Тамъ точно прудъ зеленый разлился;
Лягушка, взгромоздясь, какъ на подмостки,
На старый пень, торчащій изъ воды,
На солнцѣ нѣжится и дремлетъ... Бѣлымъ
Пушкомъ одѣты тощіе цвѣты;
Надъ ними мошки вьются роемъ цѣлымъ:
Лишь незабудокъ сочныхъ бирюза
Кругомъ глядитъ умильно мнѣ въ глаза,
Да оживляютъ бѣдный міръ болотный
Порханье бѣлой бабочки залетной
И хлопоты стрекозокъ голубыхъ
Вокругъ тростинокъ тощихъ и сухихъ.
Ахъ! прелесть есть и въ этомъ запустѣньи!..

А. Майковъ

ИВА

Сядемъ здѣсь, у этой ивы.
Что за чудные извивы
На корѣ вокругъ дупла!
А подъ ивой — какъ красивы
Золотые переливы
Струй дрожащаго стекла!

Вѣтви сочныя дугою
Перегнулись надъ водою,
Какъ зеленый водопадъ;
Какъ живые, какъ иглою,
Будто споря межъ собою,
Листья воду бороздятъ.

А. Фетъ

ГОЛОСЪ ЗАКАТА

Вотъ и солнце, удаляясь на покой,
Опускается за сонною рѣкой.
И послѣдній блескъ по воздуху разлитъ,
Золотой пожаръ за липами горитъ.

А развѣсистыя липы, всѣ въ цвѣту,
Затаили многоцвѣтную мечту.
Льютъ плѣнительно медвяный ароматъ,
Этой пряностью привѣтствуютъ закатъ.

Золотой пожаръ за тканями вѣтвей
Измѣняется въ нарядности своей.
Онъ горитъ какъ пламя новыхъ пышныхъ чаръ,
Лиловато-желто-розовый пожаръ.

К. Бальмонтъ

ВЕЧЕРНЯЯ ЗАРЯ

Слети къ намъ, тихій вчеръ,
На мирныя поля;
Тебѣ поемъ мы пѣсню,
Вечерняя заря.

Темнѣетъ ужъ въ долинѣ,
И ночи близокъ часъ;
На маковкѣ березы
Послѣдній лучъ угасъ.

Какъ тихо всюду стало,
Какъ воздухъ охладѣлъ!
И въ ближней рощѣ звонко
Ужъ соловей пропѣлъ.

Слети-жъ къ намъ, тихій вечеръ,
На мирныя поля;
Тебѣ поемъ мы пѣсню,
Вечерняя заря.

Л. Модзалевскій

ВЕЧЕРЪ

Зари догорающей пламя
Разсыпало по небу искры;
Сквозитъ лучезарное море;
Затихъ по дорогѣ прибрежной
Бубенчиковъ говоръ нестройный;
Погонщиковъ звонкая пѣсня
Въ дремучемъ лѣсу затерялась;
Въ прозрачномъ туманѣ мелькнула
И скрылась крикливая чайка;
Качается бѣлая пѣна
У сѣраго камня, какъ въ люлькѣ
Заснувшій ребенокъ; какъ перлы,
Росы освѣжительной капли
Повисли на листьяхъ каштана;
И въ каждой росинкѣ трепещетъ
Зари догорающей пламя.

Я. Полонскій

ТИШИНА

Чуть блѣднѣютъ янтари
Нѣжно-палевой зари.
Всюду ласковая тишь,
Спятъ купавы, спитъ камышъ.

Задремавшая рѣка
Отражаетъ облака,
Тихій, блѣдный свѣтъ небесъ,
Тихій, темный, сонный лѣсъ.

Въ этомъ царствѣ тишины
Вѣютъ сладостные сны,
Дышетъ ночь, смѣняя день,
Медлитъ гаснущая тѣнь.

Въ эти воды съ вышины
Смотритъ блѣдный серпъ луны,
Звѣзды тихій свѣтъ струятъ,
Очи ангеловъ глядятъ.

К. Бальмонтъ

* *

*

Ночь пролетала надъ міромъ,
Сны на людей навѣвая;
Съ темно-лазуревой ризы
Сыпались звѣзды, сверкая.

Старые мощные дубы,
Вѣчно-зеленыя ели,
Грустныя ивы листвою
Ночи навстрѣчу шумѣли.

Радостью волны журчали,
Образъ ея отражая:
Рожь наклонялась, сильнѣе
Пахла трава луговая.

Крики кузнечиковъ рѣзвыхъ
И соловьиныя трели,
Въ хорѣ хвалебномъ сливаясь,
Въ воздухѣ тихомъ звенѣли.

И улыбалася кротко
Ночь, надъ землей пролетая...
Съ темно-лазуревой ризы
Сыпались звѣзды, сверкая...

А. Плещеевъ

* *

*

Звѣзды ясныя, звѣзды прекрасныя
Нашептали цвѣтамъ сказки чудныя;
Лепестки улыбнулись атласные,
Задрожали листы изумрудные.
И цвѣты, опьяненные росами,
Разсказали вѣтрамъ сказки нѣжныя —
И распѣли ихъ вѣтры мятежные
Надъ землей, надъ волной, надъ утесами.
И земля, подъ весенними ласками
Наряжаяся тканью зеленою,
Переполнила звѣздными сказками
Мою душу безумно влюбленную.
И теперь, въ эти дни многотрудные,
Въ эти темныя ночи ненастныя,
Отдаю я вамъ, звѣзды прекрасныя,
Ваши сказки задумчиво чудныя!

К. Фофановъ.

ВЪ ЛѢСУ.

Ночь и тишина.
Полная луна
Лишь одна не спитъ,
Ходитъ да глядитъ,
Какъ въ лѣсу глухомъ
Подъ корявымъ пнемъ
Мохъ зашевелился —
Грибъ на свѣтъ явился.

П. Соловьева

НИВА

Нива, моя нива,
Нива золотая!
Зрѣешь ты на солнцѣ,
Колосъ наливая;
По тебѣ отъ вѣтра, —
Словно въ синемъ морѣ, —
Волны такъ и ходятъ,
Ходятъ на просторѣ.
Надъ тобою съ пѣсней
Жаворонокъ вьется;
Надъ тобой и туча
Грозно пронесется.
Зрѣешь ты и спѣешь,
Колосъ наливая,
О людскихъ заботахъ
Ничего не зная.
Унеси ты, вѣтеръ,
Тучу градовую!
Сбереги намъ, Боже,
Ниву трудовую!..

Ю. Жадовская

* *

*

Когда волнуется желтѣющая нива,
И свѣжій лѣсъ шумитъ при звукѣ вѣтерка,
И прячется въ саду малиновая слива
Подъ тѣнью сладостной зеленаго листка;

Когда, росой обрызганный душистой,
Румянымъ вечеромъ, иль утра въ часъ златой
Изъ подъ куста мнѣ ландышъ серебристый
Привѣтливо киваетъ головой;

Когда студеный ключъ играетъ по оврагу
И, погружая мысль въ какой-то смутный сонъ,
Лепечетъ мнѣ таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится онъ:

Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челѣ,
И счастье я могу постигнуть на землѣ,
И въ небесахъ я вижу Бога.

М. Лермонтовъ

* *

*

Лежитъ въ полѣ дороженька —
Пролегаетъ,
И ельничкомъ, березничкомъ
Заростаетъ...
Не змѣйкою — кустарничкомъ
Она вьется;
Не рѣченькой — желтымъ пескомъ
Она льется;
Не торною — не гладкою,
Не убитой,
Лежитъ тропой заброшенной,
Позабытой...

Н. Цыгановъ

ЛѢТОМЪ

Зарумянились вишня и слива,
Налилась золотистая рожь,
И, какъ море, волнуется нива,
И въ травѣ по лугамъ не пройдешь.

Солнце ходитъ высоко надъ сводомъ
Раскаленныхъ отъ зноя небесъ;
Пахнетъ липа душистая медомъ,
И шумитъ полный сумрака лѣсъ.

Облаковъ золотыя волокна
Ввечеру весь облягутъ закатъ,
И съ полей въ растворенныя окна
Понесется сильнѣй ароматъ.

Н. Грековъ

ВЪ ПОЛѢ

Тихо въ полѣ у насъ, тихо ночью и днемъ —
Ухо слышитъ, какъ дышетъ трава...
Только солнце зайдетъ за зеленымъ холмомъ,
И мелькнетъ надъ опушкой сова,
Только звѣзды одна за другою взойдутъ,
Только тучки навстрѣчу къ лунѣ,
Измѣняя цвѣта, на востокъ побѣгутъ, —
Выйди въ поле внимать тишинѣ!
Полежи на межѣ подъ росистымъ кустомъ,
Посмотри, какъ горятъ облака,
Какъ, раздвинувъ камышъ, за зеленымъ холмомъ
Вдаль бѣжитъ голубая рѣка.
Хорошо на межѣ подъ кустомъ полежать,
Помечтать — обновиться душой!
Ты закроешь глаза, и зашепчетъ, какъ мать,
Поле сказки свои надъ тобой,
По душистой травѣ вѣтеръ рябью ползетъ,
Рожь порою плеснетъ, какъ волна...
Ты лежишь и молчишь, только сердце поетъ
И поетъ, и дрожитъ, какъ струна.
Но пора! вѣтерокъ потянулъ холоднѣй,
Звѣзды меркнутъ, востокъ заалѣлъ...
Разскажи, что ты слышалъ отъ тихихъ полей?
Что у синихъ небесъ подсмотрѣлъ?..

А. Будищевъ

ПРИМѢТЫ ОСЕНИ

Мелькаетъ желтый листъ на зелени деревъ;
Работу кончилъ серпъ на нивахъ золотистыхъ,
И покраснѣлъ уже въ дали коверъ луговъ,
И зрѣлые плоды висятъ въ садахъ тѣнистыхъ.
Примѣты осени во всемъ встрѣчаетъ взоръ:
Тамъ тянется, блестя на солнцѣ, паутина,
Тамъ скирдъ виднѣется, а тамъ черезъ заборъ
Кистями красными повиснула рябина;
Тамъ жнива колкая щетинится, а тамъ
Ужъ озимь яркая блеснула изумрудомъ,
И курится овинъ, и долго по утрамъ,
Какъ бѣлый холстъ, лежитъ туманъ надъ синимъ прудомъ.
И цѣлый день скрипятъ возы, и далеко
Токъ отзывается подъ дружными цѣпами,
И стая журавлей несется высоко,
Перекликаяся порой подъ небесами.
Прости, пора цвѣтовъ и теплыхъ, ясныхъ дней,
Пора блестящихъ зорь, черемухъ благовонныхъ,
Пора играющихъ зарницъ во тьмѣ ночей,
И пѣсенъ, и любви и грезъ неугомонныхъ!
Но осень я люблю: она мила мнѣ... Пусть
Всѣ чары вешнія она уничтожаетъ;
Но въ ней какая-то есть вкрадчивая грусть,
Которую душа и любитъ и ласкаетъ,
Которой нравятся и клочья сѣрыхъ тучъ,
И листья, въ воздухѣ кружащіеся шибко,
И этотъ трепетный и блѣдный солнца лучъ,
Какъ умирающей красавицы улыбка.

Н. Грековъ

ЛИСТЬЯ

Мы, легкое племя,
Цвѣтемъ и блестимъ,
И краткое время
На сучьяхъ гостимъ.
Все красное лѣто
Мы были въ красѣ,
Играли съ лучами,
Купались въ росѣ!..
Но птички отпѣли,
Цвѣты отцвѣли,
Луга поблѣднѣли,
Зефиры ушли.
Такъ что же намъ даромъ
Висѣть и желтѣть?
Не лучше-ль за ними
И намъ улетѣть?
О, буйные вѣтры!
Скорѣе, скорѣй,
Скорѣй насъ сорвите
Съ докучныхъ вѣтвей!
Сорвите, умчите,
Мы ждать не хотимъ, —
Летите, летите!
Мы съ вами летимъ.

Ѳ. Тютчевъ

ЗЛАТОКУДРАЯ ОСЕНЬ

Златокудрая осень мечтаетъ въ саду:
То заглянетъ въ купальню на сонномъ пруду,
Обходя осторожно желтѣющій кустъ,
То къ окну замолчавшаго дома прильнетъ.
Не отвѣтитъ ей домъ: онъ покинутъ и пустъ.
И, вздыхая, тихонько она отойдетъ.
Выйдетъ въ поле, гдѣ красный осинникъ дрожитъ,
Узкой лентой дороги къ заборамъ прижатъ.
Въ безучастную даль сжатыхъ нивъ поглядитъ
И съ тревожною думой вернется назадъ.
Приласкаетъ задумчиво поздній цвѣтокъ
И одинъ за другимъ оборветъ лепестокъ.
Отъ безшумныхъ шаговъ сторонится трава.
Пятна солнца ложатся на влажный песокъ;
Не дыша, умираетъ на кленахъ листва.
Подломившись, отрывисто хрустнетъ сучокъ,
Но надтреснутый звукъ тишины не смутитъ.
Златокудрая осень о счастьи груститъ.

В. Башкинъ

* *

*

Гдѣ сладкій шопотъ
Густыхъ лѣсовъ?
Потоковъ ропотъ,
Цвѣты луговъ?
Деревья голы;
Коверъ зимы
Покрылъ холмы,
Луга и долы.
Подъ ледяной
Своей корой
Ручей нѣмѣетъ;
Все цѣпенѣетъ:
Лишь вѣтеръ злой,
Бушуя воетъ
И небо кроетъ
Сѣдою мглой.

Е. Боратынскій

ОСЕНЬ

Осень въ бѣлые туманы
Садъ хоронитъ по утрамъ.
Ни дорожекъ, ни поляны —
Ничего не видно намъ.

Понапрасну гдѣ то съ крыши
Кукарекуетъ пѣтухъ:
Осень будто и не слышитъ,
И туманъ какъ будто глухъ!

Понапрасну лаетъ въ будкѣ
Разсердившійся Буянъ.
И не дуетъ осень въ дудки,
И туманъ — какъ есть туманъ!

Но лишь солнце острымъ, свѣтлымъ
Первымъ выстрѣлитъ лучомъ —
Осень къ рѣчкѣ, къ старымъ ветламъ
Пробирается бочкомъ.

И туманъ снимаетъ бѣлый —
Полотно за полотномъ:
Садъ умытый, свѣжій, цѣлый,
Вновь мы видимъ за окномъ!

С. Городецкій

* *

*

Ужъ небо осенью дышало,
Ужъ рѣже солнышко блистало,
Короче становился день;
Лѣсовъ таинственная сѣнь
Съ печальнымъ шумомъ обнажалась;
Ложился на поля туманъ;
Гусей крикливыхъ караванъ
Тянулся къ югу: приближалась
Довольно скучная пора —
Стоялъ ноябрь ужъ у двора...

Встаетъ заря во мглѣ холодной;
На нивахъ шумъ работъ умолкъ;
Съ своей волчихою голодной
Выходитъ на дорогу волкъ;
Его почуя, конь дорожный
Храпитъ — и путникъ осторожный
Несется въ гору во весь духъ;
На утренней зарѣ пастухъ
Не гонитъ ужъ коровъ изъ хлѣва,
И въ часъ полуденный въ кружокъ
Ихъ не зоветъ его рожокъ:
Въ избушкѣ распѣвая, дѣва

Прядетъ, и, зимнихъ другъ ночей,
Трещитъ лучина передъ ней...
Опрятнѣй моднаго паркета,
Блистаетъ рѣчка, льдомъ одѣта,
Мальчишекъ радостный народъ
Коньками звучно рѣжетъ ледъ;
На красныхъ лапкахъ гусь тяжелый,
Задумавъ плыть по лону водъ,
Ступаетъ бережно на ледъ,
Скользитъ и падаетъ; веселый
Мелькаетъ, вьется первый снѣгъ,
Звѣздами падая на брегъ...

А. Пушкинъ

* *

*

Дубовый листокъ оторвался отъ вѣтки родимой
И въ степь укатился, жестокою бурей гонимый;
Засохъ и увялъ онъ отъ холода, зноя и горя,
И вотъ, наконецъ, докатился до Чернаго моря.

У Чернаго моря чинара стоитъ молодая;
Съ ней шепчется вѣтеръ, зеленыя вѣтви лаская,
На вѣтвяхъ зеленыхъ качаются райскія птицы,
Поютъ онѣ пѣсни про славу морской царь-дѣвицы.

И странникъ прижался у корня чинары высокой;
Пріюта на время онъ молитъ съ тоскою глубокой,
И такъ говоритъ онъ: «Я бѣдный листочекъ дубовый,
До срока созрѣлъ я и выросъ въ отчизнѣ суровой;

Одинъ и безъ цѣли по свѣту ношуся давно я,
Засохъ я безъ тѣни, увялъ я безъ сна и покоя.
Прими же пришельца межъ листьевъ твоихъ изумрудныхъ, —
Немало я знаю разсказовъ мудреныхъ и чудныхъ». —

«На что мнѣ тебя? — отвѣчаетъ младая чинара:
Ты пыленъ и желтъ, и сынамъ моимъ свѣжимъ не пара.
Ты много видалъ, да къ чему мнѣ твои небылицы?
Мнѣ слухъ утомили давно ужъ и райскія птицы...

Иди себѣ дальше, о странникъ! Тебя я не знаю;
Я солнцемъ любима, цвѣту для него и блистаю;
По небу я вѣтви раскинула здѣсь на просторѣ,
И корни мои умываетъ холодное море».

М. Лермонтовъ

ВЪ ГОРАХЪ

Незамѣтная тропинка
Чуть змѣится по камнямъ,
Пестрой ящерицы спинка
Вдругъ мелькнетъ то здѣсь, то тамъ.

Свѣсивъ вѣтокъ градъ зеленый
По морщинистой скалѣ,
Бѣлизной осеребренной
Каперсъ льнетъ къ сѣдой землѣ.

А орелъ, забывъ движенье
И вонзая въ солнце взглядъ,
Какъ полдневное видѣнье
Въ синемъ воздухѣ распятъ.

П. Соловьева

ОБВАЛЪ

Дробясь о мрачныя скалы
Шумятъ и пѣнятся валы,
И надо мной кричатъ орлы,
И ропщетъ боръ,
И блещутъ средь волнистой мглы
Вершины горъ.
Оттоль сорвался разъ обвалъ,
И съ тяжкимъ грохотомъ упалъ,
И всю тѣснину между скалъ
Загородилъ,
И Терека могучій валъ
Остановилъ.
Вдругъ, истощась и присмирѣвъ,
О, Терекъ, ты прервалъ свой ревъ,
Но заднихъ волнъ упорный гнѣвъ
Прошибъ снѣга.
Ты затопилъ, освирѣпѣвъ,
Свои брега.
И долго прорванный обвалъ
Неталой грудою лежалъ,
И Терекъ злой подъ нимъ бѣжалъ
И пылью водъ,
И шумной пѣной орошалъ
Ледяный сводъ.
И путь по немъ широкій шелъ,
И конь скакалъ, и влекся волъ,
И своего верблюда велъ
Степной купецъ,
Гдѣ нынѣ мчится лишь Эолъ,
Небесъ жилецъ.

А. Пушкинъ

НАГОРНЫЙ КЛЮЧЪ

На заоблачныхъ горахъ, —
На холодныхъ высотахъ,
Родила меня та мгла,
Что̀ съ земли къ звѣздамъ плыла;
Но, — пригрѣтый выше тучъ
Лаской божьяго луча,
Я растаялъ въ чистый ключъ
И, едва-едва журча,
Роюсь змѣйкою живой
Подъ лавиной снѣговой...
Кто ты, — недругъ или другъ?
Чуть затихнетъ вѣтерокъ,
Преклони ко мнѣ свой слухъ,
Чтобъ хоть ты подслушать могъ,
Какъ въ могильной тишинѣ
Словно плачетъ по веснѣ
Молодой мой голосокъ.
Слышишь-ли, какъ я ропщу,
Какъ я вырваться хочу,
Изъ-подъ власти ледяной
Этой выси мнѣ родной? —
Погоди, когда-нибудь
Выбьюсь я на вольный путь!
На долину я сойду,
Водопадомъ упаду,
Засверкаю жемчугомъ,
Покачусь живымъ ручьемъ...
Буду жажду утолять, —
Ваши силы обновлять...

Я. Полонскій

ГОРА

Взойду вонъ на эту безлѣсную гору,
Что выше окружныхъ, подоблачныхъ горъ:
Душѣ тамъ отрадно и вольно, а взору
Оттуда — великій, чудесный просторъ.
Увидишь недвижное море громадныхъ
Гранитныхъ, ледяныхъ и снѣжныхъ вершинъ,
Отважные бѣги стремнинъ водопадныхъ,
Разсѣлины горъ, логовища лавинъ,
Угрюмыя пропасти, полныя мглою,
И свѣтлые хо̀лмы, поляны, лѣса,
И грады, и села внизу подъ тобою;
А выше тебя — лишь одни небеса!

Н. Языковъ

УТЕСЪ

Ночевала тучка золотая
На груди утеса великана.
Утромъ въ путь она умчалась рано,
По лазури весело играя.
Но остался влажный слѣдъ въ морщинѣ
Стараго утеса. Одиноко
Онъ стоитъ; задумался глубоко
И тихонько плачетъ онъ въ пустынѣ...

М. Лермонтовъ

ТУЧА

Послѣдняя туча разсѣянной бури!
Одна ты несешься по ясной лазури,
Одна ты наводишь унылую тѣнь,
Одна ты печалишь ликующій день.
Ты небо недавно кругомъ облегала,
И молнія грозно тебя обвивала,
И ты издавала таинственный громъ,
И алчную землю поила дождемъ...
Довольно, сокройся! Пора миновалась,
Земля освѣжилась и буря промчалась,
И вѣтеръ, лаская листочки древесъ,
Тебя съ успокоенныхъ гонитъ небесъ.

А. Пушкинъ

У МОРЯ

Такъ вотъ оно море!.. Горитъ бирюзой,
Жемчужною пѣной сверкаетъ!..
На влажную отмель волна за волной —
Тревожно и тяжко взбѣгаетъ...
Взгляни, онъ живетъ, этотъ зыбкій хрусталь,
Онъ стонетъ, грозитъ, негодуетъ...
А даль то какая!.. О, какъ эта даль
Усталые взоры чаруетъ!..
Сынъ края мятелей, тумановъ и вьюгъ,
Сынъ хмурой и блѣдной природы,
Какъ пылко, какъ жадно я рвался на югъ,
Къ вамъ, мѣрно шумящія воды!..

С. Надсонъ

БУРЯ

Громадныя тучи нависли широко
Надъ моремъ и скрыли блистательный день,
И въ синюю бездну спустились глубоко,
И въ ней улеглася тяжелая тѣнь;
Но бездна морская уже негодуетъ,
Ей хочется свѣта и ропщетъ она,
И скоро, могучая, встанетъ грозна,
Пространно и громко она забушуетъ.

Великую силу уже подымая,
Полки она строитъ изъ водныхъ громадъ;
И валъ-великанъ, головою качая,
Становится въ рядъ, и ряды говорятъ...
И вотъ свои смуглыя лица нахмуря,
И бѣлые гребли колебля, они
Идутъ. Въ черныхъ тучахъ блеснули огни,
И громъ загудѣлъ. Начинается буря.

Н. Языковъ

СОЛНЦЕ И БОРЕЙ

Солнцу разъ сказалъ Борей:
«Солнце, ярко ты сіяешь!
Ты всю землю оживляешь
Теплотой своихъ лучей!..
Но сравнишься-ль ты со мною?
Я сто разъ тебя сильнѣй!
Захочу — пущусь, завою
И въ минуту мракомъ тучъ
Потемню твой яркій лучъ.
Всей землѣ свое сіянье
Ты безъ шума раздаешь,
Тихо на небо взойдешь,
Продолжаешь путь въ молчаньѣ,
И закатъ спокоенъ твой.
Мой обычай не такой!
Съ ревомъ, свистомъ я летаю,
Всѣхъ верчу, все возмущаю,
Все дрожитъ передо мной:
Такъ не я ли царь земной?..
И труда не будетъ много
То на дѣлѣ доказать.
Хочешь власть мою узнать?
Вотъ, гляди: большой дорогой
Путешественникъ идетъ;
Кто скорѣй съ него сорветъ

Плащъ, которымъ онъ накрылся,
Ты иль я?..» И вмигъ Борей
Всею силою своей,
Какъ неистовый пустился
Съ путешественникомъ въ бой.
Тянетъ плащъ съ него долой!
Но напрасно онъ хлопочетъ...
Путешественникъ впередъ
Все идетъ себѣ, идетъ.
Уступить никакъ не хочетъ
И плаща не отдаетъ.
Наконецъ, Борей въ досадѣ
Замолчалъ; и вдругъ изъ тучъ
Показало Солнце лучъ,
И при первомъ Солнца взглядѣ,
Оживленный теплотой,
Путешественникъ по волѣ
Плащъ, ему не нужный болѣ,
Снялъ съ себя своей рукой.
Солнце весело блеснуло
И сопернику шепнуло:
«Безразсудный мой Борей!
Ты расхвастался напрасно!
Видишь, злобы самовластной
Милость кроткая сильнѣй!»

В. Жуковскій

СВЕТЛЫЯ КРЫЛЬЯ

АНГЕЛЪ

По небу полуночи ангелъ летѣлъ
И тихую пѣсню онъ пѣлъ;
И мѣсяцъ, и звѣзды, и тучи толпой
Внимали той пѣсни святой.

Онъ пѣлъ о блаженствѣ безгрѣшныхъ духовъ
Подъ кущами райскихъ садовъ,
О Богѣ великомъ онъ пѣлъ, и хвала
Его непритворна была.

Онъ душу младую въ объятіяхъ несъ
Для міра печали и слезъ,
И звукъ его пѣсни въ душѣ молодой
Остался безъ словъ, но живой.

И долго на свѣтѣ томилась она,
Желаніемъ чуднымъ полна;
И звуковъ небесъ замѣнить не могли
Ей скучныя пѣсни земли.

М. Лермонтовъ

БѢГСТВО ВЪ ЕГИПЕТЪ

По лѣсамъ бѣжала Божья Мать,
Куньей шубкой запахнувъ Младенца.
Стлалось въ небѣ Божье Полотенце,
Чтобы Ей не сбиться, не плутать.

Холодна, морозна ночь была,
Дива дивьи въ эту ночь творились:
Волчьи очи зеленью дымились,
По кустамъ сверкали безъ числа.

Двѣ сѣдыхъ медвѣдицы въ лугу
На дыбахъ боролись въ ярой злобѣ:
Грызлись, бились и мотались обѣ,
Тяжело топтались на снѣгу.

А въ дремучихъ зарослях, впотьмахъ
Жались, табунились и дрожали,
Бѣлымъ паромъ изъ вѣтвей дышали
Звѣри съ бородами и въ рогахъ.

И огнемъ вставалъ за лѣсомъ Мечъ
Ангела, летѣвшаго къ Сіону,
Къ золотому Иродову трону,
Чтобъ главу на Иродѣ отсѣчь.

Ив. Буниnъ

БЭДА-ПРОПОВѢДНИКЪ

Былъ вечеръ. Въ одеждѣ, измятой вѣтрами,
Пустынной тропою шелъ Бэда слѣпой;
На мальчика онъ опирался рукой,
По камнямъ ступая босыми ногами.
И было все глухо и дико кругомъ:
Однѣ только сосны росли вѣковыя,
Однѣ только скалы торчали сѣдыя,
Косматымъ и влажнымъ одѣтыя мхомъ.
Но мальчикъ усталъ; ягодъ свѣжихъ отвѣдать,
Иль просто слѣпца онъ хотѣлъ обмануть:
«Старикъ! — онъ сказалъ — я пойду отдохнуть;
А ты, если хочешь, начни проповѣдать —
Съ вершинъ увидали тебя пастухи;
Какіе-то старцы стоятъ на дорогѣ;
Вонъ жены съ дѣтьми; говори имъ о Богѣ,
О Сынѣ, распятомъ за наши грѣхи!»
И старца лицо просіяло мгновенно.
Какъ ключъ, пробивающій каменный слой,
Изъ устъ его блѣдныхъ живою волной
Высокая рѣчь потекла вдохновенно...
Безъ вѣры такихъ не бываетъ рѣчей!
Казалось слѣпцу въ славѣ небо являлось;
Дрожащая къ небу рука поднималась,
И слезы текли изъ потухшихъ очей!

Но вотъ ужъ сгорѣла заря золотая
И мѣсяца лучъ блѣдный въ горы проникъ;
Въ ущелья повѣяла сырость ночная...
И вотъ, проповѣдая, слышитъ старикъ —
Зоветъ его мальчикъ, смѣясь и толкая:
«Довольно, пойдемъ! никого уже нѣтъ»...
Замолкъ грустно старецъ, главой поникая;
Но только замолкъ онъ — отъ края до края
«Аминь!» ему грянули камни въ отвѣтъ.

Я. Полонскій

Изъ поэмы «ІОАННЪ ДАМАСКИНЪ»

Благословляю васъ, лѣса,
Долины, нивы, горы, воды,
Благословляю я свободу
И голубыя небеса!
И посохъ мой благословляю,
И эту бѣдную суму,
И степь отъ края и до краю,
И солнца свѣтъ, и ночи тьму,
И одинокую тропинку,
По коей, нищій, я иду,
И въ полѣ каждую былинку,
И въ небѣ каждую звѣзду!..

...О, мой Господь, моя надежда,
Моя и сила и покровъ!
Тебѣ хочу я всѣ мышленья,
Тебѣ всѣхъ пѣсней благодать
И думы дня, и ночи бдѣнья,
И сердца каждое біенье,
И душу всю мою отдать!
Не отверзайтесь для другого
Отнынѣ, вѣщія уста!
Греми лишь именемъ Христа,
Мое восторженное слово!

Гр. А. К. Толстой

ВѢТКА ПАЛЕСТИНЫ

Скажи мнѣ, вѣтка Палестины:
Гдѣ ты росла, гдѣ ты цвѣла?
Какихъ холмовъ, какой долины
Ты украшеніемъ была?

У водъ ли чистыхъ Іордана
Востока лучъ тебя ласкалъ,
Ночной ли вѣтръ въ горахъ Ливана
Тебя сердито колыхалъ?

Молитву-ль тихую читали,
Иль пѣли пѣсни старины,
Когда листы твои сплетали
Солима бѣдные сыны?

И пальма та жива-ль понынѣ?
Все такъ же-ль манитъ въ лѣтній зной
Она прохожаго въ пустынѣ
Широколиственной главой?

Или въ разлукѣ безотрадной
Она увяла, какъ и ты,
И дольній прахъ ложится жадно
На пожелтѣвшіе листы?..

Повѣдай: набожной рукою
Кто въ этотъ край тебя занесъ?
Грустилъ онъ часто надъ тобою?
Хранишь ты слѣдъ горючихъ слезъ?

Иль, Божьей рати лучшій воинъ,
Онъ былъ съ безоблачнымъ челомъ,
Какъ ты, всегда небесъ достоинъ,
Передъ людьми и Божествомъ?..

Заботой тайною хранима,
Передъ иконой золотой
Стоишь ты, вѣтвь Ерусалима,
Святыни вѣрный часовой!

Прозрачный сумракъ, лучъ лампады,
Кивотъ и крестъ, символъ святой....
Все полно мира и отрады
Вокругъ тебя и надъ тобой.

М. Лермонтовъ

СИРОТКА

Шла сиротка пыльною дорогой,
На степи боялась заблудиться.
Встрѣтился прохожій, глянулъ строго,
Къ мачехѣ велѣлъ ей воротиться.

Долгими лугами шла сиротка,
Плакала, боялась темной ночи.
Повстрѣчался ангелъ, глянулъ кротко
И потупилъ ангельскія очи.

По пригоркамъ шла сиротка, стала
Подниматься тропочкой неровной.
Встрѣтился Господь у перевала,
Глянулъ милосердно и любовно.

«Не трудись, — сказалъ Онъ, — не разбудишь
Матери въ ея могилѣ тѣсной:
Ты Моей, сиротка, дочкой будешь»,
И увелъ сиротку въ рай небесный.

Ив. Бунинъ

НАДЕЖДА

Есть птичка рая у меня:
На кипарисѣ молодомъ
Она сидитъ во время дня,
Но пѣть никакъ не станетъ днемъ.
Лазурь небесъ — ея спина,
Головка — пурпуръ, на крылахъ
Пыль золотистая видна,
Какъ отблескъ утра въ облакахъ.
И только что земля уснетъ,
Одѣта мглой въ ночной тиши,
Она на вѣткѣ ужъ поетъ
Такъ сладко, сладко для души,
Что поневолѣ тягость мукъ
Забудешь, внемля пѣснѣ той,
И сердцу каждый тихій звукъ,
Какъ гость пріятенъ дорогой;
И часто въ бурю я слыхалъ
Тотъ звукъ, который такъ люблю,
И я всегда надеждой звалъ
Пѣвицу мирную мою.

М. Лермонтовъ

ДОБРЫЕ СНЫ

Въ томъ царствѣ, куда не доходятъ
Земныя дороги,
Живутъ свѣтозарные духи
Въ хрустальномъ чертогѣ.

По звѣзднымъ лучамъ серебристымъ
На землю слетаютъ,
Воздушные сны золотые
Землѣ навѣваютъ.

И къ дѣтямъ и къ юношамъ нѣжнымъ
Прильнутъ къ изголовью —
И шепчутъ про свѣтлую радость,
И дышутъ любовью.

Склоняются чистые духи
Съ живымъ поцѣлуемъ
И къ тѣмъ, кто измученъ судьбою,
Кто скорбью волнуемъ.

Имъ снится, далекое счастье —
И съ новой зарею
Встаютъ они, полные силы,
Съ окрѣпшей душою.

М. Пожарова

МАЛЬЧИКЪ

Въ бочкѣ обмерзлой вода колыхается,
Жалко дрожитъ деревянный черпакъ;
Мальчикъ-вожатый изъ силъ выбивается,
Бочку на горку не втащитъ никакъ.

Зимняя улица шумно взволнована,
Сани летятъ, пѣшеходы идутъ,
Только обмерзлая бочка прикована:
Выемъ случайный и скользокъ и крутъ.

Ангелъ сверкаетъ блестящимъ воскрыліемъ,
Ангелъ въ лучистомъ вѣнцѣ надъ челомъ,
Взялъ за веревку и легкимъ усиліемъ
Бочку вкатилъ на тяжелый подъемъ.

Крестится мальчикъ, глядитъ неувѣренно,
Вотъ покатилъ свои санки впередъ.
Городъ шумитъ неизмѣнно, размѣренно,
Сани летятъ и проходитъ народъ.

В. Брюсовъ

МОЛИТВА

Въ минуту жизни трудную,
Тѣснится-ль въ сердцѣ грусть, —
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.

Есть сила благодатная
Въ созвучьи словъ живыхъ,
И дышетъ непонятная
Святая прелесть въ нихъ.

Съ души, какъ бремя, скатится,
Сомнѣнье далеко —
И вѣрится и плачется,
И такъ легко, легко...

М. Лермонтовъ

ВСЕНОЩНАЯ ВЪ ДЕРЕВНѢ

День вечерѣлъ. Косая тѣнь
Ложилась низко и широко...
Заутра праздникъ, вѣщій день
Ильи, гремящаго пророка...

Приди ты, немощный,
Приди ты, радостный!
Звонятъ ко всенощной,
Къ молитвѣ благостной,
И звонъ смиряющій
Всѣмъ въ душу просится,
Окрестъ сзывающій
Въ поляхъ разносится...
Въ Холмахъ, селѣ большомъ,
Есть церковь новая:
Воздвигла Божій домъ
Сума торговая;
И службы Божіи
Богато справлены,
Иконъ подножія
Свѣчьми уставлены.
И старъ и младъ войдетъ:
Сперва помолится,
Поклонъ земной кладетъ,

Кругомъ поклонится...
И стройно клирное
Несется пѣніе,
И дьяконъ мирное
Твердитъ глашеніе:
О благодарственномъ
Трудѣ молящихся,
О градѣ царственномъ,
О всѣхъ трудящихся,
О тѣхъ, кому въ удѣлъ
Страданье задано...
А въ церкви дымъ висѣлъ
Густой отъ ладана,
И заходящими
Лучами сильными,
И вкось блестящими
Столбами пыльными —
Отъ солнца — Божій храмъ
Горитъ и свѣтится...

И. Аксаковъ

ВЕЧЕРНЯЯ ПѢСНЬ

Солнце скрылось, дымятся долины,
Медленно сходятъ къ ночлегу стада,
Чуть шевелятся лѣсныя вершины,
Чуть шевелится вода.

Вѣтеръ приноситъ прохладу ночную,
Тихою славой горятъ небеса.
Братья, оставимъ работу дневную,
Въ пѣсню сольемъ голоса:

«Ночь на восходѣ съ вечерней звѣздою,
Тихо сіяетъ струей золотою
Западный край.

«Господи! Путь нашъ межъ камней и терній,
Путь нашъ во мракѣ: Ты, свѣтъ невечерній,
Насъ осіяй!

«Въ мглѣ полунощной, въ полуденномъ зноѣ,
Въ скорби и радости, въ сладкомъ покоѣ,
Въ тяжкой борьбѣ,

«Всюду сіяніе солнца святого,
Божія мудрость, и сила, и слово...
Слава Тебѣ!»

А. Хомяковъ

РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО

Огни по городу погасли,
На улицахъ нѣмая мгла.
Вотъ Мать кладетъ младенца въ ясли,
Надъ нимъ поникла, замерла.

Темно въ ихъ храминѣ убогой,
Солома въ ясляхъ холодна,
И зимній вечеръ стонетъ строго,
Стучится въ дверь и у окна.

Но, окруженъ своимъ сіяньемъ,
Младенецъ свѣтится изъ мглы;
Его согрѣть своимъ дыханьемъ
Спѣшатъ покорные волы;

Къ Нему волхвы въ чужой пустынѣ
Путь направляютъ по звѣздамъ,
И ангелы, изъ тверди синей,
О Немъ вѣщаютъ пастухамъ.

В. Брюсовъ

ВЪ СВЯТУЮ НОЧЬ

Если хочешь въ ночь Святую
Видѣть чудо изъ чудесъ —
Приходи ты въ тишь лѣсную,
Въ темный, старый, дикій лѣсъ...
Тамъ, гдѣ ели вѣковыя
Въ бѣломъ инеѣ стоятъ,
И дорожки снѣговыя
Серебрятся и блестятъ,
Ты увидишь въ ночь Святую,
Какъ звѣзда съ высотъ небесъ
Броситъ искру голубую
На застывшій бѣлый лѣсъ.
Вспыхнутъ ели вѣковыя
Милліонами свѣчей,
И брильянты ледяные
Загорятся межъ вѣтвей,
И, какъ въ церкви бѣлоснѣжной,
Въ колоннадѣ изъ стволовъ
Ты услышишь тихій, нѣжный
Перезвонъ колоколовъ...

Г. Галина

ЕЛКА

Рождества канунъ, — сочельникъ.
Вотъ, подтибривши топоръ,
Къ ночи внучекъ старой няни
Пробрался въ сосѣдній боръ.

Тѣни сосенъ молча стали
На дорогу выходить...
Онъ рождественскую елку
Ищетъ бабушкѣ срубить.

Вотъ и мѣсяцъ, — засквозили
Сучьевъ сѣти и рога, —
Свѣтъ его, какъ свѣтъ лампады,
Легъ на блѣдные снѣга.

Смотритъ мальчикъ, — что за чудо!
Изъ-за темнаго бугра
Вышла, выглянула елка,
Точно вся изъ серебра.

Брилліанты на рогулькахъ,
Въ брилліантахъ — огоньки.
Дрогнулъ мальчикъ, — отъ натуги
Кровь стучитъ ему въ виски. —

Не звѣзда ли — эта искра,
Превратившаяся въ ледъ?
Ступитъ вправо — засверкаетъ,
Ступитъ влѣво — пропадетъ.

Пораженный, умиленный
Онъ стоитъ — и какъ тутъ быть!?..
Какъ рождественскую эту
Елку станетъ онъ рубить!?..

Мѣсяцъ льетъ свое мерцанье,
Въ темномъ лѣсѣ — ни гугу!
Опустивъ топоръ, присѣлъ онъ
Передъ елкой на снѣгу.

И сидитъ, и слышитъ, гдѣ-то
Словно колоколъ гудетъ.
Это сонъ? иль это Божья
Смерть подъ благовѣстъ идетъ?..

И рождественская елка
Передъ нимъ растетъ, растетъ...
Лучезарными вѣтвями
Обняла небесный сводъ...

По вѣтвямъ ея на землю
Сходятъ ангелы... ихъ клиръ
Пѣснь поетъ о славѣ Вышнихъ...
Всей землѣ пророчитъ миръ.

И тьмы-темъ огненнокрылыхъ,
Ослѣпительныхъ дѣтей
Изъ вѣтвей глядятъ на землю
Миріадами очей, —

Словно ждутъ, — какое міру
Богъ готовитъ торжество... —
Смерть баюкаетъ ребенка,
Сердцу снится Рождество.

И упалъ изъ рукъ топорикъ,
И заснулъ бы онъ навѣкъ!
Да случайно мимо лѣсомъ
Ѣхалъ пьяный дровосѣкъ.

Онъ встряхнулъ его, ругаясь
И свистя, отвезъ домой,
И очнулся бѣдный мальчикъ
На груди ему родной.

Долго былъ потомъ онъ боленъ, —
Чѣмъ-то смутно потрясенъ, —
Никому не разсказалъ онъ
Сна, который видѣлъ онъ.

Да и какъ бы могъ онъ, бѣдный,
Все то высказать вполнѣ,
Что̀ душѣ его сказалось
Въ полусмерти, — въ полуснѣ...

Я. Полонскій

ДѢТЯМЪ

Не подъ кровомъ золоченымъ
Величаваго дворца,
Не для счастья и довольства,
Не для царскаго вѣнца —
Ты въ пріютѣ позабытомъ
Виѳліемскихъ пастуховъ
Родился — и нагъ, и бѣденъ, —
Царь безчисленныхъ міровъ.
Осторожно, какъ святыню,
Въ руки мать его взяла,
Любовалась красотою
Безмятежнаго чела.
Ручки слабыя Младенецъ
Въ грозно-сумрачный просторъ
Съ безпредѣльною любовью
Съ лона матери простеръ.
Все, что борется, страдаетъ,
Все, что дышетъ и живетъ,
Онъ зоветъ въ свои объятья,
Къ счастью вѣчному зоветъ.
И природа встрепенулась,
Услыхавъ Его призывъ,
И помчался ураганомъ
Бурной радости порывъ.
Синева ночного неба

Стала глубже и темнѣй,
И безчисленныя звѣзды
Засверкали ярче въ ней;
Всѣ цвѣты и всѣ былинки
По долинамъ и лѣсамъ
Пробудились, воскурили
Благовонный ѳиміамъ.
Слаще музыка дубравы,
Что затронулъ вѣтерокъ,
И звучнѣе водопадомъ
Низвергается потокъ,
И роскошнѣй покрываломъ
Легъ серебряный туманъ,
Вѣчный гимнъ запѣлъ стройнѣе
Безграничный океанъ.
Ликовала вся природа,
Величава и свѣтла,
И къ ногамъ Христа-Младенца
Всѣ дары свои несла.
Близъ пещеры три высокихъ,
Гордыхъ дерева росли,
И вѣтвями обнимаясь,
Входъ завѣтный стерегли.
Ель зеленая, олива,
Пальма съ пышною листвой —
Тамъ стояли неразлучной
И могучею семьей.
И онѣ, какъ вся природа,
Всѣ земныя существа,
Принести свой даръ хотѣли
Въ знакъ святого торжества.
Пальма молвила, склоняя
Долу съ гордой высоты,
Словно царскую корону,
Изумрудные листы:

«Коль злобой гонимый
Жестокихъ враговъ,
Въ безбрежной равнинѣ
Зыбучихъ песковъ,
Ты, Господи, будешь
Пріюта искать,
Бездомнымъ скитальцемъ
Въ пустыняхъ блуждать,
Тебѣ я открою
Зеленый шатеръ,
Тебѣ я раскину
Цвѣточный коверъ.
Приди Ты на отдыхъ
Подъ мирную сѣнь:
Тамъ сумракъ отрадный,
Тамъ свѣжая тѣнь».

Отягченная плодами,
Гордой радости полна,
Преклонилася олива
И промолвила она:

«Коль, Господи, будешь
Ты злыми людьми
Покинутъ безъ пищи —
Мой даръ Ты прими.
Я вѣтви радушно
Тебѣ протяну,
И плодъ золотистый
На землю стряхну.
И буду лелѣять
И влагой питать,
И сокомъ янтарнымъ
Его наливать».

Между тѣмъ, въ унынiи тихомъ,
Боязлива и скромна,
Ель зеленая стояла;
Опечалилась она.
Тщетно думала, искала —
Ничего, чтобъ принести
Въ даръ Младенцу-Iисусу
Не могла она найти;
Иглы острыя, сухiя,
Что отталкиваютъ взоръ,
Ей судьбой несправедливой
Предназначены въ уборъ.
Стало грустно бѣдной ели;
Какъ у ивы надъ водой
Вѣтви горестно поникли,
И прозрачною смолой
Слезы капаютъ обильно
Отъ стыда и тайныхъ мукъ,
Между тѣмъ, какъ все ликуетъ,
Улыбается вокругъ.
Эти слезы увидала
Съ неба звѣздочка одна,
Тихимъ шопотомъ подругамъ
Что-то молвила она.
Вдругъ посыпались — о чудо! —
Звѣзды огненнымъ дождемъ,
Елку темную покрыли,
Всю усѣяли кругомъ,
И она затрепетала,
Вѣтви гордо подняла,
Мiру въ первый разъ явилась,
Ослѣпительно-свѣтла.

Съ той поры, донынѣ, дѣти,
Есть обычай у людей

Убирать роскошно елку
Въ звѣзды яркія свѣчей.
Каждый годъ она сіяетъ
Въ день великій торжества,
И огнями возвѣщаетъ
Свѣтлый праздникъ Рождества.

Д. Мережковскій

ВЕРБОЧКИ

Мальчики, да дѣвочки
Свѣчечки, да вербочки
Понесли домой.

Огонечки теплятся,
Прохожіе крестятся
И пахнетъ весной.

Вѣтерокъ удаленькій,
Дождикъ, дождикъ маленькій,
Не задуй огня!

Въ Воскресенье Вербное
Завтра встану первая
Для святого дня.

А. Блокъ

25 МАРТА

Лепетъ капель дѣтски-тонкій,
Говоръ струй болтливо-звонкій,
Колокольный перезвонъ,
Голубей подъ крышей стонъ
Разбудили насъ сегодня
Въ утро праздника Господня.
Изъ глубинъ колоколовъ
Намъ архангелъ Гавріилъ,
Яркимъ звономъ гулкихъ словъ
Вѣсть благую возвѣстилъ.

П. Соловьева

СВѢТЛОЕ ВОСКРЕСЕНІЕ

Вѣсть, что люди стали мучить Бога,
Къ намъ на сѣверъ принесли грачи... —
Потемнѣли хвойныя трущобы,
Тихіе заплакали ключи...
На буграхъ каменья — обнажили
Лысины, прикрытыя въ морозъ,
И на камни стали капать слезы,
Злой зимой ощипанныхъ березъ.

И другія вѣсти, горше первой,
Принесли скворцы въ лѣсную глушь:
На крестѣ распятъ Онъ, всѣхъ прощая,
Умеръ Богъ, — спаситель нашихъ душъ.
Отъ такихъ вѣстей сгустились тучи,
Воздухъ бурнымъ зашумѣлъ дождемъ...
Поднялись, — морями стали рѣки...
И въ горахъ пронесся первый громъ.

Третья вѣсть была необычайна:
Богъ воскресъ, и смерть побѣждена!!
Эту вѣсть побѣдную примчала
Богомъ воскрешенная весна... —
И кругомъ луга зазеленѣли,
И тепломъ дохнула грудь земли,
И, внимая трелямъ соловьинымъ,
Ландыши и розы зацвѣли.

Я. Полонскій

ТРОИЦЫНЪ ДЕНЬ

Дожидаются березы бѣлоснѣжныя,
На корѣ, застывъ, росятся слезы нѣжныя.
Сломимъ вѣтви и въ пучки завяжемъ тѣсные.
Пахнетъ горечью прохладною, древесною.
Уберемъ весь домъ нашъ листьями душистыми,
И травою, и цвѣтами золотистыми.
На травѣ, въ цвѣтахъ и съ вѣткою зеленою
Встрѣтимъ Троицу предъ ветхою иконою.
И помянемъ мы въ молитвѣ травы нѣжныя,
Желтоцвѣты и березы бѣлоснѣжныя.

П. Соловьева

КАНУНЪ КУПАЛЫ

Не туманъ бѣлѣетъ въ темной рощѣ —
Ходитъ въ темной рощѣ Богоматерь.
По зеленымъ взгорьямъ, по долинамъ
Собираетъ къ ночи божьи травы.

Только вечеръ имъ остался сроку,
Да и то ужъ солнце на исходѣ:
Застятъ ели черной хвоей западъ,
Золотой иконостасъ заката.

Ужъ въ долинахъ сыро — пали тѣни,
Ужъ луга синѣютъ — пали росы,
Пахнетъ подъ росою медуница,
Золотой вѣнецъ по рощамъ свѣтитъ.

Какъ туманъ, бѣла Ея одежда,
Голубыя очи — точно звѣзды.
Соберетъ Она цвѣты и травы
И снесетъ ихъ къ Божьему престолу.

Скоро ночь — имъ только ночь осталась,
А на утро срѣжутъ ихъ косами,
А не срѣжутъ — солнце сгубитъ зноемъ...
Такъ и скажетъ Сыну Богоматерь:

«Погляди, возлюбленное чадо,
Какъ земля цвѣла и красовалась!
Да недологъ вѣкъ земнымъ утѣхамъ:
Въ мірѣ Смерть — она и Жизнью правитъ».

Но Христосъ Ей молвилъ: «Мать! не солнце—
Только землю тьма ночная кроетъ:
Смерть не сѣмя губитъ, а срѣзаетъ
Лишь цвѣты отъ сѣмени земного.

И земное сѣмя не изсякнетъ.
Скоситъ Смерть — Любовь опять посѣетъ.
Радуйся, Любимая! Ты будешь
Утѣшаться до скончанья вѣка!»

Ив. Бунинъ

ДОНЪ КИХОТЪ

Шлемъ — надтреснутое блюдо,
Щитъ — картонный, панцырь жалкій...
Въ стременахъ висятъ, качаясь
Ноги тощія, какъ палки.

Но за то, какъ много дѣтской
Доброты въ улыбкѣ нѣжной,
И въ лицѣ худомъ и блѣдномъ —
Сколько вѣры безмятежной.

Для него хромая кляча —
Конь могучій Россинанта,
Эти мельничныя крылья —
Руки мощнаго гиганта.

Видитъ онъ въ тавернѣ грязной
Роскошь царскаго чертога,
Слышитъ въ дудкѣ свинопаса
Звукъ серебрянаго рога.

Санхо Панча ѣдетъ рядомъ;
Гордый видъ его серьезенъ:
Какъ прилично копьеносцу,
Онъ величественъ и грозенъ.

Въ красной юбкѣ, въ пятнахъ дегтя,
Тамъ, надъ кучами навоза —
Эта царственная дама —
Дульцинея де Тобозо...

Страстно, съ юношескимъ жаромъ
Онъ толпѣ крестьянъ голодныхъ,
Вмѣсто хлѣба, разсыпаетъ
Перлы мыслей благородныхъ:

«Люди добрые, ликуйте, —
«Наступаетъ праздникъ вѣчный:
«Міръ не солнцемъ озарится,
«А любовью безконечной...

«Будутъ всѣ равны; другъ друга
«Перестанутъ ненавидѣть;
«Ни алькады, ни бароны
«Не посмѣютъ васъ обидѣть.

«Пойте, братья, гимнъ побѣдный!
«Этотъ мечъ несетъ свободу,
«Справедливость и возмездье
«Угнетенному народу!»

Изъ приходской школы дѣти
Выбѣгаютъ, бросивъ книжки,
И хохочутъ, и кидаютъ
Грязью въ рыцаря мальчишки.

Апплодируя, какъ зритель,
Жирный лавочникъ смѣется;
На крыльцѣ своемъ трактирщикъ
Весь отъ хохота трясется.

И почтенный патеръ смотритъ,
Изумленіемъ объятый,
И громитъ безумье вѣка
Онъ латинскою цитатой.

Изъ окна глядитъ цирульникъ,
Онъ прервалъ свою работу,
И съ восторгомъ машетъ бритвой,
И кричитъ онъ Донъ Кихоту:

«Благороднѣйшій изъ смертныхъ,
«Я желаю вамъ успѣха!..»
И не въ силахъ кончить фразы,
Задыхается отъ смѣха.

Всѣ довольны, всѣ смѣются
Съ гордымъ видомъ превосходства,
И никто въ немъ не замѣтитъ
Красоты и благородства.

Онъ не чувствуетъ, не видитъ
Ни насмѣшекъ, ни презрѣнья:
Кроткій ликъ его такъ свѣтелъ,
Очи — полны вдохновенья.

Смѣйтесь люди, но, быть можетъ,
Вы когда-нибудь поймете,
Что возвышенно и свято
Въ этомъ жалкомъ Донъ Кихотѣ:

Святы въ немъ — любовь и вѣра,
Этой вѣрою согрѣты
Всѣ великіе безумцы,
Всѣ пророки и поэты!

Д. Мережковскій

СОЛНЦЕ И МѢСЯЦЪ

Ночью въ колыбель младенца
Мѣсяцъ лучъ свой заронилъ.
«Отчего такъ свѣтитъ мѣсяцъ?»
Робко онъ меня спросилъ.
— Въ день-деньской устало солнце,
И сказалъ ему Господь:
«Лягъ, засни! И за тобою
Все задремлетъ, все заснетъ».
И взмолилось солнце брату:
«Братъ мой, Мѣсяцъ золотой!
Ты зажги фонарь и ночью
Обойди ты край земной!
Кто тамъ молится, кто плачетъ,
Кто мѣшаетъ людямъ спать, —
Все развѣдай и поутру
Приходи и дай мнѣ знать!»
Солнце спитъ, а Мѣсяцъ ходитъ,
Сторожитъ земной покой...
Завтра-жъ рано-рано къ брату
Постучится братъ меньшой.
Стукъ-стукъ-стукъ!.. Отворятъ двери.
«Солнце, встань! Грачи летятъ,
Пѣтухи давно пропѣли,
И къ заутренѣ звонятъ».
Солнце встанетъ, солнце спроситъ:

«Что, голубчикъ, братецъ мой?
Какъ тебя Господь Богъ носитъ?
Что ты блѣденъ? Что съ тобой?»
И начнетъ разсказъ свой мѣсяцъ, —
Кто и какъ себя ведетъ....
Если ночь была спокойна,
Солнце весело взойдетъ.
Если-жъ нѣтъ — взойдетъ въ туманѣ,
Вѣтеръ дунетъ, дождь пойдетъ,
Въ садъ гулять не выйдетъ няня
И дитя не поведетъ.

Я. Полонскій

РОССИЯ

ПЕТЕРБУРГЪ

Люблю тебя, Петра творенье;
Люблю твой строгій, стройный видъ,
Невы державное теченье,
Береговой ея гранитъ,
Твоихъ оградъ узоръ чугунный,
Твоихъ задумчивыхъ ночей
Прозрачный сумракъ, блескъ безлунный,
Когда я въ комнатѣ моей
Пишу, читаю безъ лампады,
И ясны спящія громады
Пустынныхъ улицъ, и свѣтла
Адмиралтейская игла.
И не пуская тьму ночную
На золотыя небеса,
Одна заря смѣнить другую
Спѣшитъ, давъ ночи полчаса.
Люблю зимы твоей жестокой
Недвижный воздухъ и морозъ,
Бѣгъ санокъ вдоль Невы широкой,
Дѣвичьи лица ярче розъ,
И блескъ, и шумъ, и говоръ баловъ,
А въ часъ пирушки холостой —
Шипѣнье пѣнистыхъ бокаловъ
И пунша пламень голубой.
Люблю воинственную живость

Потѣшныхъ Марсовыхъ полей,
Пѣхотныхъ ратей и коней
Однообразную красивость;
Въ ихъ стройно-зыблемомъ строю,
Лоскутья сихъ знаменъ побѣдныхъ,
Сіянье шапокъ этихъ мѣдныхъ,
Насквозь прострѣленныхъ въ бою.
Люблю, военная столица,
Твоей твердыни дымъ и громъ,
Когда полнощная царица
Даруетъ сына въ царскій домъ,
Или побѣду надъ врагомъ
Россія снова торжествуетъ,
Или, взломавъ свой синій ледъ,
Нева къ морямъ его несетъ
И, чуя вешни дни, ликуетъ.

Красуйся, градъ Петровъ, и стой
Неколебимо, какъ Россія!
Да умирится же съ тобой
И побѣжденная стихія:
Вражду и плѣнъ старинный свой
Пусть волны Финскія забудутъ
И тщетной злобою не будутъ
Тревожить вѣчный сонъ Петра!

А. Пушкинъ

* *

*

Всходило утро. Небеса
Румянцемъ розовымъ сіяли,
Какъ первой юности краса;
Но улицы еще дремали
Съ домами бѣлыми. Роса
Кой гдѣ блистала. Люди спали,
И только бѣлый голубокъ
Кружился въ небѣ одинокъ.

Ворча сквозь зубъ, попался мнѣ
Одинъ гуляка запоздалый,
Рукой цѣпляясь по стѣнѣ;
Да дворникъ, съ вечера усталый,
Съ глазами слипшими во снѣ,
Держа метлу рукою вялой,
Зѣвая громко во весь ротъ,
Стоялъ, крестяся, у воротъ.

Нева спокойною струей
Лилась въ теченіи лѣнивомъ,
И утро ярко надъ водой
Сверкало радужнымъ отливомъ;
Я въ лодку сѣлъ и слѣдъ за мной
Пошелъ въ волненіи игривомъ,
И брызги искрились кругомъ,
Взлетая звонко подъ весломъ...

Н. Огаревъ

НАВОДНЕНІЕ

Надъ омраченнымъ Петроградомъ
Дышалъ ноябрь осеннимъ хладомъ;
Плеская шумною волной
Въ края своей ограды стройной,
Нева металась, какъ больной
Въ своей постели безпокойной.
Ужъ было поздно и темно;
Сердито бился дождь въ окно,
И вѣтеръ дулъ, печально воя....
Рѣдѣетъ мгла ненастной ночи,
И блѣдный день ужъ настаетъ...
Ужасный день!
Нева всю ночь
Рвалася къ морю противъ бури,
Не одолѣвъ ихъ буйной дури...
И спорить стало ей не въ мочь...
Поутру надъ ея брегами
Тѣснился кучами народъ,
Любуясь брызгами, горами
И пѣной разъяренныхъ водъ.
Но силой вѣтра отъ залива
Перегражденная Нева
Обратно шла гнѣвна, бурлива,
И затопляла острова;
Погода пуще свирѣпѣла;

Нева вздувалась и ревѣла,
Котломъ клокоча и клубясь —
И вдругъ, какъ звѣрь остервенясь,
На городъ кинулась. Предъ нею
Все побѣжало, все вокругъ
Вдругъ опустѣло... Воды вдругъ
Втекли въ подземные подвалы;
Къ рѣшеткамъ хлынули каналы —
И всплылъ Петрополь, какъ Тритонъ,
По поясъ въ воду погруженъ.

Осада! Приступъ! Злыя волны,
Какъ воры, лѣзутъ въ окна; чолны
Съ разбѣга стекла бьютъ кормой;
Садки подъ мокрой пеленой,
Обломки хижинъ, бревна, кровли,
Товаръ запасливой торговли,
Пожитки блѣдной нищеты,
Грозой снесенные мосты,
Гроба съ размытаго кладбища
Плывутъ по улицамъ!..

....Но, вотъ, насытясь разрушеньемъ
И наглымъ буйствомъ утомясь,
Нева обратно повлеклась,
Своимъ любуясь возмущеньемъ
И покидая съ небреженьемъ
Свою добычу. Такъ злодѣй,
Съ свирѣпой шайкою своей
Въ село ворвавшись, ловитъ, рѣжетъ,
Крушитъ и грабитъ; вопли, скрежетъ,
Насилье, брань, тревога, вой!..
И грабежомъ отягощенны,
Боясь погони, утомленны,
Спѣшатъ разбойники домой,

Добычу на пути роняя...
Но, торжествомъ побѣды полны,
Еще кипѣли злобно волны,
Какъ бы подъ ними тлѣлъ огонь;
Еще ихъ пѣна покрывала,
И тяжело Нева дышала,
Какъ съ битвы прибѣжавшій конь...

А. Пушкинъ

* *

*

Блѣднѣетъ лѣтній день... Надъ пышною
Невою,
Вдоль строгой линіи гранитныхъ береговъ,
Еще освѣщены янтарною зарею
Нѣмые мраморы покинутыхъ дворцовъ.
Но ужъ сады полны прохладой и тѣнями,
И къ зыбкой пристани по синей глади водъ,
Какъ сказочный драконъ, сверкающій глазами,
Съ огнями вдоль бортовъ причалилъ пароходъ.
Я этотъ часъ люблю. Въ столицѣ опустѣлой
Есть грусть какая-то въ такіе вечера...

С. Надсонъ

УТРО ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

... А Петербургъ неугомонный
Ужъ барабаномъ пробужденъ.
Встаетъ купецъ, идетъ разносчикъ,
На биржу тянется извозчикъ,
Съ кувшиномъ охтенка спѣшитъ,
Подъ ней снѣгъ утренній хруститъ.
Проснулся утра шумъ пріятный;
Открыты ставни; трубный дымъ
Столбомъ восходитъ голубымъ, —
И хлѣбникъ, нѣмецъ аккуратный,
Въ бумажномъ колпакѣ, не разъ
Ужъ отворялъ свой «васисдасъ»...

А. Пушкинъ

НА «ОСТРОВАХЪ»

На Крестовскомъ возлѣ конки
Санки пестренькія ждутъ.
У пузатой лошаденки
Въ гривѣ пляшетъ красный жгутъ.
Бубенцы нѣжны и звонки...
У чухонца взяли кнутъ...

Промелькнулъ орелъ аптеки.
Солнце кажетъ алый щитъ.
Спитъ Нева, снѣгъ рѣжетъ вѣки,
Мостъ подъ полозомъ гудитъ...
Ветлы — старыя калѣки...
Сбоку валенка виситъ...

Острова несутся мимо,
Машутъ снѣжной бородой, —
Ярче крыльевъ серафима
Иней искрится сѣдой,
Облака, какъ клочья дыма,
Стынутъ розовой грядой...

Сзади мчатся три чинуши, —
Вожжи вкось, лошадка въ бокъ;
Двѣ дѣвчонки-хохотуши
Отскочили за дубокъ...
Вѣтерокъ кусаетъ уши, —
Не боимся, голубокъ!

Разскакалась лошаденка.
Не удержишь. Эхъ, ты мышь!
Заиграла селезенка.
Не свались, держись, малышъ...
Бубенцы легко и звонко
Заливаютъ плескомъ тишь.

Прокатились. Вонъ нашъ вейка:
Ждетъ на тумбѣ за ларемъ.
«Сколько?» — «Ридцать пять копѣйка». —
Побренчали серебромъ...
А теперь домой, скорѣй-ка, —
Чаю съ бубликомъ попьемъ...

Саша Черный

ЖАРА

Солнце палитъ, солнце пышетъ,
Разморило небосклонъ.
На трубѣ у самой крыши,
Тянетъ пѣсню Филимонъ.

Стѣну дома кистью мажетъ
И поетъ, поетъ, поетъ...
Что поетъ, никто не скажетъ
И никто не разберетъ.

Красятъ капли яркой краски
Запыленный известнякъ:
Глазки, лапки, лапки, глазки —
Пестрый фай, а не плитнякъ.

На ступенькѣ у парадной,
Чьи-то кошки мирно спятъ,
Гдѣ-то слышенъ визгъ трехрядной
И «халатъ, халатъ, халатъ».

Тяжело отъ нудной пыли,
Ѣстъ глаза противный жаръ;
Хоть бы дворники полили
И меня, какъ тротуаръ.

Хоть бы злое солнце сѣло
Поскорѣе за дома
И измученное тѣло
Обвила ночная тьма.

Нѣтъ, не сходитъ съ небосклона!
Нѣтъ пощады. Душитъ зной.
Только пѣсня Филимона,
Знай, виситъ надъ головой.

Цѣлый день онъ кистью мажетъ,
И поетъ, поетъ, поетъ...
Что поетъ, никто не скажетъ
И никто не разберетъ.

П. Потемкинъ

МОСКВА

I

Но вотъ, ужъ близко. Передъ ними
Ужъ бѣлокаменной Москвы,
Какъ жаръ, крестами золотыми
Горятъ старинныя главы.
Ахъ, братцы! какъ я былъ доволенъ,
Когда церквей и колоколенъ,
Садовъ, чертоговъ полукругъ
Открылся предо мною вдругъ!
Какъ часто въ горестной разлукѣ,
Въ моей блуждающей судьбѣ,
Москва, я думалъ о тебѣ!
Москва... какъ много въ этомъ звукѣ
Для сердца русскаго слилось!
Какъ много въ немъ отозвалось!

*

Вотъ, окруженъ своей дубравой,
Петровскій замокъ. Мрачно онъ
Недавнею гордится славой.
Напрасно ждалъ Наполеонъ,
Послѣднимъ счастьемъ упоенный,
Москвы колѣнопреклоненной
Съ ключами стараго Кремля:

Нѣтъ, не пошла Москва моя
Къ нему съ повинной головою.
Не праздникъ, не пріемный даръ, —
Она готовила пожаръ
Нетерпѣливому герою!
Отселѣ въ думу погруженъ,
Глядѣлъ на грозный пламень онъ.

*

Прощай, свидѣтель падшей славы,
Петровскій замокъ... Ну! не стой,
Пошелъ! Уже столпы заставы
Бѣлѣютъ; вотъ ужъ по Тверской
Возокъ несется чрезъ ухабы.
Мелькаютъ мимо будки, бабы,
Мальчишки, лавки, фонари,
Дворцы, сады, монастыри,
Бухарцы, сани, огороды,
Купцы, лачужки, мужики,
Бульвары, башни, казаки,
Аптеки, магазины, моды,
Балконы, львы на воротахъ
И стаи галокъ на крестахъ...

А. Пушкинъ.

II

Городъ чудный, городъ древній,
Ты вмѣстилъ въ свои концы
И посады, и деревни,
И палаты, и дворцы!
Опоясанъ лентой пашенъ,
Весь пестрѣешь ты въ садахъ...

Сколько храмовъ, сколько башенъ
На семи твоихъ холмахъ!
Исполинскою рукою
Ты, какъ хартія, развитъ
И надъ малою рѣкою
Сталъ великъ и знаменитъ.
На твоихъ церквахъ старинныхъ
Выростаютъ деревá;
Глазъ не схватитъ улицъ длинныхъ...
Это — матушка Москва!
Кто, силачъ, возьметъ въ охапку
Холмъ Кремля-богатыря?
Кто собьетъ златую шапку
У Ивана-звонаря?
Кто царь-колоколъ подыметъ?
Кто царь-пушку повернетъ?
Шляпы кто, гордецъ, не сниметъ
У святыхъ Кремля воротъ?..
Ты не гнула крѣпкой выи
Въ бѣдовой своей судьбѣ:
Развѣ пасынки Россіи
Не поклонятся тебѣ!..
Ты, какъ мученикъ, горѣла,
Бѣлокаменная!
И рѣка въ тебѣ кипѣла
Бурно-пламенная!
И подъ пепломъ ты лежала
Полоненною,
И изъ пепла ты возстала
Неизмѣнною...
Процвѣтай-же славой вѣчной,
Городъ храмовъ и палатъ,
Градъ срединный, градъ сердечный,
Коренной Россіи градъ!

Ѳ. Глинка

III

Какъ хороша Москва весною!
Какъ хороша весна въ Москвѣ!
Надъ этой пестрою громадой
День яркій блещетъ въ синевѣ.

Все дышетъ жизнью и весельемъ,
Все празднуетъ цвѣтущій май,
Сады зеленымъ ожерельемъ
Переплелись изъ края въ край.

Съ холмовъ Москвы вперяю очи
Въ широкій дальній небосклонъ:
Монастыри, лѣса и села
Красуются со всѣхъ сторонъ.

Кн. П. Вяземскій

IV

Городъ — до сыта простору!
Городъ — есть на что взглянуть!
Городъ — подъ гору да въ гору!
Такъ и этакъ повернуть!
Онъ не въ вытяжку, не стройно,
Но широко, но спокойно
На холмахъ по барски легъ,
Далъ разгулъ своимъ палатамъ
И разсыпался по скатамъ
И раскинулся какъ могъ.
Старымъ навыкамъ послушный
Онъ съ улыбкою радушной,
Сквозь растворъ своихъ воротъ
Всѣхъ въ объятія зоветъ.

В. Бенедиктовъ

БАЛАГАНЫ

(Изъ поэмы «Цыганка»)

Недѣля свѣтлая была
И подъ Новинское звала,
Гражданъ московскихъ. Все бѣжало,
Все торопилось: старъ и младъ,
Жильцы лачугъ, жильцы палатъ,
Живою смѣшанной толпою,
Туда, гдѣ словно самъ собою,
На краткій срокъ, въ единый мигъ,
Блистая пестрыми дворцами,
Шумя цвѣтными флюгерами,
Средь града новый градъ возникъ —
Столица легкая бездѣлья
И безчиновнаго веселья,
Досуга русскаго кумиръ!
Тамъ цѣлый день разгульный пиръ;
Тамъ раздаются звуки трубны,
Звенятъ, гремятъ литавры, бубны.
Паяцы съ зыбкихъ галлерей
Зовутъ, манятъ къ себѣ гостей.
Ножи проворные вѣнцомъ
Кругомъ себя индѣецъ мечетъ
И бисеръ нижетъ языкомъ...
Гордясь лихими сѣдоками

Тамъ одноколки, застучавъ,
Съ потѣшныхъ горъ летятъ стремглавъ.
Своими длинными шестами
Качели крашеныя тамъ
Людей уносятъ къ небесамъ.
Волшебный праздникъ довершая,
Межъ тѣмъ, съ веселымъ торжествомъ,
Каретъ блестящихъ цѣпь тройная
Катится медленно кругомъ.

Е. Боратынскій

БАЗАРЪ

Весна Москвой играетъ
То ласкова, то зла,
Цѣлуетъ и ласкаетъ,
Голубитъ купола.
И радостные льются
Изъ полной сулеи
Рокочутъ и смѣются
Весенніе ручьи.
Вонъ тамъ внизу у моста,
Тамъ, вдоль Москвы-рѣки,
Что лѣтняя береста,
Бѣлѣются ларьки.
Базаръ! Какой, не знаю,
Но мнѣ родной и свой,
Отъ краю и до краю
Запруженный толпой.
Узорными цвѣтами
Пестрятъ, горятъ платки,
Снуютъ надъ головами
Проворные лотки.
Остатки льда и снѣгу
Раскисли отъ ходьбы,
Вонъ привезли телѣгу,
А въ ней одни грибы.
Все время безъ запинки

Влюбленный въ свой же крикъ
«Сарпинки! Эй, сарпинки!»
Оретъ сѣдой мужикъ...
... Шумитъ, кричитъ, стрекочетъ,
Гудитъ, цвѣтетъ базаръ,
Поетъ и лясы точитъ
И пьяный вьетъ угаръ.
А солнце, голубь ясный,
Голубитъ съ высоты
И этотъ рокотъ красный,
И крыши, и кресты.

П. Потемкинъ

ВЛАСЪ

Въ армякѣ съ открытымъ воротомъ,
Съ обнаженной головой,
Медленно проходитъ городомъ
Дядя Власъ, старикъ сѣдой.
На груди икона мѣдная;
Проситъ онъ на Божій храмъ;
Весь въ веригахъ, обувь бѣдная,
На щекѣ глубокій шрамъ...
Нѣтъ ему пути далекаго:
Былъ у матушки Москвы
И у Каспія широкаго,
И у царственной Невы.
Словомъ истины евангельской
Собирая Богу дань,
Побываетъ и въ Архангельской,
Проберется и въ Рязань.
Ходитъ съ образомъ и съ книгою,
Самъ съ собой все говоритъ,
И желѣзною веригою
Тихо на ходу звенитъ.
Ходитъ въ зимушку студеную,
Ходитъ въ лѣтнія жары,
Вызывая Русь крещеную
На посильные дары. —
И даютъ, даютъ прохожіе...
Такъ изъ лепты трудовой
Выростаютъ храмы Божіи
По лицу земли родной.

Н. Некрасовъ

КІЕВЪ

Высоко передо мною
Старый Кіевъ надъ Днѣпромъ:
Днѣпръ сверкаетъ подъ горою
Переливнымъ серебромъ.

Слава, Кіевъ многовѣчный,
Русской славы колыбель!
Слава, Днѣпръ нашъ быстротечный,
Руси чистая купель!

Сладко пѣсни раздалися,
Въ небѣ тихъ вечерній звонъ...
Вы откуда собралися,
Богомольцы, на поклонъ?

— «Я оттуда, гдѣ струится
Тихій Донъ, краса степей».
— «Я оттуда, гдѣ клубится
Безпредѣльный Енисей!»

— «Дикъ и страшенъ верхъ Алтая,
Вѣченъ блескъ его снѣговъ:
Тамъ страна моя родная!»
— «Мнѣ отчизна старый Псковъ»...

— «Я отъ Ладоги холодной»,
— «Я отъ синихъ волнъ Невы»,
— «Я отъ Камы многоводной»,
— «Я отъ матушки-Москвы»...

... Пробудися, Кіевъ, снова!
Падшихъ чадъ своихъ зови!
Сладокъ гласъ отца родного,
Зовъ моленья и любви.

И отторженныя дѣти,
Лишь услышатъ твой призывъ,
Разорвавъ коварства сѣти,
Знамя чуждое забывъ,

Снова, какъ во время оно,
Успокоиться придутъ
На твое святое лоно,
Въ твой родительскій пріютъ.

И вокругъ знаменъ отчизны
Потекутъ они толпой
Къ жизни духа, къ духу жизни
Возрожденные тобой!

А. Хомяковъ

ЗИМА

(Изъ «Масляницы на чужой сторонѣ»)

Здравствуй, въ бѣломъ сарафанѣ
Изъ серебряной парчи!
На тебѣ горятъ алмазы,
Словно яркіе лучи.
Ты живительной улыбкой,
Свѣжей прелестью лица
Пробуждаешь къ чувствамъ новымъ
Усыпленныя сердца.
Здравствуй, русская молодка,
Раскрасавица-душа,
Бѣлоснѣжная лебедка,
Здравствуй, матушка-зима!
Намъ нестрашенъ снѣгъ суровый:
Съ снѣгомъ батюшка морозъ —
Нашъ природный, нашъ дешевый
Пароходъ и паровозъ.
Скоро масляницы бойкой
Закипитъ широкій пиръ,
И блинами, и настойкой,
Закутитъ крещеный миръ!
Игры, братскія попойки,
Настежь двери и сердца!
Пышутъ бѣшеныя тройки,

Въ снѣгъ топо̀ча у крыльца,
Вотъ взвились и полетѣли,
Что твой соколъ въ облакахъ!
Красота ямской артели
Вожжи крѣпко сжалъ въ рукахъ:
Въ шапкѣ, въ синемъ полушубкѣ
Такъ и смотритъ молодцомъ,
Погоняетъ закадычныхъ
Свистомъ, ласковымъ словцомъ.

Кн. П. Вяземскій

ТРОЙКА

Тройка мчится, тройка скачетъ,
Вьется пыль изъ-подъ копытъ;
Колокольчикъ звонко плачетъ,
И хохочетъ и визжитъ.

По дорогѣ голосисто
Раздается яркій звонъ;
То въ дали отбрякнетъ чисто,
То застонетъ глухо онъ.

Словно лѣшій вѣдьмѣ вторитъ
И аукается съ ней,
Иль русалка тараторитъ
Въ рощѣ звучныхъ камышей.

Русской степи, ночи темной,
Поэтическая вѣсть!
Много въ ней и думы томной,
И раздолья много есть!

Кн. П. Вяземскій

* *

*

Къ городу Рязани
Катятъ трое сани,
Сани развальныя —
Дуги расписныя;
Вожжи на отлетѣ;
Кони на разлетѣ:
Колокольчикъ плачетъ —
За версту маячитъ.
Первыя-то сани —
Все-то поѣзжане,
Все-то сѣверяне, —
Въ рукавицахъ новыхъ,
Въ охабняхъ бобровыхъ,
А вторыя санки —
Все-то поѣзжанки,
Все-то сѣверянки, —
Въ жемчугахъ окатныхъ.
Въ шапочкахъ горлатныхъ,
А что третьи сани
Къ городу Рязани
Покатили сами
Всѣми полозами, —
Подлетѣли птицей
Съ красной царь-дѣвицей...

Л. Мей

ТРОЙКА

Вся въ инеѣ морозномъ и въ снѣгу,
На спускѣ подъ гору, въ разгонѣ на бѣгу,
Постромки опустивъ и перегнувъ дугу,
Остановилась бѣшеная тройка
Подъ закорузлыми вожжами ямщика...
Что̀ у коней за стати!.. Что̀ за стойка...
Ну!.. знать, у ямщика бывалая рука,
Что клубомъ удила̀ осеребрила пѣна...
И въ сторону, крестясь, свернулъ свой возикъ сѣна
Оторопѣвшій весь со страху мужичекъ, —
И съ лаемъ кинулся на переёмъ Волчокъ...

Л. Мей

ДОМЪ ВЪ СИМБИРСКѢ

(Отрывокъ изъ поэмы «Сашка»)

Иванъ Ильичъ имѣлъ въ Симбирскѣ домъ
На самой на горѣ, противъ собора.
При мнѣ давно никто ужъ не жилъ въ немъ,
И онъ дряхлѣлъ, заброшенъ безъ надзора,
Какъ инвалидъ съ георгьевскимъ крестомъ.
Но нѣкогда, съ кудрявыми главами,
Вдоль стѣнъ колонны высились рядами;
Прозрачною рѣшеткой окруженъ,
Какъ клѣтка между нихъ висѣлъ балконъ,
И надъ дверьми стеклянными въ порядкѣ
Виднѣлися гардинъ прозрачныхъ складки.

Внутри все было пышно: на столахъ
Пестрѣли разноцвѣтныя клеенки,
И люстры отражались въ зеркалахъ,
Какъ звѣзды въ лужѣ; моськи и болонки
Встрѣчали шумно каждаго въ дверяхъ,
Одна другой несноснѣе, а далѣ
Зеленый попугай, порхая въ залѣ,
Кричалъ безстыдно: «Кто пришелъ?.. Дуракъ!»
А гость съ улыбкой думалъ: «Какъ не такъ!»
И ласково хозяйкой принимаемъ,
Чрезъ пять минутъ мирился съ попугаемъ.

Изъ оконъ былъ прекрасный видъ кругомъ:
Налѣво, то-есть къ западу, рядами
Блистали кровли, трубы и потомъ
Межъ ними церковь съ круглыми главами;
И кое-гдѣ въ тѣни — отрада днемъ —
Уютный садъ, обсаженный рябиной,
Съ бесѣдкою, цвѣтами и малиной...

Подъ глинистой утесистой горой,
Унизанной лачужками, направо
Катилася широкой пеленой
Родная Волга, ровно, величаво...
У пристани, двойною чередой,
Плоты и барки, какъ табунъ, тѣснились,
И флюгера на длинныхъ мачтахъ бились,
Жужжа на вѣтрѣ, и скрипѣлъ канатъ
Натянутый; и, сѣрой мглой объятъ,
Виднѣлся дальній берегъ, и бѣлѣли
Вкругъ острова края песчаной мели.

М. Лермонтовъ

НА ВОЛГѢ

(Отрывокъ)

Я росъ, какъ многіе, въ глуши
У береговъ большой рѣки,
Гдѣ лишь кричали кулики,
Шумѣли глухо камыши.
Рядами стаи дикихъ птицъ,
Какъ изваянія гробницъ,
Сидѣли важно на пескѣ;
Виднѣлись горы вдалекѣ.
И синій безконечный лѣсъ
Скрывалъ ту сторону небесъ,
Куда, дневной окончивъ путь,
Уходитъ солнце отдохнуть.
О, Волга! Послѣ многихъ лѣтъ
Я вновь принесъ тебѣ привѣтъ.
Ужъ я не тотъ, но ты свѣтла
И величава, какъ была.
Кругомъ все та же даль и ширь,
Все тотъ же видѣнъ монастырь
На острову среди песковъ,
И даже трепетъ прежнихъ дней
Я ощутилъ въ душѣ моей,
Заслыша звонъ колоколовъ.
Ужъ скоро полдень. Жаръ такой,

Что на пескѣ горятъ слѣды;
Рыбалки дремлютъ надъ водой,
Усѣвшись въ тѣсные ряды;
Куютъ кузнечики; съ луговъ
Несется крикъ перепеловъ.
Не нарушая тишины
Лѣнивой медленной волны,
Расшива движется рѣкой...

Н. Некрасовъ

ПѢСНЯ

Что въ полѣ за пыль пылитъ?
Что за пыль пылитъ, столбомъ валитъ?..
Злы татаровья полонъ дѣлятъ:
То тому, то сему — по добру коню.
А какъ зятю теща доставалася,
Онъ заставилъ ее три дѣла дѣлать:
А первое дѣло — гусей пасти,
А второе дѣло — бѣлъ кужель прясти,
А третье дѣло — дитя качать.

А я глазыньками гусей пасу,
И я рученьками бѣлъ кужель пряду,
И я ноженьками дитя качаю:
Ты баю-баю, милое дитятко!
Ты по батюшкѣ — злой татарченокъ,
А по матушкѣ — родной внученочекъ;
У меня вѣдь есть примѣточка —
На бѣлой груди что̀ копѣечка.

Какъ услышала моя доченька,
Закидалася, заметалася:
«Ты, родная моя матушка!
Ахъ, ты что давно не сказалася?

Ты возьми мои золоты ключи,
Отпирай мои кованы ларцы
И бери казны, сколько надобно,
Жемчугу да злата-серебра!»
Ахъ, ты, милое мое дитятко!
Мнѣ не надобно твоей золотой казны,
Отпусти меня на святую Русь:
Не слыхать здѣсь пѣнія церковнаго,
Не слыхать звону колокольнаго.

М. Лермонтовъ

* *

*

Край ты мой, родимый край!
Конскій бѣгъ на волѣ!
Въ небѣ крикъ орлиныхъ стай!
Волчій голосъ въ полѣ!

Гой ты, родина моя!
Гой ты, боръ дремучій!
Свистъ полночный соловья!
Вѣтеръ, степь, да тучи!

Гр. А. К. Толстой

РОДИНА.

Надъ нѣмымъ пространствомъ чернозема,
Словно уголь, вырѣзаны въ тверди —
Темныхъ избъ подгнившая солома,
Старыхъ крышъ разобранныя жерди.

Солнце грустно въ тучи опустилось,
Не дрожитъ печальная осина,
Въ мутной лужѣ небо отразилось,
И на всемъ — знакомая кручина...

Каждый разъ, когда смотрю я въ поле,
Я люблю мою родную землю;
Хорошо и грустно мнѣ до боли, —
Словно тихой жалобѣ я внемлю.

Въ сердцѣ — миръ, печаль и безмятежность,
Умолкаетъ жизненная битва, —
А въ груди задумчивая нѣжность
И простая дѣтская молитва.

Д. Мережковскій

ПРОСЕЛОКЪ

По Руси великой, безъ конца, безъ края,
Тянется дорожка, узкая, кривая,
Чрезъ лѣса да рѣки, по лугамъ, по нивамъ,
Все бѣжитъ куда-то шагомъ торопливымъ.
И чудесъ хоть мало встрѣтишь той дорогой,
Но мнѣ милъ и близокъ видъ ея, убогой.
Утро ли займется на небѣ румяномъ,
Вся она росою блещетъ подъ туманомъ;
Вѣтерокъ разноситъ изъ поляны сонной
Скошеннаго сѣна запахъ благовонный;
Все молчитъ, все дремлетъ, — въ утреннемъ покоѣ
Только ржи мелькаетъ море золотое,
И, куда ни глянешь освѣженнымъ взоромъ,
Отовсюду вѣетъ тишью да просторомъ.
На гору-ль въѣзжаешь, — за горой селенье
Съ церковью зеленой видно въ отдаленьѣ.
Ни садовъ, ни рѣчки; въ рощѣ невысокой
Липа да орѣшникъ разрослись широко,
А вдали, надъ прудомъ, высится плотина...
Бѣдная картина! Милая картина!
Вотъ навстрѣчу бодро мужичекъ шагаетъ,
Съ дикимъ воплемъ стадо путь перебѣгаетъ.
Жарко... День, краснѣя, всходитъ понемногу...
Скоро на большую выѣдемъ дорогу.

Тамъ стоятъ ракиты, по порядку, чинно,
Тянутся обозы вереницей длинной,
Изъ столицъ идетъ тамъ всякая новинка...
Такъ ты и заглохнешь, русская тропинка!..
По Руси великой, безъ конца, безъ края,
Тянется дорожка, узкая, кривая.
На большую съѣхалъ: впереди — застава,
Сзади — пыль да версты... Смотришь, а направо
Снова вьется путь мой лентою узорной,
Тотъ же прихотливый, тотъ же непокорный!

А. Апухтинъ

ВЪ ПОѢЗДѢ

Все шире вольныя поля
Проходятъ мимо насъ кругами;
И хутора и тополя
Плывутъ, скрываясь за полями.
Давно за ними потонулъ
Нашъ городокъ на горныхъ склонахъ,
Давно подъ этотъ мѣрный гулъ
Несемся мы въ поляхъ зеленыхъ.
Вотъ подъ горою скитъ святой
Въ бору бѣлѣетъ за лугами...
Вотъ мостъ желѣзный надъ рѣкой
Промчался съ грохотомъ подъ нами.
А вотъ и лѣсъ! И гулъ идетъ
Подъ стукъ колесъ въ лѣсу зеленомъ;
Березъ веселыхъ хороводъ
Шумя встрѣчаетъ насъ поклономъ.
Отъ паровоза бѣлый дымъ,
Какъ хлопья ваты расползаясь,
Плыветъ, цѣпляется по нимъ,
Къ землѣ безпомощно склоняясь,
И въ лѣсъ манитъ онъ за собой,
Гдѣ солнце въ просѣкѣ сверкаетъ,
Гдѣ въ чащѣ, темной и густой,
Душистый ландышъ расцвѣтаетъ.

Но ужъ опять кусты пошли,
Опять деревьевъ строй рѣдѣетъ,
И безконечная вдали
Степь развернулась и синѣетъ.
Опять привольныя поля
Проходятъ мимо насъ кругами,
И хутора, и тополя
Плывутъ, скрываясь за полями.

Ив. Бунинъ

ПЕТРУШКА

Вотъ кричитъ среди двора,
Поднялъ колотушку,
Окружила дѣтвора
Драчуна Петрушку.
Шапка на бокъ, длинный носъ,
Руки — закорюки,
Дѣтскій шутъ смѣшитъ до слезъ,
Отпускаетъ штуки.
То колотитъ мужика,
То городового,
То отпляшетъ трепака
И за драку снова.
То онъ свѣсится впередъ
И гнусавитъ пѣсни,
То вдругъ навзничь, и умретъ,
И сейчасъ воскреснетъ.
Такъ и сякъ. Туда, сюда,
Словно угорѣлый.
Небо, солнце, провода,
Стѣны ярко бѣлы.
Тамъ цвѣточные горшки,
Чей-то свѣтлый локонъ,
И въ бумажкахъ мѣдяки
Падаютъ изъ оконъ.

А. Рославлевъ

ПОЖАРНЫЙ

1

Въ гудящемъ перезвонѣ
Плывутъ углы и рвы...
Летятъ шальные кони,
Раскормленные львы.
Пожарный въ свѣтлой каскѣ,
Усатый кумъ-Пахомъ,
Качаясь въ мѣрной пляскѣ
Стоитъ надъ облучкомъ.
«Тра-ра! Пошли съ дороги!..»
Звенитъ-поетъ труба.
Гремя промчались дроги
У самаго столба.
Блестятъ на солнцѣ крупы
Лоснящихся коней.
Въ догонку мальчикъ глупый
Понесся изъ сѣней...
Крикъ бабъ и визги шавокъ.
Свистки! Галдежъ! Содомъ!
На площади у лавокъ
Горитъ-пылаетъ домъ.

2

Кони стали. Слѣзъ Пахомъ...
Ну-ка, лѣстницу живѣе!
Вьются дымчатыя змѣи...

Пламя въ бѣшенствѣ лихомъ,
Словно рыжій, дикій локонъ,
Вырывается изъ оконъ...
Но пожарный нашъ не трусъ:
Слившись съ лѣстницею зыбкой
Вверхъ карабкается шибко,
Улыбаясь въ черный усъ.
Изгибается, какъ бѣсъ...
Осторожно, словно кошка,
Прыгнулъ въ верхнее окошко
И исчезъ...
Дымъ и пламень... Трескъ и вой,
А внизу
Верещитъ городовой,
Людъ гудитъ, какъ лѣсъ въ грозу...
Свищутъ юркіе мальчишки,
Взбудораженные Гришки —
И струя воды столбомъ
Лупитъ въ домъ!..
Двѣ минуты — три — и пять.
Ахъ, какъ долго надо ждать!
Изъ раскрытаго окна,
Раздвигая дымъ янтарный,
Черный, словно сатана,
Появляется пожарный:
А подъ мышкой у Пахома,
Спитъ трехлѣтній мальчикъ Дема,
Прислонясь къ щекѣ усатой
Головенкою лохматой...
Мать внизу кричитъ и плачетъ.
Верховой куда-то скачетъ.
Эй, воды, — еще, еще!
Гаснетъ пламя. Паръ шипящій
Всталъ надъ домомъ бѣлой чащей.
Хорошо!

3

Переулками сонными ѣдетъ обратно обозъ,
Разгоняя бродячее стадо взлохмаченныхъ козъ.
Кони шею склонили и пѣна на землю летитъ.
На послѣдней повозкѣ Пахомъ утомленный сидитъ.
Надъ заборами буйно синѣетъ густая сирень,
Дымъ изъ трубки Пахома струится, какъ сизая тѣнь...
Наклонился Пахомъ—и слегка покачалъ головой:
Вся ладонь въ пузыряхъ... Ничего, заживетъ, не впервой!
Капли пота и сажи ползутъ по горячей щекѣ,
Кони тихо свернули за церковь къ болтливой рѣкѣ.
Солнце вспыхнуло въ каскѣ закатной, багровой свѣчей...
За сараемъ кружитъ голубокъ надъ родной каланчей.

Саша Черный

ПРО БАБУШКУ

Перекрестила маленькихъ,
Уложила въ кроватку, —
Сама была въ валенкахъ,
Заткнула въ уши ватку.

Подошла къ столу бабушка,
Взяла ножъ перочинный, —
Отрѣзала себѣ калабушка
И долго жевала чинно.

Давно уже ей зѣвается,
А свѣтло — снѣгъ выпалъ, —
Падаетъ и таетъ... Куда дѣвается?
Опять всю землю засыпалъ...

Возились въ снѣгу проказники!
Морщатся старческія губки, —
Вотъ придутъ праздники
Сшить бы имъ полушубки!

И себѣ бы кофточку грѣшницѣ:
По черному бѣлые горошки...
Встала и отнесла къ скворешницѣ
Разсыпавшіяся крошки.

Тикаютъ въ комнатѣ часики,
Сладко дремлютъ дѣтишки.
Весь раскинулся Васенька, —
Совсѣмъ какъ рисуютъ въ книжкѣ...

На правомъ боку Сереженька, —
Такъ его и просила...
Храни ихъ, добрый Боженька
И вся небесная сила!..

Утромъ споетъ имъ ладушки,
Погрѣться пуститъ на лежанку...
Въ праздникъ спечетъ оладушки,
Дастъ мятную жамку...

Вся жизнь бабушки въ маленькихъ,
Что спятъ въ кроваткѣ...
Такъ и легла въ валенкахъ
И не вынула ватки.

И. Новиковъ.

ДЯДЮШКА ЯКОВЪ

Домъ — не телѣжка у дядюшки Якова,
Господи Боже! чего-то въ ней нѣтъ!
Сѣденькій самъ, а лошадка каракова;
Вмѣстѣ обоимъ сто лѣтъ.
Ѣздитъ старикъ, продаетъ понемногу, —
Рады ему, да и онъ-то того:
Выпито вѣчно и сытъ, слава Богу!
Пусто въ деревнѣ — ему ничего, —
Знаетъ гдѣ люди: и куплю и мѣну
На полосахъ поведетъ старина;
Дай ему свеклы, картофельку, хрѣну,
Онъ тебѣ все, что̀ полюбится — на!
Богъ, видно, далъ ему добрую душу.
Ѣздитъ — кричитъ то-и-знай:

«По грушу! по грушу!
Купи, смѣняй!»

«У дядюшки у Якова
Сбоина макова
Больно лакома —
На грошъ два̀ кома!
Дѣвкамъ утѣхи —
Рожки, орѣхи!
Эй! малолѣтки!

Пряники рѣдки
Всякія штуки:
Окуни, щуки,
Киты, лошадки!
Посмотришь — любы,
Раскусишь — сладки,
Оближешь губы!..»

— «Стой, старина!» Старика обступили
Парней, и дѣвокъ, и дѣтушекъ тьма.
Всѣ намѣняли сластей, накупили —
То-то была суета, кутерьма!
Смѣхъ на какого-то Кузю печальнаго:
Держитъ коня передъ носомъ сусальнаго;
Конь заглядѣнье, и лакомъ кусокъ...
Гдѣ тебѣ вытерпѣть? Ѣшь, паренекъ!
Жалко дѣвочку сиротку Ѳеклушу:
Всѣ-то жуютъ, а ты слюнки глотай...

«По грушу! по грушу!
Купи, смѣняй!»

«У дядюшки у Якова
Про бабъ товару всякаго.
Ситцу хорошаго —
Нарядно, дешево!
Эй! молодицы!
Красны дѣвицы,
Тетушки, сестры!
Платочки пестры,
Булавки востры,
Иглы неломки,
Шнурки, тесемки!
Духи, помада,
Все — чего надо!..»

Зубы у дѣвокъ, у бабъ разгорѣлись.
Ленъ, и полотна, и пряжу несутъ.
«Стойте! не вдругъ! бѣлены вы объѣлись?
Тише! поспѣете!..» Такъ вотъ и рвутъ!
Зорокъ торгашъ, а то просто бѣда бы!
Затормошили старинушку бабы,
Клянчатъ, ласкаются, только держись!

«Цвѣтъ ты нашъ маковъ,
Дядюшка Яковъ,
Не дорожись!»

— Меньше нельзя, разрази мою душу!
Хочешь бери, а не хочешь — прощай!

«По грушу! по грушу!
Купи, смѣняй!»

«У дядюшки у Якова
Хватитъ про всякаго.
Новы коврижки —
Гляди-ко: книжки!
Мальчикъ-сударикъ,
Купи букварикъ!
Отцы почтенны!
Книжки нецѣнны:
По гривнѣ штука —
Дѣткамъ наука!
Для ребятишекъ —
Тимошекъ, Гришекъ,
Гаврюшекъ, Ванекъ...
Букварь — не пряникъ,
А почитай-ка,
Языкъ прикусишь...
Букварь — не сайка,

А какъ раскусишь,
Слаще орѣха:
Пятокъ — полтина,
Глянь — и картина!
Ей-ей утѣха!
Уменъ съ нимъ будешь,
Денегъ добудешь...

По буквари!
По буквари!
Хватай-бери
Читай-смотри!»

И букварей-таки много купили —
«Будетъ вамъ пряниковъ; нате-ка вамъ!»
Пряники, правда, послаще бы были,
Да разсудилось ужъ такъ старикамъ:
Книжки съ картинками, писаны четко —
То-то дойти бы, что писано тутъ!
Молча крѣпилась Ѳеклуша сиротка,
Глядя, какъ пряники дѣти жуютъ,
А какъ увидѣла въ книжкахъ картинки,
Такъ на глаза навернулись слезинки.
Сжалился, далъ ей букварь старина:
«Коли бѣдна ты, такъ будь ты умна!»

Экой старикъ! видно добрую душу!
Будь же ты счастливъ! Торгуй, наживай!

«По грушу! по грушу!
Купи, смѣняй!»

Н. Некрасовъ

ЯРМАРКА

Флагъ поднятъ. Ярмарка открыта.
Народомъ площадь вся покрыта.
На море пестрое головъ
Громада бѣлая домовъ
Глядитъ стеклянными очами;
Недвижная, затоплена
Вся солнца золотомъ она.
Людъ Божій движется волнами...
И кички съ острыми углами,
Подолы красные рубахъ,
На черныхъ шляпахъ позументы,
И вѣтромъ въ дѣвичьихъ косахъ
Едва колеблемыя ленты —
Вся деревенская краса
Вотъ такъ и мечется въ глаза!
Изъ лавокъ (хитрая приманка!)
Высматриваютъ кушаки,
И разноцвѣтные платки,
И разноцвѣтная серпянка.
Тутъ груды чашекъ и горшковъ,
Корчагъ, боченковъ, кувшиновъ;
Тамъ — лыки, ведра и ушаты,
Лотки, подойники, лопаты...
Веселый говоръ. Крикъ торговли.
Пискъ дудокъ, пѣсни мужиковъ
И ранній звонъ колоколовъ —
Все въ гулъ слилось. Межъ тѣмъ оглобли
Приподнялись поверхъ возовъ,
Какъ лѣсъ безъ вѣтокъ и листовъ.

И. Никитинъ

НА ВЕРБѢ

Солнце брызжетъ, солнце грѣетъ.
Небо — василекъ.
Сквозь березки тихо вѣетъ
Теплый вѣтерокъ.

А внизу все будки, будки
И людей, что мухъ.
Каждый всунулъ въ ротъ по дудкѣ —
Дуй во весь свой духъ!

Въ будкахъ куклы и баранки,
Чижики, цвѣты...
Золотыя рыбки въ банкѣ
Раскрываютъ рты.

Все звончѣе надъ шатрами
Вьется пискъ и гамъ.
Дѣти съ пестрыми шарами
Тянутся къ ларькамъ.

«Верба! Верба!» Въ каждой лапкѣ
Бархатный пучекъ.
Дѣдъ распродалъ всѣ охапки —
Ловкій старичекъ!

Шерстяныя обезьянки
Пляшутъ на щиткахъ.
«Ме-ри-кан-скій житель въ склянкѣ,
Ходитъ на рукахъ!!..»

Пудель, страшно удивленный,
Тявкаетъ на всѣхъ.
Въ небо шаръ взлетѣлъ зеленый,
А въ догонку — смѣхъ...

Вотъ она какая верба!
А у входа въ рядъ —
На прилавочкѣ у серба
Вафельки лежатъ.

Саша Черный

КРЕСТЬЯНСКАЯ ПИРУШКА

Ворота тесовы
Растворилися;
На коняхъ, на саняхъ
Гости въѣхали;
Имъ хозяинъ съ женой
Низко кланялись;
Со двора повели
Въ свѣтлу горенку.
Передъ Спасомъ святымъ
Гости молятся;
За дубовы столы,
За набраные,
На сосновыхъ скамьяхъ
Сѣли званые.
На столахъ куръ, гусей
Много жареныхъ,
Пироговъ, ветчины
Блюда полныя.
Бахромой, кисеей
Принаряжена,
Молодая жена,
Чернобровая,
Обходила подругъ
Съ поцѣлуями,
Разносила гостямъ

Чашу горькаго.
Самъ хозяинъ за ней
Брагой хмѣльною
Изъ ковшей вырѣзныхъ
Родныхъ потчуетъ;
А хозяйская дочь
Медомъ сыченымъ
Обносила вокругъ
Съ лаской дѣвичьей.
Гости пьютъ и ѣдятъ,
Рѣчи гуторятъ
Про хлѣба, про покосъ,
Про старинушку:
Какъ-то Богъ и Господь
Хлѣбъ уродитъ намъ?
Какъ-то сѣно въ степи
Будетъ зелено?..
Гости пьютъ и ѣдятъ,
Забавляются
Отъ вечерней зари
До полуночи.
По селу пѣтухи
Перекликнулись;
Призатихъ говоръ, шумъ
Въ темной горенкѣ,
Отъ воротъ поворотъ
Видѣнъ по снѣгу.

А. Кольцовъ

ЧТО ТЫ СПИШЬ МУЖИЧОКЪ?

Что ты спишь, мужичокъ?
Вѣдь весна на дворѣ.
Вѣдь сосѣди твои
Работаютъ давно.
Встань, проснись, подымись,
На себя погляди:
Что ты былъ? и что сталъ?
И что есть у тебя?
На гумнѣ — ни снопа,
Въ закромахъ — ни зерна,
На дворѣ, по травѣ —
Хоть шаромъ покати.
Изъ клѣтей домовой
Соръ метлою посмелъ,
И лошадокъ за долгъ
По сосѣдямъ развелъ.
И подъ лавкой сундукъ
Опрокинутъ лежитъ;
И, погнувшись, изба,
Какъ старушка, стоитъ.
Вспомни время свое,
Какъ катилось оно
По полямъ и лугамъ
Золотою рѣкой,
Со двора и гумна,

По дорожкѣ большой,
По селамъ, городамъ,
По торговымъ людямъ!
И какъ двери ему
Растворяли вездѣ,
И въ почетномъ углу
Было мѣсто твое!
А теперь подъ окномъ
Ты съ нуждою сидишь
И весь день на печи
Безъ просыпу лежишь.
А въ поляхъ сиротой
Хлѣбъ не скошенъ стоитъ:
Вѣтеръ точитъ зерно,
Птица клюетъ его!
Что ты спишь, мужичокъ?
Вѣдь ужъ лѣто прошло,
Вѣдь ужъ осень на дворъ
Черезъ прясло глядитъ.
Вслѣдъ за нею зима
Въ теплой шубѣ идетъ,
Путь снѣжкомъ порошитъ,
Подъ санями хруститъ.
Всѣ сосѣди на нихъ
Хлѣбъ везутъ, продаютъ,
Собираютъ казну,
Бражку ковшикомъ пьютъ.

А. Кольцовъ

СЕМЬЯ НА РАБОТѢ

Рожь сжата, — полегче тутъ стало!
Возили снопы мужики.
А Дарья картофель копала
Съ сосѣднихъ полосъ у рѣки.
Свекровь ея тутъ же, старушка,
Трудилась; на полномъ мѣшкѣ
Красивая Маша-рѣзвушка
Сидѣла съ морковкой въ рукѣ.
Телѣга, скрипя, подъѣзжаетъ —
Савраска глядитъ на своихъ,
И Проклушка крупно шагаетъ
За возомъ сноповъ золотыхъ.
— Богъ помощь! А гдѣ же Гришуха? —
Отецъ мимоходомъ сказалъ.
«Въ горохахъ», сказала старуха.
— Гришуха! — отецъ закричалъ,
На небо взглянулъ. — Чай, не рано?
Испить бы... — Хозяйка встаетъ
И Проклу изъ бѣлаго жбана
Напиться кваску подаетъ.
Гришуха межъ тѣмъ отозвался:
Горохомъ опутанъ кругомъ,
Проворный мальчуга казался
Бѣгущимъ зеленымъ кустомъ.
— Бѣжитъ!.. у!.. бѣжитъ пострѣленокъ

Горитъ подъ ногами трава! —
Гришуха черенъ, какъ галчонокъ
Бѣла лишь одна голова.
Крича, подбѣгаетъ въ присядку
(На шеѣ — горохъ хомутомъ),
Попотчевалъ бабушку, матку,
Сестренку, — вертится вьюномъ!
Отъ матери молодцу ласка,
Отецъ мальчугана щипнулъ;
Межъ тѣмъ не дремалъ и Савраска:
Онъ шею тянулъ да тянулъ,
Добрался, — оскаливши зубы,
Горохъ аппетитно жуетъ
И въ мягкія, добрыя губы
Гришухино ухо беретъ...

Н. Некрасовъ

СѢНОКОСЪ

Пахнетъ сѣномъ надъ лугами;
Въ пѣснѣ душу веселя,
Бабы съ граблями рядами
Ходятъ, сѣно шевеля.
Тамъ — сухое убираютъ,
Мужички его кругомъ
На возъ вилами кидаютъ:
Возъ растетъ, растетъ, какъ домъ...

Въ ожиданьи конь убогій
Точно вкопанный стоитъ...
Уши врозь, дугою ноги,
И какъ будто стоя спитъ;
Только Жучка удалая
Въ рыхломъ сѣнѣ, какъ въ волнахъ,
То взлетая, то ныряя,
Скачетъ, лая впопыхахъ.

А. Майковъ

ОБОЗЪ

Далеко, далеко раскинулось поле,
Покрытое снѣгомъ, что бѣлымъ ковромъ,
И звѣзды зажглися, и мѣсяцъ, что лебедь,
Плыветъ одиноко надъ соннымъ селомъ.

Богъ знаетъ откуда, съ какимъ-то товаромъ
Обозъ по дорогѣ пробитой идетъ;
То взъѣдетъ онъ тихо на длинную гору,
То въ темной лощинѣ изъ глазъ пропадетъ.

И вотъ на дорогѣ онъ вновь показался
И на гору сталъ подниматься шажкомъ.
Вотъ слышно, какъ снѣгъ заскрипѣлъ подъ санями,
И кони заржали подъ самымъ селомъ.

Въ овчинныхъ тулупахъ, въ коломенскихъ шапкахъ,
Съ обозомъ и съ правой и съ лѣвой руки,
Въ лаптяхъ и онучахъ, въ большихъ рукавицахъ,
Кряхтя, поднимаясь, идутъ мужики.

Избились ихъ лапти отъ дальней дороги,
Ихъ жесткія лица морозъ заклеймилъ,
Высокія шапки, усы ихъ и брови
И бороды иней пушистый покрылъ.

И. Никитинъ

* *

*

При дорогѣ нива...
Доня-смуглоличка
День-деньской трудится —
Неустанно жнетъ:
Видно, не лѣнива,
А — что̀ Божья птичка —
На зарѣ ложится,
На зарѣ встаетъ.

Противъ нашей Дони
Поискать красотки.
Развѣ что далеко,
А въ сосѣдствѣ нѣтъ;
Косы на ладони;
Грудь, какъ у лебедки;
Очи съ поволокой;
Щеки — маковъ цвѣтъ.

Солнце такъ и жаритъ,
Колетъ, какъ иглою;
Стелется на полѣ
Дымъ, не то туманъ;

Съ самой зорьки паритъ —
Знать, передъ грозою;
Скинешь поневолѣ
Душный сарафанъ.

Разгорѣлась жница:
Жнетъ да жнетъ, да вяжетъ,
Вяжетъ безъ подмоги
Полные снопы...
А вдали зарница
Красный пологъ кажетъ...
Ходятъ вдоль дороги
Пыльные столбы...

Л. Мей

ПѢСНЯ ПАХАРЯ

Ну, тащися, Сивка,
Пашней десятиной.
Выбѣлимъ желѣзо
О сырую землю.

Красавица зорька
Въ небѣ загорѣлась;
Изъ большого лѣса
Солнышко выходитъ.

Весело на пашнѣ...
Ну, тащися, Сивка.
Я самъ-другъ съ тобою,
Слуга и хозяинъ.

Весело я лажу
Борону и соху,
Телѣгу готовлю,
Зерна насыпаю.

Весело гляжу я
На гумно, на скирды,
Молочу и вѣю...
Ну, тащися, Сивка.

Пашеньку мы рано
Съ Сивкою распашемъ,
Зернышку сготовимъ
Колыбель святую.

Его вспоитъ, вскормитъ
Мать-земля сырая;
Выйдетъ въ полѣ травка...
Ну, тащися, Сивка.

Выйдетъ въ полѣ травка —
Выростетъ и колосъ,
Станетъ спѣть, рядиться
Въ золотыя ткани.

Заблеститъ нашъ серпъ здѣсь,
Зазвенятъ здѣсь косы;
Сладокъ будетъ отдыхъ
На снопахъ тяжелыхъ.

Ну, тащися, Сивка,
Накормлю досыта,
Напою водою,
Водой ключевою.

Съ тихою молитвой
Я вспашу, посѣю:
Уроди мнѣ, Боже,
Хлѣбъ — мое богатство.

А. Кольцовъ

ЗА ДЕРЕВНЕЙ

Прохладно за старою ригой,
Гдѣ дремлетъ раскидистый дубъ,
Гдѣ пахнетъ смолою душистой
Поставленный за-ново срубъ.
По только что вырытымъ грядкамъ
Заносчиво ходитъ пѣтухъ.
У влажной, веселой тропинки
Помятъ молчаливый лопухъ.
Недаромъ все утро ворчала
Глухая хозяйка на насъ:
Закрыть мы забыли калитку,
Открыта она и сейчасъ.
Пришли ребятишки гурьбою,
Идти насъ на рѣчку зовутъ.
Крестьянскія дѣвушки пѣсню,
Сажая разсаду, поютъ.
Жужжатъ золотистыя мухи.
Прозрачное небо свѣтло,
И съ блѣдной весенней лазури
Весеннее льется тепло.

В. Башкинъ

КОСАРЬ

Я куплю себѣ
Косу новую,
Отобью ее,
Наточу ее —
И прости-прощай,
Село рòдное!..
Въ края дальніе
Пойдетъ молодецъ...
Что внизъ по Дону,
По набережью,
Хороши стоятъ
Тамъ слободушки...
Степь раздольная
Далеко вокругъ,
Широко лежитъ,
Ковылемъ-травой
Разстилается...

Ахъ ты, степь моя,
Степь привольная!
Широко ты, степь,
Пораскинулась,
Къ морю Черному
Понадвинулась.
Въ гости я къ тебѣ

Не одинъ пришелъ:
Я пришелъ самъ-другъ
Съ косой вострою;
Мнѣ давно гулять
По травѣ степной,
Вдоль и поперекъ,
Съ ней хотѣлося...
Раззудись, плечо!
Размахнись, рука!
Ты пахни въ лицо,
Вѣтеръ съ полудня!
Освѣжи, взѣолнуй
Степь просторную...
Зажужжи, коса,
Засверкай кругомъ!
Зашуми, трава
Подкошенная;
Поклонись, цвѣты,
Головой землѣ!
На ряду съ травой
Вы засохнете...
Нагребу копенъ,
Намечу стоговъ —
Дастъ казачка мнѣ
Денегъ пригоршни.

А. Кольцовъ

ДЕРЕВЕНСКІЙ СТОРОЖЪ

Ночь темна, на небѣ тучи,
Бѣлый снѣгъ кругомъ,
И разлитъ морозъ трескучій
Въ воздухѣ ночномъ.
Вдоль по улицѣ широкой
Избы мужиковъ;
Ходитъ сторожъ одинокій,
Слышенъ скрипъ шаговъ.
Зябнетъ сторожъ, вьюга смѣло
Злится вкругъ него,
На морозѣ побѣлѣла
Борода его.
Скучно! Радость измѣнила,
Скучно одному;
Пѣснь его звучитъ уныло
Сквозь мятель и тьму.
Ходитъ онъ въ ночи безлунной,
Бѣла утра ждетъ
И въ края доски чугунной
Съ тайной грустью бьетъ.
И, качаясь, завываетъ
Звонкая доска...
Пуще сердце замираетъ,
Тяжелѣй тоска!

Н. Огаревъ

ИЗБА

Небо въ часъ дозора
Обходя, луна
Свѣтитъ сквозь узоры
Мерзлаго окна.
Вечеръ зимній длится...
Дѣдушка въ избѣ
На печи ложится
И ужъ спитъ себѣ.
Помоляся Богу
Улеглася мать;
Дѣти понемногу
Стали засыпать.
Только за работой
Молодая дочь
Борется съ дремотой
Во всю долгу ночь.
И лучина блѣдно
Передъ ней горитъ;
Все въ избушкѣ бѣдной
Тишиной томитъ.
Лишь звучитъ докучно
Болтовня одна
Прялки однозвучной
Да веретена.

Н. Огаревъ

ЗИМНІЙ ВЕЧЕРЪ

Буря мглою небо кроетъ,
Вихри снѣжные крутя:
То, какъ звѣрь, она завоетъ,
То заплачетъ, какъ дитя;
То по кровлѣ обветшалой
Вдругъ соломой зашумитъ,
То, какъ путникъ запоздалый,
Къ намъ въ окошко застучитъ.

Наша ветхая лачужка
И печальна и темна.
Что же ты, моя старушка,
Пріумолкла у окна?
Или бури завываньемъ.
Ты, мой другъ, утомлена,
Или дремлешь подъ жужжаньемъ
Своего веретена?

Выпьемъ, добрая подружка
Бѣдной юности моей,
Выпьемъ съ горя; гдѣ же кружка?
Сердцу будетъ веселѣй.
Спой мнѣ пѣсню, какъ синица
Тихо за моремъ жила;
Спой мнѣ пѣсню, какъ дѣвица
За водой поутру шла.

Буря мглою небо кроетъ,
Вихри снѣжные крутя:
То, какъ звѣрь, она завоетъ,
То заплачетъ, какъ дитя...
Выпьемъ, добрая подружка
Бѣдной юности моей,
Выпьемъ съ горя; гдѣ же кружка?
Сердцу будетъ веселѣй!

А. Пушкинъ

СВѢТЕЛКА

Въ низенькой свѣтелкѣ, съ створчатымъ окномъ,
Свѣтится лампадка въ сумракѣ ночномъ:
Слабый огонечекъ то совсѣмъ замретъ,
То дрожащимъ свѣтомъ стѣны обольетъ.
Новая свѣтелка чисто прибрана:
Въ темнотѣ бѣлѣетъ занавѣсь окна;
Полъ обструганъ гладко; ровенъ потолокъ;
Печка развальная стала въ уголокъ.
По стѣнамъ — укладки съ дѣдовскимъ добромъ,
Узкая скамейка, крытая ковромъ,
Крашеныя пяльцы съ стуломъ раздвижнымъ
И кровать рѣзная съ пологомъ цвѣтнымъ.

Л. Мей

ЗИМНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ ДЕРЕВНѢ

Весело сіяетъ
Мѣсяцъ надъ селомъ;
Бѣлый снѣгъ сверкаетъ
Синимъ огонькомъ.

Мѣсяца лучами
Божій храмъ облитъ;
Крестъ подъ облаками,
Какъ свѣча, горитъ.

Пусто, одиноко
Сонное село:
Вьюгами глубоко
Избы занесло.

Тишина нѣмая
Въ улицахъ пустыхъ,
И не слышно лая
Псовъ сторожевыхъ.

Помоляся Богу,
Спитъ крестьянскій людъ,
Позабывъ тревогу
И тяжелый трудъ.

Лишь въ одной избушкѣ
Огонекъ горитъ:
Бѣдная старушка
Тамъ больна лежитъ.

Думаетъ — гадаетъ
Про своихъ сиротъ:
Кто ихъ приласкаетъ,
Какъ она умретъ.

Горемыки-дѣтки,
Долго-ли до бѣдъ!
Оба малолѣтки,
Разуму въ нихъ нѣтъ;

Какъ начнутъ шататься
По дворамъ чужимъ, —
Мудрено-ль связаться
Съ человѣкомъ злымъ!..

А ужъ тутъ дорога
Не къ добру лежитъ:
Позабудутъ Бога,
Потеряютъ стыдъ.

Господи, помилуй
Горемыкъ-сиротъ;
Дай имъ разумъ, силу,
Будь Ты имъ оплотъ!..

И въ лампадкѣ бѣдной
Теплится огонь,
Освѣщая блѣдно
Ликъ святыхъ иконъ,

И черты старушки
Полныя заботъ,
И въ углу избушки
Дремлющихъ сиротъ.

Вотъ пѣтухъ безсонный
Гдѣ-то закричалъ;
Полночи спокойной
Долгій часъ насталъ.

И, Богъ вѣсть, отколѣ
Пѣсенникъ лихой
Вдругъ промчался въ полѣ
Съ тройкой удалой,

И въ морозной дали
Тихо потонулъ
И напѣвъ печали,
И тоски разгулъ.

И. Никитинъ

НАКАНУНѢ СВѢТЛАГО ПРАЗДНИКА

Начну по порядку:
Я ѣхалъ весной
Въ Страстную Субботу
Предъ самой Святой.

Домой поспѣшая
Съ тяжелыхъ работъ,
Съ утра мнѣ встрѣчался
Рабочій народъ;

Скучая смертельно,
Рѣшалъ я вопросъ:
Кто плотникъ, кто слесарь,
Маляръ, водовозъ?

Не трудное дѣло!
Идутъ кузнецы —
Кто ихъ не узнаетъ?
Они молодцы

И пѣть и ругаться
Да — день не такой!
Идетъ кривоногій
Гуляка-портной:

Въ одномъ сертучишкѣ,
Фуражка, какъ блинъ, —
Гармонія, трубка,
Утюгъ и аршинъ!

Смотрите — красильщикъ!
Узнаешь сейчасъ
Носъ выпачканъ охрой
И сурикомъ глазъ;

Онъ кисти и краски
Несетъ за плечомъ,
И словно ландкарта
Передникъ на немъ.

Вотъ пильщики: сайку
Угрюмо жуютъ
И, словно солдаты,
Всѣ въ ногу идутъ.

А пилы стальныя
У добрыхъ ребятъ,
Какъ рыбы живыя,
На плечахъ дрожатъ!

Я добраго всѣмъ имъ
Желаю пути;
Въ родныя деревни
Скорѣе придти.

Омыть съ себя копоть
И потъ трудовой
И встрѣтить Святую
Съ веселой душой...

Н. Некрасовъ

КАЗАЧЬЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ

Спи, младенецъ мой прекрасный,
Баюшки-баю.
Тихо смотритъ мѣсяцъ ясный
Въ колыбель твою.
Стану сказывать я сказки,
Пѣсенку спою;
Ты-жъ дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю.
По камнямъ струится Терекъ
Плещетъ мутный валъ;
Злой чеченъ ползетъ на берегъ,
Точитъ свой кинжалъ;
Но отецъ твой — старый воинъ,
Закаленъ въ бою...
Спи малютка, будь спокоенъ!
Баюшки-баю.
Самъ узнаешь — будетъ время —
Бранное житье;
Смѣло вдѣнешь ногу въ стремя
И возьмешь ружье.
Я сѣдельце боевое
Шелкомъ разошью...
Спи, дитя мое родное,
Баюшки-баю.
Богатырь ты будешь съ виду
И казакъ душой;

Провожать тебя я выйду —
Ты махнешь рукой...
Сколько горькихъ слезъ украдкой
Я въ ту ночь пролью!..
Спи, мой ангелъ, тихо, сладко,
Баюшки-баю.
Стану я тоской томиться,
Безутѣшно ждать;
Стану цѣлый день молиться,
По ночамъ гадать;
Стану думать, что скучаешь
Ты въ чужомъ краю...
Спи-жъ, пока заботъ не знаешь,
Баюшки-баю.
Дамъ тебѣ я на дорогу
Образокъ святой —
Ты его, моляся Богу,
Ставь передъ собой!
Да готовясь въ бой опасный,
Помни мать свою...
Спи, младенецъ мой прекрасный,
Баюшки-баю.

М. Лермонтовъ

* *

*

Ты знаешь край, гдѣ все обильемъ дышетъ,
Гдѣ рѣки льются чище серебра,
Гдѣ вѣтерокъ степной ковыль колышетъ,
Въ вишневыхъ рощахъ тонутъ хутора,
Среди садовъ деревья гнутся долу,
И до земли виситъ ихъ плодъ тяжелый?

Шумя, тростникъ надъ озеромъ трепещетъ,
И чистъ, и тихъ, и ясенъ сводъ небесъ,
Косарь поетъ, коса звенитъ и блещетъ,
Вдоль берега стоитъ кудрявый лѣсъ,
И къ облакамъ, клубяся надъ водою,
Бѣжитъ дымокъ синѣющей струею?

Туда, туда всѣмъ сердцемъ я стремлюся,
Туда, гдѣ сердцу было такъ легко,
Гдѣ изъ цвѣтовъ вѣнокъ плететъ Маруся,
О старинѣ поетъ слѣпой Грицкò,
И парубки, кружась по пожнѣ гладкой,
Взрываютъ пыль веселою присядкой...

Ты знаешь край, гдѣ нивы золотыя
Испещрены лазурью васильковъ,
Среди степей курганъ временъ Батыя,

Вдали стада пасущихся воловъ,
Обозовъ скрипъ, ковры цвѣтущей гречи
И вы, чубы, остатки славной Сѣчи?

Ты знаешь край, гдѣ утромъ въ воскресенье,
Когда росой подсолнечникъ блеститъ,
Такъ звонко льется жаворонка пѣнье,
Стада блеятъ, а колоколъ гудитъ,
И въ Божій храмъ, увѣнчаны цвѣтами,
Идутъ казачки пестрыми толпами?..

Гр. А. К. Толстой

ВЪ КРЫМУ

Волшебный край, очей отрада!
Все живо тамъ: холмы, лѣса,
Янтарь и яхонтъ винограда,
Долинъ пріятная краса,
И струй, и тополей прохлада —
Все чувство путника манитъ,
Когда, въ часъ утра безмятежный,
Въ горахъ, дорогою прибрежной,
Привычный конь его бѣжитъ,
И зеленѣющая влага
Предъ нимъ и блещетъ, и шумитъ
Вокругъ утесовъ Аю-дага...

А. Пушкинъ

КАВКАЗЪ

Кавказъ подо мною. Одинъ въ вышинѣ
Стою надъ снѣгами у края стремнины:
Орелъ, съ отдаленной поднявшись вершины,
Паритъ неподвижно со мной наравнѣ.
Отселѣ я вижу потоковъ рожденье
И первое грозныхъ обваловъ движенье.

Здѣсь тучи смиренно идутъ подо мной;
Сквозь нихъ, низвергаясь, шумятъ водопады,
Подъ ними утесовъ нагія громады;
Тамъ ниже, мохъ тощій, кустарникъ сухой,
А тамъ уже рощи зеленыя сѣни,
Гдѣ птицы щебечутъ, гдѣ скачутъ олени.

А тамъ ужъ и люди гнѣздятся въ горахъ,
И ползаютъ овцы по злачнымъ стремнинамъ,
И пастырь нисходитъ къ веселымъ долинамъ,
Гдѣ мчится Арагва въ тѣнистыхъ брегахъ,
И нищій наѣздникъ таится въ ущельѣ,
Гдѣ Терекъ играетъ въ свирѣпомъ веселѣ;

Играетъ и воетъ, какъ звѣрь молодой,
Завидѣвшій пищу изъ клѣтки желѣзной,
И бьется о берегъ въ враждѣ безполезной,
И лижетъ утесы голодной волной...
Вотще! Нѣтъ ни пищи ему, ни отрады:
Тѣснятъ его грозно нѣмыя громады...

А. Пушкинъ

ЛѢСЪ

Что, дремучій лѣсъ,
Призадумался?
Грустью темною
Затуманился?

Что Бова-силачъ
Заколдованный,
Съ непокрытою
Головой въ бою,

Ты стоишь, поникъ
И не ратуешь
Съ мимолетною
Тучей-бурею.

Густолиственный
Твой зеленый шлемъ
Буйный вихрь сорвалъ
И разсѣялъ въ прахъ;

Плащъ упалъ къ ногамъ
И разсыпался...
Ты стоишь, поникъ
И не ратуешь.

Гдѣ-жъ дѣвалася
Рѣчь высокая,
Сила гордая,
Доблесть царская?

У тебя-ль было —
Въ ночь безмолвную
Заливная пѣснь
Соловьиная...

У тебя-ль было —
Дни — роскошество:
Другъ и недругъ твой
Прохлаждаются...

У тебя-ль — было —
Поздно вечеромъ
Грозно съ бурею
Разговоръ пойдетъ.

Распахнетъ она
Тучу черную,
Обоймет тебя
Вѣтромъ-холодомъ.

И ты молвишь ей
Шумнымъ голосомъ:
«Вороти назадъ!
Держи около!..»

Закружитъ она,
Разыграется...
Дрогнетъ грудь твоя,
Зашатается...

Встрепенувшися,
Разбушуешься —
Только свистъ кругомъ,
Голоса и гулъ.

Буря всплачется
Лѣшимъ, вѣдьмою,
И несетъ свои
Тучи за море...

Гдѣ-жъ теперь твоя
Мочь зеленая?
Почернѣлъ ты весь,
Затуманился,

Одичалъ, замолкъ —
Только въ непогодь
Воешь жалобу
На безвременье.

Не осилили
Тебя сильные —
Такъ дорѣзала
Осень черная.

А. Кольцовъ

* *

*

Если-бъ легкой птицы
Крылья я имѣла,
Въ частый бы кустарникъ
Я не полетѣла.

Если-бъ я имѣла
Голосъ соловьиный,
Я бы не носилась
Съ пѣсней надъ долиной.

Я бы не летала
На разсвѣтѣ въ поле
Косарямъ усталымъ
Пѣть о лучшей долѣ.

Я бы не кружилась
Вечеромъ надъ хаткой,
Чтобъ ребенка пѣсней
Убаюкать сладкой.

Нѣтъ! я полетѣла-бъ
Съ пѣсней въ городъ дальній:
Есть тамъ домъ обширный,
Всѣхъ домовъ печальнѣй.

У стѣны высокой
Ходятъ часовые;
Въ окна смотрятъ люди
Блѣдные, худые.

Имъ никто не скажетъ
Ласковаго слова, —
Только вѣтеръ пѣсни
Имъ поетъ сурово.

Отъ окна къ другому
Тамъ бы я летала,
Узниковъ привѣтной
Пѣсней утѣшала.

Я-бъ имъ навѣвала
Золотыя грезы,
И изъ глазъ потухшихъ
Вызывала слезы —

Чтобы эти слезы
Щеки ихъ смочили,
Полную печали
Душу облегчили...

И. Суриковъ

* *

*

Что ни ночь, мнѣ снится степь родная,
Гдѣ гуляетъ вѣтеръ на просторѣ,
Гдѣ поетъ онъ пѣсни, колыхая
Ковыля серебряное море.
Снится мнѣ и гордый тополь стройный,
Весь облитый знойными лучами,
И забытый, темный и спокойный,
Старый садъ съ узорными кустами.
Что ни ночь — мнѣ снится голубое
Дальней родины ликующее небо,
Снится въ небѣ солнце золотое
Надъ волнами зрѣющаго хлѣба.
И надъ степью хищный ястребенокъ
Чуть паритъ, согрѣтый солнца лаской...
Что ни ночь — я плачу, какъ ребенокъ,
Какъ дитя, обманутое сказкой.

Ада Чумаченко

ОГЛАВЛЕНІЕ

I. ДѢТСТВО

Стр.

Помню: долгій зимній вечеръ *(Ив. Бунинъ)* . . . 7
Во́ротъ *(А. Фетъ)* 9
Колыбельная пѣсня *(А. Майковъ)* 11
Колыбельная пѣсня *(Л. Мей)* 12
Колыбельная пѣсня *(Ѳ. Сологубъ)* 12
Колыбельная пѣсня *(Н. Крандіевская)* 13
Мнѣ снится: карликъ я *(В. Сиринъ)* 14
Бяшкинъ сонъ *(М. Лохвицкая)* 15
Сонъ Дремовичъ *(С. Сѣверный)* 17
Котъ поетъ, глаза прищуря *(А. Фетъ)* . . . 19
Мать и дитя *(А. Плещеевъ)* 20
Няня *(И. Никитинъ)* 22
Дѣвочка *(В. Брюсовъ)* 23
Мама, глянь-ка изъ окошка *(А. Фетъ)* 24
Мать *(А. Майковъ)* 25
Изъ жизни *(А. Плещеевъ)* 27
Дѣтство *(И. Суриковъ)* 30
Дѣвочка въ лѣсу *(М. Пожарова)* 31
Лѣсникъ и его внукъ *(И. Никитинъ)* 33
Вурдалакъ *(А. Пушкинъ)* 37
Крестьянскія дѣти *(Н. Некрасовъ)* 38
Купальщики *(М. Моравская)* 42
Дѣтская пѣсня *(В. Брюсовъ)* 43
Куклы *(С. Городецкій)* 44
Снѣгъ да снѣгъ *(А. Блокъ)* 45
Бука *(Г. Вяткинъ)* 47
Дѣвочка *(З. Гиппіусъ)* 49
На пляжѣ *(Н. Крандіевская)* 51
Плѣнный охотникъ *(М. Моравская)* 52
Бѣглецъ *(М. Моравская)* 53
Мечты *(М. Моравская)* 54
Примиреніе *(Г. Вяткинъ)* 55
Бабушка и внучка *(С. Соловьевъ)* 56
Про дѣвочку, которая нашла своего Мишку *(Саша Черный)* 57

Стр.
Въ поляхъ *(Г. Вяткинъ)* 59
Бѣдный мальчикъ *(А. Фетъ)* 60
Сусальный ангелъ *(А. Блокъ)* 61
Больной *(Г. Вяткинъ)* 62
Ожиданіе *(А. Плещеевъ)* 63
Кукла и котикъ *(М. Пожарова)* 65
Кресло *(С. Городецкій)* 66
Внучка *(А. Плещеевъ)* 67
Утро на берегу озера *(И. Никитинъ)* 68
Война *(В. Бенедиктовъ)* 70
Моя дѣвочка *(В. Инберъ)* 72
Мурка, не ходи, тамъ сычъ *(А. Ахматова)* . . . 73
При лунномъ свѣтѣ *(Я. Полонскій)* 74

II. ВСЕ ЖИВОЕ

Сказка о медвѣдихѣ *(А. Пушкинъ)* 79
Мишенька *(Я. Полонскій)* 82
Генералъ Топтыгинъ *(Н. Некрасовъ)* 83
Конь *(Н. Языковъ)* 87
Для малюсенькаго Гришки *(М. Моравская)* . . . 88
Теленокъ сосетъ *(Саша Черный)* 89
Арапкина молитва *(Саша Черный)* 90
Осленокъ въ звѣринцѣ *(М. Моравская)* . . . 92
Зайка *(Ѳ. Бергъ)* 93
Дѣдушка Мазай и зайцы *(Н. Некрасовъ)* . . . 94
Зайчикъ *(А. Блокъ)* 97
Мартышка *(Саша Черный)* 98
Ахъ, осень безпріютная *(М. Моравская)* 100
Два друга *(Д. Михайловскій)* 101
Котикъ и козликъ *(В. Жуковскій)* 102
Кошкинъ домъ *(К. Бальмонтъ)* 103
Гномы *(К. Бальмонтъ)* 104
Мыши *(В. Брюсовъ)* 105
Враги *(Мамонтовъ)* 106
Птичка Божія не знаетъ *(А. Пушкинъ)* 107
Мальчикъ и птичка *(А. Плещеевъ)* 108
Пѣсня птицъ *(Ада Чумаченко)* 110
Птичка *(В. Жуковскій)* 111
Соловей *(Н. Цыгановъ)* 112
Жаворонокъ *(В. Жуковскій)* 114
Какъ у насъ ли на кровелькѣ *(А. Дельвигъ)* . . 115
Ласточка *(Г. Державинъ)* 116
Гнѣздо ласточки *(И. Никитинъ)* 117
Ласточки *(А. Майковъ)* 118

Стр.
Малиновкѣ *(Л. Мей)* 120
Галчата *(Саша Черный)* 121
Освобожденный скворецъ *(А. Жемчужниковъ)* . . 122
Дятелъ *(Кальма)* 123
Куры *(Кальма)* 124
Ворона *(А. Блокъ)* 125
Индюкъ *(Саша Черный)* 126
Пингвинъ *(В. Сиринъ)* 127
Журавли *(Гр. А. К. Толстой)* 128
Умирающій лебедь *(В. Жуковскій)* 129
Рыбка *(А. Фетъ)* 130
Лягушки *(Саша Черный)* 131
Змѣя *(Ив. Бунинъ)* 133
Пчелка *(А. Пушкинъ)* 134
Пчелы *(Н. Некрасовъ)* 135
Мальчикъ и мотылекъ *(Л. Модзалевскій)* . . . 136
Веселыя качели *(М. Моравская)* 137
Гдѣ гнутся надъ омутомъ лозы *(Гр. А. К. Толстой)* 138
Зеленый червячокъ *(В. Брюсовъ)* 139
Бабочка *(А. Фетъ)* 140
Мошки *(П. Соловьева)* 141

III. ЛУКОМОРЬЕ

У лукоморья дубъ зеленый *(А. Пушкинъ)* . . . 145
Садко̀ *(Гр. А. К. Толстой)* 147
Морская царевна *(М. Лермонтовъ)* 153
Лѣшій *(Л. Мей)* 155
Домовой *(С. Дрожжинъ)* 162
Пѣсня русалокъ *(А. Пушкинъ)* 164
Баба-Яга *(Ив. Бунинъ)* 165
Снѣгурка *(Г. Данилевскій)* 166
Болотный попикъ *(А. Блокъ)* 167
Чудесная Бѣлка *(А. Пушкинъ)* 168
Судъ Миноса *(В. Жуковскій)* 169
Похороны бабочки *(Я. Полонскій)* 172
Феина дочь *(В. Сиринъ)* 174
Находка феи *(К. Бальмонтъ)* 176
Фея за дѣломъ *(К. Бальмонтъ)* 178
Эльфы *(М. Пожарова)* 179
Принцесса мая *(К. Фофановъ)* 180
Мальчикъ съ пальчикъ *(В. Жуковскій)* 181
Докторъ Козява *(С. Городецкій)* 184
Невидимочка *(С. Городецкій)* 185

Стр.
Лизочекъ *(К. Аксаковъ)* 187
Скрутъ *(Саша Черный)* 189
О волшебникѣ Мерлинѣ *(Г. Галина)* 190
Елочные гости *(М. Пожарова)* 192

IV. ВЪ САДАХЪ ПРИРОДЫ

Зима (изъ романа «Евгеній Онѣгинъ») *(А. Пушкинъ)* 197
Морозъ *(Н. Некрасовъ)* 198
Печальная береза *(А. Фетъ)* 200
Снѣжинки *(К. Бальмонтъ)* 201
Первопутокъ *(С. Городецкій)* 203
Зимняя дорога *(А. Пушкинъ)* 205
Бѣсы *(А. Пушкинъ)* 206
Бѣлѣетъ равнина унылая *(М. Пожарова)* . . . 208
Ель и береза *(Я. Полонскій)* 209
Сосна *(Л. Мей)* 210
Сѣверная береза *(Ив. Бунинъ)* 211
Снѣжокъ *(П. Соловьева)* 212
Гонимы вешними лучами *(А. Пушкинъ)* 213
Весна *(Ѳ. Тютчевъ)* 214
Зеленый шумъ *(Н. Некрасовъ)* 215
Весна *(А. Майковъ)* 216
Весенній дождь *(Гр. Ал. Н. Толстой)* 217
Подснѣжникъ *(П. Соловьева)* 218
Весеннія воды *(Ѳ. Тютчевъ)* 219
Облака *(Гр. А. К. Толстой)* 220
Степь *(И. Никитинъ)* 221
Вербы *(К. Бальмонтъ)* 223
Подъ напѣвъ молитвъ пасхальныхъ *(К. Фофановъ)* 224
Апрѣль *(Г. Вяткинъ)* 225
Первый громъ *(Гр. А. Голенищевъ-Кутузовъ)* . 227
Весенняя гроза *(Ѳ. Тютчевъ)* 228
Весна! Весна! Какъ воздухъ чистъ *(Е. Боратынскій)* 229
На лугу *(А. Блокъ)* 230
Май *(А. Будищевъ)* 231
Колокольчики мои *(Гр. А. К. Толстой)* 232
Мой садикъ *(А. Плещеевъ)* 233
Лѣтній дождь *(А. Майковъ)* 234
Вечеръ послѣ дождя *(И. Никитинъ)* 235
Загадка *(В. Жуковскій)* 237
По полю, полю чистому *(Н. Цыгановъ)* 238
Какъ веселъ грохотъ лѣтнихъ бурь *(Ѳ. Тютчевъ)* 239
Жалко стройныхъ кипарисовъ *(С. Надсонъ)* . . 240
Вѣнокъ изъ васильковъ *(В. Брюсовъ)* 241

Стр.
Утро *(В. Брюсовъ)* 242
Орѣхи *(П. Соловьева)* 243
Болото *(А. Майковъ)* 245
Ива *(А. Фетъ)* 246
Голосъ заката *(К. Бальмонтъ)* 247
Вечерняя заря *(Л. Модзалевскій)* 248
Вечеръ *(Я. Полонскій)* 249
Тишина *(К. Бальмонтъ)* 250
Ночь пролетала надъ міромъ *(А. Плещеевъ)* . . 251
Звѣзды ясныя *(К. Фофановъ)* 252
Въ лѣсу *(П. Соловьева)* 253
Нива *(Ю. Жадовская)* 254
Когда волнуется желтѣющая нива *(М. Лермонтовъ)* 255
Лежитъ въ полѣ дороженька *(Н. Цыгановъ)* . . 256
Лѣтомъ *(Н. Грековъ)* 257
Въ полѣ *(А. Будищевъ)* 258
Примѣты осени *(Н. Грековъ)* 259
Листья *(Ѳ. Тютчевъ)* 260
Златокудрая осень *(В. Башкинъ)* 261
Гдѣ сладкій шопотъ *(Е. Боратынскій)* 262
Осень *(С. Городецкій)* 263
Ужъ небо осенью дышало *(А. Пушкинъ)* 264
Дубовый листокъ оторвался отъ вѣтки родимой *(М. Лермонтовъ)* 266
Въ горахъ *(П. Соловьева)* 268
Обвалъ *(А. Пушкинъ)* 269
Нагорный ключъ *(Я. Полонскій)* 270
Гора *(Н. Языковъ)* 271
Утесъ *(М. Лермонтовъ)* 272
Туча *(А. Пушкинъ)* 273
У моря *(С. Надсонъ)* 274
Буря *(Н. Языковъ)* 275
Солнце и Борей *(В. Жуковскій)* 276

V. СВѢТЛЫЯ КРЫЛЬЯ

Ангелъ *(М. Лермонтовъ)* 281
Бѣгство въ Египетъ *(Ив. Буninъ)* 282
Бэда-проповѣдникъ *(Я. Полонскій)* 283
Изъ поэмы «Іоаннъ Дамаскинъ» *(Гр. А. К. Толстой)* 285
Вѣтка Палестины *(М. Лермонтовъ)* 286
Сиротка *(Ив. Буninъ)* 288
Надежда *(М. Лермонтовъ)* 289
Добрые сны *(М. Пожарова)* 290
Мальчикъ *(В. Брюсовъ)* 291

Стр.
Молитва *(М. Лермонтовъ)* 292
Всенощная въ деревнѣ *(И. Аксаковъ)* 293
Вечерняя пѣсня *(А. Хомяковъ)* 295
Рождество Христово *(В. Брюсовъ)* 296
Въ Святую ночь *(Г. Галина)* 297
Елка *(Я. Полонскій)* 298
Дѣтямъ *(Д. Мережковскій)* 301
Вербочки *(А. Блокъ)* 306
25 Марта *(П. Соловьева)* 307
Свѣтлое Воскресенье *(Я. Полонскій)* 308
Троицынъ день *(П. Соловьева)* 309
Канунъ Купалы *(Ив. Бунинъ)* 310
Донъ-Кихотъ *(Д. Мережковскій)* 312
Солнце и мѣсяцъ *(Я. Полонскій)* 315

VI. РОССІЯ

Петербургъ *(А. Пушкинъ)* 319
Всходило утро *(Н. Огаревъ)* 321
Наводненіе *(А. Пушкинъ)* 322
Блѣднѣетъ лѣтній день *(С. Надсонъ)* 325
Утро въ Петербургѣ *(А. Пушкинъ)* 326
На «Островахъ» *(Саша Черный)* 327
Жара *(П. Потемкинъ)* 329
Москва *(А. Пушкинъ)* 331
„ *(Ѳ. Глинка)* 332
„ *(Кн. П. Вяземскій)* 334
„ *(В. Бенедиктовъ)* 334
Балаганы *(Е. Боратынскій)* 335
Базаръ *(П. Потемкинъ)* 337
Власъ *(Н. Некрасовъ)* 339
Кіевъ *(А. Хомяковъ)* 340
Зима *(Кн. П. Вяземскій)* 342
Тройка *(Кн. П. Вяземскій)* 344
Къ городу Рязани *(Л. Мей)* 345
Тройка *(Л. Мей)* 346
Домъ въ Симбирскѣ *(М. Лермонтовъ)* 347
На Волгѣ *(Н. Некрасовъ)* 349
Пѣсня *(М. Лермонтовъ)* 351
Край ты мой, родимой край *(Гр. А. К. Толстой)* . 353
Родина *(Д. Мережковскій)* 354
Проселокъ *(А. Апухтинъ)* 355
Въ поѣздѣ *(Ив. Бунинъ)* 357
Петрушка *(А. Рославлевъ)* 359
Пожарный *(Саша Черный)* 360

Стр.
Про бабушку *(И. Новиковъ)* 363
Дядюшка Яковъ *(Н. Некрасовъ)* 365
Ярмарка *(И. Никитинъ)* 369
На вербѣ *(Саша Черный)* 370
Крестьянская пирушка *(А. Кольцовъ)* 372
Что ты спишь, мужичокъ *(А. Кольцовъ)* 374
Семья на работѣ *(Н. Некрасовъ)* 376
Сѣнокосъ *(А. Майковъ)* 378
Обозъ *(И. Никитинъ)* 379
При дорогѣ нива *(Л. Мей)* 380
Пѣсня пахаря *(А. Кольцовъ)* 382
За деревней *(В. Башкичъ)* 384
Косарь *(А. Кольцовъ)* 385
Деревенскій сторожъ *(Н. Огаревъ)* 387
Изба *(Н. Огаревъ)* 388
Зимній вечеръ *(А. Пушкинъ)* 389
Свѣтелка *(Л. Мей)* 391
Зимній вечеръ въ деревнѣ *(И. Никитинъ)* . . . 392
Наканунѣ Свѣтлаго праздника *(Н. Некрасовъ)* . . 395
Казачья колыбельная пѣснь *(М. Лермонтовъ)* . . 397
Ты знаешь край, гдѣ все обильемъ дышетъ *(Гр. А. К. Толстой)* 399
Въ Крыму *(А. Пушкинъ)* 401
Кавказъ *(А. Пушкинъ)* 402
Лѣсъ *(А. Кольцовъ)* 403
Если-бъ легкой птицы *(И. Суриковъ)* 406
Что ни ночь мнѣ снится степь родная *(Ада Чумаченко)* 408

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «СЛОВО»
Berlin SW 68, Kochstr. 23-24

А. Н. АФАНАСЬЕВЪ

РУССКІЯ ДѢТСКІЯ СКАЗКИ

Художественно-иллюстрированное изданіе

Съ рисунками въ нѣсколько красокъ

П. А. Хентовой

*

Л. Н. ТОЛСТОЙ

КНИГА ДЛЯ ДѢТЕЙ

Съ портретомъ Л. Н. Толстого

и рисунками П. А. Хентовой

*

В. А. ЖУКОВСКІЙ

ИЗБРАННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ

Съ біографіей и портретомъ В. А. Жуковскаго

*

А. С. ПУШКИНЪ

ИЗБРАННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ

Съ біографіей и портретомъ А. С. Пушкина

И. С. ТУРГЕНЕВЪ
ИЗБРАННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ
Съ біографіей и портретомъ И. С. Тургенева

*

Ѳ. М. ДОСТОЕВСКІЙ
ИЗБРАННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ
Съ портретомъ Ѳ. М. Достоевскаго

*

А. П. ЧЕХОВЪ
ИЗБРАННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ
Съ портретомъ А. П. Чехова

*

САША ЧЕРНЫЙ
ДѢТСКІЙ ОСТРОВЪ
Стихи для дѣтей
Съ рисунками Бориса Григорьева
Художественное изданіе

Получить можно во всѣхъ магазинахъ, продающихъ русскія книги. Въ случаѣ отсутствія въ таковыхъ — обращаться непосредственно въ Книгоиздательство СЛОВО, BERLIN SW 68, Kochstrasse 23/24, Ullsteinhaus

Напечатано и издано
Издательствомъ
«С Л О В О», Берлинъ